

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Магистерская программа
«Европейские исследования»

КОРНИЛОВА Татьяна Михайловна
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕС КАК ЭЛИТИСТСКОГО ПРОЕКТА

THE ELITIST FEATURES OF THE EU DEVELOPMENT

Диссертация
на соискание степени магистра
по направлению 41.04.05 «Международные отношения»

Научный руководитель –
кандидат исторических наук, доцент
Заславская Н.Г.

Студент:

Научный руководитель:

Работа представлена на кафедру

“ ___ ” _____ 2016 г.

Заведующий кафедрой:

Санкт-Петербург

2016

Оглавление	
ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Теоретические и методологические особенности изучения элит.....	14
§1. Трактовки понятия «элиты».....	14
§2. Современные школы теории элит: от макиавеллизма до неозэлитизма.....	16
§3. Тематика элит в осмыслении европейской интеграции и демократического дефицита	22
§4. Преимущества социологического анализа элит ЕС.....	27
Глава 2. Особенности европейских элит в контексте европейской интеграции.....	33
§1. Политические элиты ЕС.....	33
§3. Экономические элиты ЕС.....	54
§3. Бюрократические элиты ЕС (еврократия).....	63
§4. Сравнение видения интеграции европейскими элитами и европейскими гражданами	69
Глава 3. Влияние элит на развитие ЕС.....	83
§ 1. Элитистский характер межправительственных соглашений по реформированию ЕС	83
§2. Элитистский характер макроэкономического регулирования в рамках ЭВС.....	92
§ 3. Возможные сценарии будущего Единой Европы: потенциальное развитие отношений элит и европейских граждан.....	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	107
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	112

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕС КАК ЭЛИТИСТСКОГО ПРОЕКТА

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Миграционный кризис, который недавно захлестнул страны-члены ЕС, может изменить облик Европы окончательно и бесповоротно. Значительная доля граждан выступает против такого развития и дорожат своей культурой, идентичностью и безопасностью. Ряд экспертов говорит о, своего рода, «войне» элит с народами, о наличии двух разных, несовпадающих повесток дня. Экономический кризис также обнаружил нехватку мудрого и сильного лидерства в Европе, а также изъяны макроэкономического регулирования ЕС. В связи с этим остро встают вопросы – кто такие европейские элиты, каковы их идеологии, интересы и ценности в контексте интеграции, какое будущее они хотят для Европы? И, наконец, являются ли европейские элиты истинными попечителями и представителями интересов граждан или же деспотами, в лучшем случае, просвещенными¹? В то время, как демократия, права и свободы человека продвигаются ЕС на международной арене (порой весьма не мирными способами), являясь стержнем влияния и «мягкой силы» ЕС, необходимо деконструировать, стоят ли за этими ценностями менее благовидные интересы, так ли эти ценности реальны, как кажутся, и воплощаются ли они в самом ЕС. Эксперты уже давно говорят об общем кризисе политической культуры в западных странах, о пост-демократии и режиме «управления без политики» (policy/governance without politics). Для нас же интересно, что за публичным дискурсом ЕС и за ширмой ценностей и общего блага порой скрывается элитарный характер европейской интеграции с её темными сторонами и противоречиями.

Как говорится в известном брюссельском анекдоте, если бы ЕС подал заявку на вступление в ЕС, его бы не приняли по причине недемократичности². В данной работе недемократичность и элитизм зачастую выступают синонимами, т.к. эти два понятия взаимосвязаны. Элиты стремятся ограничить пространство для дискуссий и альтернатив, несогласные клеймятся «популистами», их норовят исключить из политического процесса, на лицо попытки ограничения свободы слова. Поэтому роль элит целесообразно рассматривать во взаимосвязи с демократическими тенденциями в том или ином обществе. Разные школы теории элит смотрят на «демократичность» и меритократию элит

---

¹ Концепция «просвещенный деспотизм» (enlightened despotism) предложена С. Хиксом в следующей монографии: Hix, Simon. What's wrong with the EU and how to fix it? - Polity Press; 1 edition. – 2008. Таким термином учёный характеризует состояние европейской политики на сегодняшний день.

² Siedentop, Larry. Democracy in Europe. – Penguin; New Ed edition. – 2001.

по-иному, и об этом речь пойдёт в Главе 1. Пока что ограничимся известной цитатой, гласящей, что «всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно»³.

Следует отметить, что феномен элит ЕС не был изучен в полной мере, и в современных условиях более внимательный анализ еврократии может помочь спрогнозировать развитие ЕС – ключевого партнёра и соседа России, одной из самых развитых экономик мира с серьёзным потенциалом, а также места сосредоточения культурного наследия и больших человеческих ресурсов.

Цель и задачи

Цель: выявить особенности развития ЕС под влиянием европейских элит, дав оценку их взаимодействию с европейскими гражданами с точки зрения политической конгруэнтности⁴.

Данная цель обусловила постановку и решение следующих исследовательских задач:

- сформулировать теоретико-методологические рамки исследования элит ЕС, а именно: объяснить ключевые концепции, используемые в работе, произвести типологизацию школ элитологии и классификацию элит, выявить категории элит, имеющих наибольший вес в европейской интеграции, раскрыть содержание методологии данного исследования;
- проанализировать особый вклад отцов-основателей европейского проекта в сильный элитистский компонент ЕС;
- выявить особенности европейских элит в контексте объединения Европы, а также специфические интересы разных категорий элит в интеграции и «всё более тесном союзе»⁵ и проследить, как конкретно эти интересы преломились в институциональном дизайне, политиках и стратегиях ЕС;
- сравнить восприятие ЕС европейскими элитами и европейскими гражданами, найти общее и различия в идентичностях, позициях и предпочтениях данных категорий в контексте европейской интеграции;
- охарактеризовать ряд стратегий элит для продвижения определённого, выгодного им имиджа и восприятия европейского проекта среди граждан;
- рассмотреть конкретные случаи, связанные с тем, как влияние элит проявляется: а) пример межправительственных соглашений по реформированию ЕС, имеющих ярко выраженный элитистский характер и демонстрирующих раскол между

---

³ Lord Acton. Letter to Archbishop Mandel Creighton (Apr. 5 1987). – URL: [http://history.hanover.edu/courses/excerpts/165acton.html] (дата обращения 01.05.2016)

⁴ Конгруэнтность (зд.) – это согласованность предпочтений и повесток дня элит и граждан

⁵ “an ever closer Union between the peoples of Europe” (англ). Treaty establishing the European Economic Community, EEC Treaty - original text (non-consolidated version). – URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3Axy0023] (дата обращения 01.05.2016)

- европейскими элитами и европейскими гражданами; б) пример макроэкономического регулирования в рамках ЭВС, приведшего к усилению исполнительно-технократического модуса управления и увеличению власти элит;
- разработать три возможных сценария будущего Единой Европы, особое внимание уделив потенциальному развитию взаимоотношений элит и европейских граждан.

Объект и предмет исследования

Объект – политические, экономические и бюрократические элиты Европейского союза как ведущие акторы европейской интеграции и их взаимоотношение с европейскими гражданами.

Предмет – особенности развития европейской интеграции под влиянием различных категорий европейских элит.

Основная гипотеза исследования

Европейский проект – по существу⁶ недемократичный, он создан элитами, управляется элитами и функционирует, по большому счёту, в интересах элит, для них; при благоприятном демократическом сценарии ЕС может стать свободной, широкой конфедерацией/лигой суверенных государств, в котором граждане смогут иметь больше политического веса, свободы и прав (сценарий «Иммануил Кант»), при негативном элитистском сценарии единую Европу ждёт ещё большая централизация и консолидация власти на наднациональном уровне в ущерб интересам и свободам не-элит (сценарий «Джордж Оруэлл»).

Степень разработанности темы

Тема элит издревле волнует умы и сердца людей, т.к. в человеческих цивилизациях всегда существовала социальная стратификация и ограниченные группы лиц, наделённые властными ресурсами, а также лидеры и герои. Роль правителей с нормативной точки зрения глубоко проработана в священных писаниях и древних сводах законов (Ветхий Завет, Новый Завет, Законы Ману, Авеста)⁷. Ещё в Античные времена понятие «элиты» имело позитивный оттенок (Платон – «правители-философы»; Ксенофонт – «правитель – отец и пастырь»)⁸. Действительно, элитология как наука имеет многовековую историю, и уже в средние века в этой области был получен ряд фундаментальных результатов (Ф.

---

⁶inherently (англ.)

⁷ Объединяющая идея писаний – это то, что правитель должен соблюдать законы, прежде всего божественные, следовать правде и справедливости.

⁸Утченко, С. Политические учения Древнего Рима. – М: Наука. – 1977.

Аквинский⁹, Ибн Халдун¹⁰, Н. Макиавелли¹¹). Мыслители эпохи Просвещения также внесли свою лепту в осмысление роли элит, популярность получили идеи о монархе или аристократии, опирающихся на законы и конституцию (Ш. Монтескье¹², М. Щербатов¹³, А. Гамильтон¹⁴).

Среди более поздних западных исследователей, занимавшихся изучением элит, можно назвать представителя классической социологии М. Вебера¹⁵, а также отцов-основателей элитологии как науки Г. Моски¹⁶ (понятие политического класса), Р. Михельса¹⁷ (железный закон олигархии) и В. Парето¹⁸ (закон циркуляции элит). Марксистская парадигма известна особым взглядом на проблему элит в обществе, которые, как класс угнетателей, противостоят классу угнетённых. Лево-либеральное крыло элитологии, зародившееся после Второй мировой войны в США, представлено Ч. Миллсом¹⁹, У. Домхоффом²⁰, Т. Даем²¹. В 30-40ые гг. XX также развитие получили демократические теории элитизма, основные представители этого направления – Й.

---

⁹Св. Фома Аквинский, О правлении государей // Фома Аквинский О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI - VIII вв.). Л., 1990.

¹⁰Ибн Халдун – арабский историк, был верховным кадием в Каире. Соч. «Китаб аль-ибар»; Ibn Khaldun. The Muquaddimah: An introduction to history. Translated from the Arabic by Franz Rosenthal. Pantheon Books. – N.Y. – 1958.

¹¹Макиавелли, Н. Государь. О военном искусстве. – АСТ. – 2015. Итальянский мыслитель, пытаясь найти оптимальное соотношение между государем и народом, находит его в сильной власти правителя; прорыв Н. Макиавелли в том, что он отступает от нормативизма в описании политических процессов («как должно быть») и исследует механизмы реальной политики («как есть»).

¹²Монтескье Ш.-Л. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. — Репринтное издание 1900 г. — СПб.: Альфарет, 2011. — 808 с.

¹³Щербатов, М. Избранные труды. - РОССПЭН, 2010.

¹⁴Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н.Яковлева, коммент. О.Л.Степановой. – М.: Издательская группа “Прогресс” – “Литера”, 1994.

¹⁵Weber, Max. Economy and Society (1992). - University of California Press; Reprint edition (October 11, 2013); Вебер, М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист. – 1994. Вебер М. Политические работы, 1895-1919. - М.: Праксис. – 2003.

¹⁶Mosca, Gaetano. The ruling class (1939). - Scholar's Choice (February 15, 2015). Моска, Г. «Правящий класс» / Пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой. Социологические исследования. 1994.

¹⁷Michels, Robert. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. – Hearst's International Library Co., 1915; Free Press, 1949; Dover Publications, 1959.

¹⁸Pareto, Wilfredo. The Mind and Society, Vol. IV, New York: Harcourt, Brace and Company, 1935. The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology, Transaction Publishers, 1991. Парето, В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Издательский дом "Территория будущего", 2011.

¹⁹Mills, Charles Wright. The Power Elite. – New York: Oxford University Press, 1956. – Oxford University Press; 1/18/00 edition (February 17, 2000). Миллс Р. Властвующая элита. - М.: Издательство иностранной литературы, 1959. Перевод с англ. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон.

²⁰G. William Domhoff. Who Rules America ? (1st ed. 1967). Who Rules America? The triumph of the corporate rich. - McGraw-Hill Education; 7 edition (May 17, 2013).

²¹Dye, Thomas. Who's ruling America? The irony of democracy. - Cengage Learning; 15 edition (January 1, 2011).

Шумперер²², К. Мангейм²³, С. Липсет²⁴, П. Бахрах²⁵, Г. Лассуэл²⁶. Для этих авторов элитизм – практика существующих демократий. Такая комбинация элитологии с демократическими теориями популярна в современной науке, особенно на Западе, и зачастую выступает в качестве апологетики западных политических режимов, постулируя, что элиты являются основными носителями демократических ценностей, а также гарантами государства благосостояния, и что они заинтересованы в демократии и заботятся о ней более, чем массы. Роль элит в контексте демократизации и социальных трансформаций изучается американскими исследователями Дж. Хигли и М. Бёртоном, опираясь на концепцию С. Хангтингтона о «волнах демократизации»²⁷.

Самое главное – оценить степень разработанности исследований элит ЕС. Здесь следует признать, что вопрос элит в контексте интеграции в традиционных европейских исследованиях обычно обходят стороной, на наш взгляд, чтобы «не будить спящую собаку»²⁸. Конечно, были отдельные яркие исследования, как, например, «Еврократы» (1966 г.) А. Спинелли²⁹. Исторические исследования, биографии отцов-основателей традиционно были более популярны. Долгое время практически не было никакой академической критики европейской интеграции, что соответствовало политической культуре «тотального оптимизма». Одним из немногих комплексных социо-политических исследований элит ЕС является работа М. Халлера «Европейская интеграция как элитистский процесс: провал мечты?» (2008)³⁰, интерес представляют также проекты по европейскому гражданству и анализу раскола между элитами и гражданами³¹. Роль элит так или иначе затрагивается в монографиях о ЕС общего характера³². Что касается смежных областей, то тема элит и дихотомия элит и граждан часто обсуждается в рамках

22[□] Shumpeter, Joseph. *Capitalism, Socialism and Democracy*. – Routledge. – 1976. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – Эксмо, 2007.

23[□] Mannheim, Karl. *Freedom, Power and Democratic Planning*. – Oxford University Press. – 1950.

24[□] Lipset, Seymour Martin. *Political Man: The Social Bases of Politics* (1960). - The Johns Hopkins University Press; Expanded edition (June 1, 1981).

25[□] Bachrach, Peter. *Political elites in a democracy*. - Aldine Transaction (January 11, 2010).

26[□] Lasswell, Harold Dwight. *Politics: Who Gets What, When, How* (1936). - Literary Licensing, LLC (October 15, 2011).

27[□] Higley, John and Burton, Michael. – *Elite foundations of liberal democracy (elites transformations)*. - Rowman & Littlefield Publishers (August 2, 2006). Лекция Джона Хигли «Демократия и элиты» 20 октября 2006 г. МГИМО (У) РФ.

28[□] «to let the sleeping dog lie» (idiom) - не касаться неприятных вопросов, больных мест; держаться от греха подальше (пер.)

29[□] Spinelli, Altiero. *The Eurocrats: Conflict and Crisis in the European Community*. – Johns Hopkins Press, 1966.

30[□] Haller, Max (2008-05-05). *European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream?* (Routledge Advances in Sociology). Taylor and Francis. Kindle Edition.

31[□] *The Europe of Elites A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites*. Edited by Heinrich Best, Gyorgy Lengyel, and Luca Verzichelli. – Oxford University Press, Oxford. – 2012.

32[□] Wiener, Antje and Diez, Tomas. *European Integration Theory*. - Oxford University Press, USA (2009); Dinan, Desmond. *Ever Closer Union? An Introduction to European Integration*. – Palgrave Macmillan. – 1999.

исследований демократического дефицита, и здесь уже можно назвать гораздо больше авторов (С. Хикс, Э. Моравчик, Дж. Маджоне, В. Шмидт, И. Крастев, Л. Хуг и др.)³³. Интересны и неординарны исследования авторов евроскептической направленности (британские историки К. Букер и Р. Норт³⁴, швед А. Хельстрём³⁵), а также антропологические исследования европейских элит (К. Шор³⁶). Эксперт по европейскому праву Дж. Вйлер внёс весомый вклад в анализ новых юридических элит ЕС, а также изобрёл концепцию «европейского демоса»³⁷.

Среди советских и российский исследователей, особого пиетета заслуживает Г. Ашин, который первым в стране начал разрабатывать тему роли народных масс и личности в истории³⁸, культура личности и ввёл во второй половине 1950х гг. тему элиты, но т.к. социологии и политологии в СССР формально не было, тема не могла быть разработана полностью. Другие известные российские авторы, посвятившие работы проблемам элитологии, - М. Бакунин, М. Острогорский, А. Автохранов, М. Восленский, О. Крышановская, О. Гаман-Голутвина (компаративные исследования элит) и др.³⁹.

В российском контексте тема элит ЕС достаточно нова и не столь разработана, как, например, классические темы расширения, политики соседства ЕС, двусторонних отношений ЕС с третьими странами и пр. Смежная тема демократического дефицита

33³³Hix, Simon. What's wrong with the EU and how to fix it? - Polity; 1 edition (May 6, 2013); Moravcsik, Andrew. The choice for Europe: Social purpose and State power from Messina to Maastricht. - Cornell University Press; 1 edition (October 15, 1998); Majone, Giandomenico. Dilemmas of European integration: the ambiguities and pitfalls of the integration by stealth. - Oxford University Press; 1 edition (March 1, 2009); Hooghe, Lisbet. Europe Divided? Elites vs Public Opinion on European Integration // European Union Politics. 2003, Volume 4 (3), pp. 281–304; Крастев, И. Управление недоверием. – М.: Изд-во «Европа». – 2014.

34³⁴Booker, Christopher and North, Richard. The great deception: the secret history of the European Union. – Continuum International Publishing Group Ltd.; Reprint edition. – 2003.

35³⁵Hellström, Anders. Bringing Europe down to Earth. – Department of Political Science, Lund University. – 2006. – URL: [lup.lub.lu.se/record/25500/file/26664.pdf] (дата обращения: 10.04.2016)

36³⁶Shore, Cris. Building Europe: the cultural politics of European integration. – Routledge. – 2000.

37³⁷Weiler, J.H.H. A quiet revolution: The European Court of Justice and Its Interlocutors // Comparative Political Studies. January 1994 vol. 26 no. 4 pp. 510-534

38³⁸Ашин Г.К. Критика современных реакционных теорий о роли народных масс и личности в истории (По материалам американской социологии): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1958. Материал к лекции на тему «Реакционная сущность идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории»: (На примере современной американской социологии). М.: Об-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, 1957; Ашин Г.К. Социология человеконенавистничества: (Современные американские буржуазные социологи о роли народных масс и личности в истории). М.: Знание, 1957. Ашин Г.К. Миф об элите и массовом обществе. М.: Международные отношения, 1966.

39³⁹Бакунин, М. Государственность и Анархия. – М.: Правда. – 1989; Острогорский, М. Демократия и политические партии (1903). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997; Автохранов, А. Технология власти. — Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 3-е изд., 1983; Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.— М.: "Советская Россия" совм. с МП "Октябрь", 1991; Крышановская, О. Анатолия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Сравнительная политология: Учебник / [Бусыгина И.М. и др.]; под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-пресс. – 2015

несколько более популярна⁴⁰. Проблему дихотомии элит-масс в ЕС так или иначе затрагивали в своих статьях и монографиях российские исследователи ЕС М. Стрежнева, О. Буторина, Е. Кавешников, Ю. Борко⁴¹, преподаватели кафедры «Европейских исследований» ФМО СПбГУ Ю. Кузьмин, Т. Романова, Н. Заславская, Д. Леви⁴² и др.

С учётом темы диссертации, **используемую литературу можно разделить по группам**. Во первую отнесены общие монографии о деятельности ЕС: «Политика Европейского союза», «Справочник Европы после 1945 г.», «Более тесный союз? Введение в европейскую интеграцию»⁴³ и др. Во вторую группу следует отнести монографии и исследования, посвящённые непосредственно вопросам элит и/или демократии в ЕС: работы М. Халлера, Х. Беста, Дж. Маджоне, И. Крастева, С. Хикса, Б. Крама, У Парсонса⁴⁴, Д. Георгакиса и Дж. Роуэлла⁴⁵ и др. Также в отдельную группу следует выделить узкоспециализированные монографии по иным проблемам и особенностям европейской интеграции, таким, как макроэкономическое регулирование в ЕС и социально-экономическое измерение Европы⁴⁶, идентичность⁴⁷, отдельные исторические аспекты⁴⁸ и пр. В третью группу можно отнести литературу по тематике элит и демократии, **не** связанную с ЕС: работы Д. Роткопфа, Г. Ашина, автореферат диссертации «Правящая

40[□] Кавешников, Н. Тема диссертации и автореферата по ВАК 23.00.22 на соискание степени к.п.н. «Трансформация институциональной структуры Европейского союза: 1992-2005 г.» – 2006; Стрелков А. «Демократический дефицит» после Лиссабонского договора // сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». – URL: [http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/demokraticeskij_deficit_pos...] (дата обращения: 10.04.2016); Шульга, М. «Дефицит демократии» в Европейском союзе: Смыслы и интерпретации // Журнал «Политическая наука». 2014. № 2. С. 162-182

41[□] Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития./ Под ред. Ю.А. Борко и О.А. Буторин. Свет и тени Европейской интеграции.

42[□]

43[□] Princen, Sebastian and Lelieveldt, Herman. The politics of the European Union (Cambridge Textbooks in Comparative Politics). – Cambridge University Press. – 2011; Larres, Klaus. A Companion to Europe since 1945. – Blackwell Publishing Ltd. – 2009. – URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/136731/A_companion_to_Europe_since_1945.pdf]; Dinan, Desmond. Ever Closer Union? An Introduction to European Integration. – Palgrave Macmillan. – 1999.

44[□] Parsons, Wayne, Giorgi, Lisa, von Homeyer, Ingmar et al. Democracy in the European Union: towards the emergence of a public sphere. – Routledge. – 2006.

45[□] Georgakakis, D., Rowell, J. Field of Eurocracy. Mapping EU actors and professionals. – Palgrave Macmillan UK. – 2013

46[□] Gallagher, Tom. Europe's path to crisis: disintegration via monetary union. – Manchester University Press. – 2014; Bohle, Dorothee and Greskovits, Bela. Capitalist Diversity of Europe's Periphery. - Capitalist Diversity of Europe's Periphery. – 2012.

47[□] Keulman, Kenneth and Koós, Agnes Katalin. European Identity: Its Feasibility and Desirability. – Plymouth, Lexington Books. – 2014; European Identity. Edited by Jeffrey T. Checkel and Peter J. Katzenstein. – New York: Cambridge University Press. – 2009; Hellström, Anders. Bringing Europe down to Earth. – Department of Political Science, Lund University. – 2006.

48[□] Кузьмин, Ю. Общая ассамблея Европейского сообщества угля и стали и развитие европейской интеграции (1952-1958 гг.). – СПб: Изд-во С-Петербур. ун-та. – 2002.

элита как социальный феномен», трактаты «Государь» Н. Макиавелли и «О вечном мире» И. Канта, работа Р. Даля «Демократия и её критики»⁴⁹ и пр. Четвёртую группу составят статьи из периодических, информационно-аналитических и академических изданий. В пятую группу можно отнести нетрадиционные Интернет-ресурсы, такие, как блоги (например, Verlaymonster), а также видеоролики с канала Youtube⁵⁰.

Обзор использованных источников

Используемые источники также следует классифицировать. Первую группу составляют межправительственные учредительные договоры о реформировании ЕС и межправительственные договоры о макроэкономическом регулировании ЕС. Во вторую группу входят данные официальных сайтов ЕС, такие, как материалы опросов Евробарометра, а также сводки бюджета ЕС. Третью группу составили письма, мемуары и программные выступления европейских официальных лиц.

Хронологические рамки исследования – начало XX в. – настоящее время. Их ограниченность объясняется стремлением сконцентрироваться на Европейском союзе как факте социальной реальности, не уходя вглубь в историю «европейской идеи» (т.к. это уже отдельная тема), а также бросить основные усилия на диагностику ключевых проблем ЕС, связанных с его элитистским характером и противоречиях между интересами граждан и элит.

Теоретико-методологическая база исследования (какой теории предпочтение, концепты, методы)

Европейский союз рассматривается как синергетическая политическая система, состоящая из элементов, образующих между собой связи. В связи с этим, релевантно было учение Д. Истона о политических системах, обладающих «легитимностью на входе» «легитимностью на выходе» (в частности, это было необходимо, чтобы оценить степень вовлечённости граждан в политический процесс, политическую конгруэнтность, а также практические результаты валютно-экономической политики ЕС в форме ЭВС). Помимо этого, было необходимо обратиться к понятию «сквозная легитимность»⁵¹, разработанному В. Шмидт, концепциям Л. Хуг и Г. Маркса «ограничительное несогласие»,

---

⁴⁹Даль, Р. Демократия и её критики. / Пер. с англ. Под ред. М.В.Ильина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2003.

⁵⁰ Bill Mitchel in Helsinki. The euro crisis and austerity. – URL: [<http://www.youtube.com/watch?v=yHEjobYP6mg>]

⁵¹Schmidt, Vivien A. Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited: Input, Output and ‘Throughput’ // Political Studies Volume 61, Issue 1, pages 2–22, March 2013. «Throughput legitimacy» - качество процесса принятия решений и управления, место в нём групп интересов.

«разрешительный консенсус»⁵², необходимые для анализа среды и факторов падения уровня легитимности ЕС, а также построения сценариев будущего развития. И, наконец, с целью изучения взаимоотношений элит и граждан и сравнительного анализа этих двух социальных категорий было взято на вооружение понятие «политическая конгруэнтность».

Для обоснования выводов в ходе исследования применялся анализ научной литературы, исследований и публицистического материала, методы изучения нормативно-правовой документации, методы сравнительного анализа, синтеза, описания, системный подход (чтобы рассмотреть политическую систему ЕС как совокупность взаимосвязанных элементов, а также добиться комплексного видения объекта), также использовались такие методы, как классификация, метод логических обобщений и прогнозирования. С целью изучения истоков элитистского характера ЕС применялся исторический метод.

Одна из главных теорий, рассмотренных в данной работе – критический элитизм (лево-либеральный элитизм Ч. Миллса) – вдохновила автора на разностороннее изучение элит ЕС, деконструкцию того положительного и миссионерского образа, который они пытаются себе создать, и развенчивание ряда мифов. Однако, т.к. данный выдающийся автор писал, главным образом, о ситуации в США, то напрямую использовать его находки в работе не представилось возможным. Вместо этого, на вооружение был взят метод социологического анализа, при помощи которого удалось нарисовать реалистичный портрет европейских элит, выявить их специфические интересы в интеграции и элитистские черты европейского проекта, а также дать оценку противоречиям, существующим между элитами и массами, и его причинам. В диссертации были использованы вторичные социологические данные из работ М. Халлера⁵³ и Х. Беста⁵⁴, по причине того, что самостоятельно произвести анкетирование и интервьюирование политических, экономических и бюрократических элит представляется невозможным с точки зрения ресурсов. Была сделана попытка применения в исследовании антропологического метода, с помощью которого было выявлено не только влияние на политику социальных факторов, а также роль человеческого (инстинкты, черты интеллекта, психики, характера, поведенческих стратегий), и главным фокусом здесь были отцы-основатели европейского проекта. Из методологической базы теории элит был взят

52[□] Hooghe, Liesbet and Marks, Gary. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British Journal of Political Science*. 2009, Vol. 39, pp 1-23.

53[□] Haller, Max (2008-05-05). *European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream?* (Routledge Advances in Sociology). Taylor and Francis. Kindle Edition.

54[□] *The Europe of Elites A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites* Edited by Heinrich Best, Gyorgy Lengyel, and Luca Verzichelli.

на вооружение постулат о дихотомии элита-масса, и через эту призму осуществлялся анализ политической системы ЕС. Локально применялся метод анализа текстов выступлений и высказываний элит.

Существует небольшая сложность в том, что большинство современных теорий элит – этатистские, а ЕС государством не является. Тем не менее, в последнее время появляются новые исследования, которые нацелены на изучение меняющегося характера элит в контексте глобализации – например, работа практика и теоретика американской политики Д. Роткопфа «Суперкласс», получившая мировой резонанс⁵⁵. Так как значительная часть европейских элит, несомненно, входит в глобальный суперкласс, исследование Роткопфа получило наше пристальное внимание. Также всё большее употребление терминов «еврократия», «евроэлиты» свидетельствует о развитии теоретического осмысления данного феномена в контексте европейских исследований.

Научная новизна

В контексте элитологии проблематика элит ЕС практически не разрабатывалась. Сильной стороной исследования также является то, что элиты ЕС были разделены на группы, а затем были последовательно проанализированы интересы и потребности этих групп в проекте единой Европы в том виде, в котором он сейчас существует. Был дан свежий взгляд на проблемы европейского союза последних десятилетий, на иллюстративных примерах была дана оценка диссонансу между «Европой граждан» и «Европой элит». Конечным продуктом анализа являются творчески разработанные авторские сценарии дальнейшего возможного развития ЕС.

Практическая значимость

ЕС - крупный политический и экономический международный актор, с которым, хотя бы в силу географического детерминизма, Россия должна взаимодействовать и сотрудничать. Нельзя эффективно строить отношения с «неопознанным летающим объектом», поэтому нам необходимо понять природу ЕС и избавиться от ряда иллюзий в отношении единой Европы, чтобы вести диалог на более равноправной основе. ЕС – это не демократический «остров», а проект элит и, во многом, для элит, и в политической стратегии и тактике важно различать повестки дня элит и граждан, которые в чём-то сходятся, а в чём-то разнятся. Например, очень важно с практической точки зрения понимать, что далеко не все европейцы, а только небольшая их часть, настроены к России

---

⁵⁵ Роткопф, Д.: Суперкласс. Те, кто правит миром. – М.: АСТ. – 2010.

враждебно – однако, вследствие определенных образов в СМИ и нехватки психических ресурсов, чтобы справиться с информационным потоком, простому обывателю порой кажется, что мы окружены врагами. О каком общем европейском гуманитарном и цивилизационном пространстве тогда может идти речь? России необходимо развивать «мягкую силу» и более успешно влиять на мир вокруг, и понимание характеристик и прагматичных интересов европейских элит, которые часто скрываются за ширмой ценностей, может стать важным шагом в этом направлении. Осмысливание элитистского характера ЕС может помочь предотвратить развитие и экспансию таких тревожных тенденций, как введение тотального контроля над общественными настроениями, надзор за толерантностью граждан, а также подмену понятий (отождествление Европы с ЕС, евроскептиков с популистами или радикалами, несогласных с террористами и пр.).

§1. Трактовки понятия «элиты»

Как пишет ведущий российский элитолог Г. Ашин, «термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* —выбирать; в современной литературе получил широкое хождение от французского *elite* — лучший, отборный, избранный. В XVIII веке его употребление расширилось, он начинает употребляться для наименования «избранных людей», прежде всего, высшей знати, а также отборных («элитных») воинских частей»⁵⁶. На просторах Интернета расхожа история про спартанские корни данного слова: когда вручался щит молодому воину, его увещевали вернуться с боя с ним или на нём (*elte el elite*). В таком контексте «элита» в первую очередь означает благородные, храбрые, выдающиеся качества характера. Существует много определений понятия «элиты». Так, например, выглядит переработанное из «Википедии»: «Элита [] — в социологии и политологии — неотъемлемая и важная часть любого социума. Осуществляет функции управления социумом, а также выработки новых моделей (стереотипов) поведения, позволяющих социуму приспосабливаться к изменяющемуся окружению. Слово также применяется для обозначения несоциальных субъектов, обладающих исключительными качествами (фактическими или мнимыми — например, в сельском хозяйстве, в коммерции). Распространено ироническое применение термина»⁵⁷. Г. Ашин приводит и иные толкования: элиты – это «харизматические личности (М. Вебер), творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); лица, получившие наивысший индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности (А. Парето)⁵⁸».

Наиболее современным и обобщенным представляется определение, которое дают социологи А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс: «Элиты [...] — люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). В некоторых обществах элиты резко отделены от других граждан. Элита — те люди, которые занимают высшие властные

56[□] Ашин, Г. Элита. История термина и его применение // НП ЦДО «Элитариум». – URL: [<http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatje-termin-pareto-jelitamyj-vlast-obshhestvo/>] (дата обращения: 10.04.2016)

57[□] Элита. История термина. – URL: [<http://oko-planet.su/spravka/spravkamir/170028-elita-istoriya-termina.html>] (дата обращения: 10.04.2016)

58[□] Ашин, Г. Элита. История термина и его применение // НП ЦДО «Элитариум». – URL: [<http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatje-termin-pareto-jelitamyj-vlast-obshhestvo/>] (дата обращения: 10.04.2016)

позиции, контролирует большую часть собственности и имеют наивысший престиж⁵⁹». Цель элит – осуществление власти, контроль, проведение в жизнь собственных интересов, а также обеспечение стабильного и эффективного функционирования общества (что вполне прагматично – без последнего невозможно первое). А. Сванн и др. считают, число этих людей составляет примерно около одного процента от численности населения. Элита может пониматься в узком смысле (только как политическая элита) и в широком (добавляются иные разнообразные «социальные поля»). Впрочем, как можно было заметить, однозначного наполнения и трактовки термин так и не получил. В.К. Криворученко и др. в своей коллективной научной статье высказывают следующую интересную мысль: «[т]ермин «элита» при его оригинальном прочтении и применении подразумевает лучших, наиболее достойных людей, но мировая практика даже самого последнего времени показывает, что в составе власть имущих высвечиваются циники, считающие любые средства возможными для достижения своих обособленных от народа целей, жестокие по натуре. Австрийский экономист Ф. Хайек писал в «Дороге к рабству», что «у власти оказываются худшие» [...] А это говорит о невозможности в строго научном плане применять термин «элита» по отношению к власти предрержащей»⁶⁰. Здесь следует отметить, что, действительно, исторически сложился аксиологический («ценностный») акцент в трактовке данного понятия. Это можно объяснить тем, что имеется солидный стаж о представлениях, в том числе мифологических, о носителях верховной власти как наделенных превосходными, порой сверхъестественными качествами. Тем не менее, в современной политической науке преобладает функциональный подход: элита есть категория лиц, выполняющих сложные функции, прежде всего управленческие. Эмпирическая наука интересуется тем, кто правит, а нормативная задаётся вопросом о том, кто должен править. Автор данной работы пока что пытается найти ответы только на первый вопрос.

В России до начала XX в. термин элита широко не использовался и в первый раз появляется только в толковом словаре Д. Ушакова, датированном 1935-1949 гг., и даны такие определения: «избранное общество (книжн.)», «лучшие, отборные экземпляры растений

59[□]Элита. История термина. – URL: [<http://oko-planet.su/spravka/spravkamir/170028-elita-istoriya-termina.html>] (дата обращения: 15.01.2016)

60[□]Криворученко, В., Мацуев А., Плотников А., Сыздыкова Ж. Элита: к вопросу о понятии // Знание, понимание, умение. 2012. № 3. – URL: [http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/3/Krivoruchenko_Matsuev_Plotnikov_Syzdykova-Elite-Question-Concept/] (дата обращения: 15.01.2016)

или животных»⁶¹. Более близкое к современному определение в контексте человеческого фактора было дано в советском ожеговском словаре.

В элитологии можно выделить две парадигмы, а именно элитизм и элитаризм. Элитаризм консервативен и практически исключает социальную мобильность; в свою очередь, элитизм делает слишком большую ставку на саморегуляцию системы и объективное, меритократическое рекрутирование. Для обоих неравенство – естественное состояние общества. Чёткое разделение на парадигмы весьма условно, и даже принадлежность классических теорий элит к определённой парадигме трудно трактовать однозначно. Элитология также включает в себя такую парадигму на стыке элитизма и демократической концепции элит, как умеренный эгалитаризм.

Прообразом элитистских теорий можно назвать представления античных философов об аристократии как правлении лучших. Платон связывал дихотомию правящего меньшинства и управляемого большинства с душевными качествами, присущим разным группам населения. Разумная часть души, добродетель которой – мудрость, соотносится с сословием правителей-философов; яростная часть, с мужеством в качестве добродетели, соответствует сословию воинов; низменная, вожделеющая часть души, погрязшая в удовольствиях и суетах, довлеет над сословием земледельцев и мещан. Мудрые правители (философы) должны опекать худшую часть государства. Описание Платона напоминает ведическую концепцию идеального общественного устройства варнашрама-дхармы, к которой в последние годы возрастает интерес.

§2. Современные школы теории элит: от макиавеллизма до неоэлитизма

Возникновение более близкого современности элитизма связывают с именем Н. Макиавелли, который выделял два вида правителей: «львов» (используют насильственные меры) и «лис» (предпочитают гибкие меры). Он выделял меньшинство, удерживающее власть, и меньшинство, идущее к власти, указывая, что все основные конфликты разворачиваются здесь. Требования народа вызваны не корыстью и противоречивыми прихотями отдельных индивидов, а общими для всех людей интересами. Н. Макиавелли также предлагает классификацию элит по сферам деятельности: духовная элита, политическая, военная и, наконец, интеллектуальная. В главе X «Государя» итальянский мыслитель выделяет среди наиболее достойных людей родоначальников и устроителей религий, основателей республик и монархий, а также успешных военачальников⁶². Идеи итальянского философа были взяты на вооружение В. Парето, выдающимся

61[□] Толковый словарь Ушакова онлайн. – URL: [<http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87423>] (дата обращения: 15.01.2016)

62[□] Макиавелли, Н. Государь. – URL: [<http://libclub.net/M/MakiaveliNikolo/MakiaveliNikolo-104-18.htm>] (дата обращения: 16.01.2016)

последователем Макиавелли на рубеже XIX-XX вв. Но прежде чем перейти к Парето, представляется важным упомянуть вклад в теории элит, сделанный Ф. Ницше, который попытался обосновать необходимость воспитания новых лидеров общества – духовных и политических. Чтобы не погас импульс жизни, превратившись в господство околониционных масс, необходимы «философы-законодатели». Несомненно, последние должны иметь волю к власти. Ницше был невысокого мнения о демократии, считая, что она ведёт к размельчанию человека в песок и его нивелировке.

Уже знакомый нам В. Парето, наряду с другими теоретики итальянской школы политической социологии⁶³ Г. Моска, Р. Михельсом, Ж. Сорелем, считается классиком элитологии. Он ввёл в научный оборот термин элита. Согласно созданной Парето теории циркуляции элит постоянно происходит круговорот элит, их смена (львы сменяют лисиц или наоборот и т.д.). Борьба элит есть константа развития общества. Правящие слои могут удерживать власть сочетанием силы, которую нужно уметь вовремя применить, и согласия; последнее зиждется на умении элит убедить народ в собственной правоте при помощи методов манипулирования чувствами и эмоциями. Мыслитель приписывал элите превосходящие врождённые психологические свойства. По Парето, элита – совокупность лиц с наивысшими индексами в своей профессиональной деятельности. Таким образом, элита имеется не только во властных структурах, но и в любой области деятельности: элита юристов, элита воров и т.п. Разница в индексах обусловлена различными психологическими и интеллектуальными качествами людей, отсюда следует неизбежность деления общества на элиты и массы.

Другой классик элитологии – Р. Михельс - изучал олигархические тенденции демократии, за отправную точку взяв организацию как таковую и затем экстраполировав свои выводы на государство. Михельс объяснил феномен олигархии с психологической и организационной точек зрения. Нужды организации естественным образом выделяют руководящее профессиональное меньшинство, которое, заставляя массы признать себя, всё больше от них отдаляется. Мыслитель обозначил это «железным законом олигархии». Олигархические отношения основаны не только на жажде вождей увековечить и укрепить свою власть, но и на инертности масс, а также на технических характеристиках политической организации.

Г. Моска оперировал термином «политический класс» и определял способность к управлению и влиянию в качестве главного критерия элит. Также для элит важно понимать ментальность народа, его национальный характер. Анализируя способы рекрутирования кандидатов в состав правящего класса, политолог выделял две тенденции:

---

⁶³Эту школу называют макиавеллистской, поскольку именно Н. Макиавелли, вычленив политику как самостоятельную сферу общества, стал рассматривать ее не как область должного и воображаемого, а как политическую реальность, как практику.

аристократическую и демократическую, т.е. для предотвращения деградации правящего слоя Моска считал необходимым вливать в него «новую кровь», что предполагает включение в слой управленцев наиболее талантливых выходцев низших слоёв, способности и воля которых способствует сохранению высокого интеллектуального и волевого тонуса правящего класса. Моска и Парето считали демократию не подлинным народовластием, а скорее фикцией – правлением «элиты лис», демагогов. Другими словами, демократическая форма может быть использована для укрепления и стабильности правящего класса, для повышения его легитимности.

Теория элит прошла длительный путь эволюции. В 1930-е г. благодаря работам Г. Лассуэла⁶⁴, который исследовал психологическое измерение власти и технологически-манипулятивные аспекты управления обществом, элитология формируется в США. Сегодня политология наравне с теориями представителей макиавеллистской школы оперирует и другими теориями. Например, демократический элитизм стремится синтезировать элитарную теорию и теорию демократии. Представители этой школы (Дж. Шумпетер, К. Мангейм, С. Липсет, П. Бахрах, Р. Даль) постулируют, что элитарность – это условие успешного функционирования любых обществ, в которых есть разделение управленческого и исполнительного труда и соблюдаются базовые демократические принципы. «Элита не властвует, а осуществляет управление массами при их добровольном согласии»⁶⁵, а постоянная связь элиты с обществом происходит посредством демократического рекрутирования.

Традиция школы демократического элитизма связана с именем Макса Вебера, который полагал, что руководство сложным общественным устройством требует знания дела. Согласно Веберу, должности чиновников более высокого уровня, ответственных за разработку общеполитических решений, могут быть выборными, однако наряду с этим должен существовать довольно большой слой функционеров, на которых возложена основная тяжесть управления страной: «очевидно, что крупное современное государство полностью зависит от бюрократии...». Представительная плюралистическая демократия может защитить от произвола, однако, «правление народа» возможно только в очень ограниченном смысле, в силу структуры партий и специфики их работы. Вебер особо подчеркивает важность лидерства в демократии. Он полагает, что правление с помощью элиты неизбежно, и лучшее, на что, по его мнению, можно надеяться, - что элитарные структуры будут эффективно представлять интересы людей, делая это разумно и инициативно.

---

64 Lasswell, Harold. *Psychopathology and Politics* (1930) - University Of Chicago Press; New edition edition (June 15, 1986); *Power and Personality* (1948) - Transaction Publishers (May 30, 2009).

65 Милс Р. Политическая элита. – URL: [http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/dca2ae9f-5666-4564-8db9-ebfb341bcd5b/%5BCIVS11011_10-11%5D_%5BTS_65%5D.html] (дата обращения: 16.01.2016)

Школа «демократического элитизма» не отрицает концепции народного суверенитета, что уже означает пересмотр некоторых постулатов радикального элитизма. Вместе с тем понятие демократии лишается первоначального смысла: это не правление народа, но власть демократической элиты, которая правит «на благо всего общества», с одобрения народа.

Теоретик современного «демократического элитизма» П. Бахрах пишет, что, чтобы соединить концепцию Моски-Парето с «современной демократической теорией», потребовалась радикальная ревизия элитизма, которая и была осуществлена Дж. Шумпетером и К. Маннгеймом в 30-х —40-х годах. Шумпетер предложил модернизировать понятие демократии, перестать отождествлять ее с народоправием. Его характеристика демократии, ставшая весьма распространенной в политологии, предполагает элитарную структуру общества и возможность для масс делать выбор из конкурирующих элит. Шумпетер квалифицирует демократию как «институт достижения политических решений, при котором к властным позициям приходят благодаря конкурентной борьбе за голоса людей». В этой «рыночной» концепции демократии различные элиты выносят «на продажу» свои программы, а массы «покупателей» принимают или отвергают их на выборах. К лагерю демократического элитизма можно также отнести Р. Даля, согласно которому элита не властвует, а осуществляет руководство массами с их добровольного согласия посредством свободных выборов.

Несколько иные идеи отстаивал ещё один классик современных теорий элит Р. Миллс, которого причисляют к леволиберальному или критическому лагерю элитологии. Согласно Миллсу, общество управляется исключительно одной властвующей элитой, а возможности демократических институтов (выборы, референдумы) незначительны. В своём главном труде «Властвующая элита» Р. Миллс (1916-1962) анализирует истеблишмент США. Правящая элита США подразделяется им на собственно политическую, государственно-бюрократическую, военную и корпоративно-управленческую. По Миллсу, в условиях демократии активность большинства в политическом пространстве намного снижается, а властные полномочия в обществе осуществляются одним и тем же кругом лиц, который не подвержен влиянию большинства. Поэтому политика государства – политика властвующей элиты, которая прибегает к компромиссам и консенсусам в управлении обществом. Среди главных качеств элитарности политолог выделяет следующие: богатство, социальное происхождение, воспитание и т. д. Также Р. Миллс ярко обрисовывает последствия тех импульсов, которые посылают в мир исторические фигуры: современные элиты могут легко сломать одну структуру и создать другую, в которой они затем будут играть совершенно иные роли. При разных развитиях событий разрушение и созидание

институтов со всеми их орудиями власти может именоваться «великим руководством» или «великой тиранией». Интересно, что Р. Миллс, а также другой выдающийся американский политолог У. Домхофф, на основе солидного эмпирического оспаривают либеральный вариант элитизма, открытость американских элит и концепцию меритократии (которая позже разовьётся в трудах М. Янга, Д. Белла, К. Боулдинга), согласно которым, если в основу рекрутирования элиты положен принцип индивидуальных заслуг, то в правящую элиту войдут наиболее достойные, компетентные, талантливые люди (К. Маннгейм).

Основные позиции можно суммировать следующим образом:

1. *Радикальный элитизм* (народ некомпетентен в политике, правление народа технически неосуществимо). Михельсон. Г. Ашин считает, что в какой-то степени сомнения данной школы в осуществимости абсолютной демократии правомочны: «Если политика должна быть понятна гражданину и зависеть от каждого, она должна будет ориентироваться на низший общий знаменатель — наименее компетентного в политике человека (иначе из политической коммуникации выпадает низший — по критерию компетентности — слой граждан)»⁶⁶.

2. *Плюрализм (плюралистическая демократия, полиархия)*. Оставляет скромное место народным массам, голосующим раз в несколько лет за ту или иную элиту и, таким образом, имеющим возможность выбора из конкурирующих элит. Смешивает норматив с реальной политической ситуацией и тем самым выступает по существу с апологией политической системы т.н. развитых стран, изображая ее как идеал, вершину демократии. Й. Шумпетер, С. Бахрах, Р. Арон, Р. Даль, С. Хикс. Более либеральный на идейно-политическом спектре.

3. *Монизм (критическая теория – Ч. Миллс, Ф. Хантер, У. Дохофф и др.)* - отвергает плюралистическую трактовку политических систем современных развитых капиталистических стран, прежде всего США. Полагают, что элита – это единая высокосплоченная категория по модели трех «С» Дж. Мизеля – consciousness, cohesion, conspiracy (сплоченность, самосознание, закрытость). Монисты приводят убедительные данные (в том числе статистические, данные эмпирических политологических исследований), свидетельствующие о том, что важнейшие решения, жизненно важные для миллионных народных масс, принимает узкий круг людей «наверху» — несколько сот, иногда тысяч человек. Ключевое понятие – правящая элита. Более консервативен. Критика: неисторический подход к управлению социальной жизнью, абсолютизация элитарной структуры как закона политических отношений, нежелание понять творческую роль народных масс в политической жизни общества.

---

⁶⁶ Ашин, Г. Элиты и демократия // Гражданское общество и правовое государство. – URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/121/784/1231/ons5-96_-_0059-70.pdf] (дата обращения: 15.01.2016) С. 65

4. *Неоэлитизм* – новая волна интереса мировой политологии к изучению элит, начало которой в 1980 г. положила книга Дж. Хигли и Л. Филда «Элитизм». Хигли является неформальным лидером этой школы. Считают, что правящая элита более последовательна, рациональна и активна в осуществлении идеалов демократии, чем широкие массы населения. Однако, стремились к преодолению дихотомии «монизма» и «плюрализма» и сосредоточились на исследовании связи между конфигурацией элит и изменениями политических режимов.

5. *Радикальный антиэлитизм (эгалитаризм)* постулирует, что элита – это возможная угроза демократии и призывает к реализации подлинного народовластия. В целом такая позиция большинством признаётся как утопичная и опасная иллюзия: попытки ее воплощения в жизнь порой приводили к авторитаризму и тоталитаризму.

6. *Партократическая теория элиты* (А. Автохранов, М. Кализе⁶⁷) воплотилась в странах тоталитарного социализма, также можно говорить об итальянской, ирландской партократии и др. Среди базовых черт элиты выделяет: а) её глобальный и/или мессианский характер; б) её историческая, руководящая роль в переходе человечества от капитализма к коммунизму, а также пролетарское, народное происхождение (в случае с СССР); в) политическое руководство всеобъемлющего характера, всех сфер общества: экономики, распределения материальных и духовных благ, решения кадровых вопросов и т.п.; г) лояльность одной идеологии – ценность и гарантия успешного руководства обществом; д) иерархичность элиты, а также милитаризация ее внутренних отношений (последнее в случае с СССР).

Последняя школа элитологии представляет интерес, поскольку среди экспертов можно встретить критические сравнения ЕС с СССР (например, В. Буковского⁶⁸). Как минимум, такие сравнения дают пищу для размышления.

Взвешенные современные оценки структуры элиты построены на избегании крайностей в оценках. Так, Ж. Блонель (J. Blondel) отмечает, что современные элиты не столько монолитны, как это представляли «монисты», но и не столь разобщены, как об этом писали «плюралисты»; структура элит динамична.

§3. Тематика элит в осмыслении европейской интеграции и демократического дефицита

Рассмотрим некоторые аспекты элитарного функционирования общества подробнее. Для выдающегося философа XX века К. Поппера контроль за элитой⁶⁹ — центральная

67[□]Калице, М. Третья республика. Партии против президентов. Calise, Mauro. La terza Repubblica. Partiti contro Presidenti. - Laterza; 2 edizione. – 2006.

68[□]The European Union – the New Soviet Union? Transcript of Mr Bukovsky's Brussels Speech. – URL: <http://wariscrime.com/new/the-european-union-the-new-soviet-union/> (дата обращения: 30.01.2016)

69[□]Максимальная гласность, возможность неограниченной критики элиты, разделение властей и относительная автономия друг от друга политической, экономической, культурной и иных элит, наличие оппозиции, борьба и соревнование элит, арбитром которой (по крайней мере во время выборов) выступает народ, иначе говоря, все то, что составляет в своей совокупности современный демократический процесс

проблема демократии, важнейшее условие её сохранения, ведь не что иное, как контроль мешает элите сосредоточить в своих руках тираническую, деспотическую власть. Согласно этой логике с помощью усиления контроля за элитой, а также прозрачности и подотчётности институтов можно смягчить дефицит демократии в ЕС. Используя терминологию исследователя В. Шмидт, решением проблемы может стать улучшение качества и транспарентности управления, т.н. «сквозной легитимности». Однако, Иван Крастев полагает, что демократия без доверия невозможна и что усиление контроля за правительством не обязательно предполагает рост доверия к публичным институтам. Правительства под давлением демократической общественности могут создать иллюзию прозрачности. По Крастеву, сам факт того, что правительства разных стран вынуждены раскрывать информацию, ещё не означает, что люди будут знать больше или понимать лучше – где больше света, там гуще тень. Не секрет, что лучший способ воспрепятствовать налоговому инспектору – дать всю возможную информацию вместо нескольких нужных и полезных пунктов. Зачастую огромные информационные потоки усложняют публичную дискуссию, смещая фокус с моральной правомочности граждан на их компетентность в той или иной сфере. Интересна постановка Крастевым следующего вопроса: не есть ли любое раскрытие одновременно сокрытием другого рода? Плюс ко всему, информация, как правило, содержит в себе интерпретацию. Ценность прозрачности и контроля не должна абсолютизироваться, иначе общественность сочтёт своих представителей опасными преступниками, за которыми нужно следить круглые сутки. На данный момент, по мнению болгарского исследователя, политическая жизнь развитых западных стран во многом сводится к управлению недоверием. Элиты по-прежнему играют здесь ключевую роль, являясь и причиной недоверия и одновременно его «менеджерами».

Говоря о ситуации, сложившейся в ЕС, автор отмечает: сущность настоящего демократического дефицита – крах доверия масс к меритократии элит. Элиты отгорожены от избирателя экраном «сетевой демократии».

Возможно, золотую середину между двумя полюсами выражает Ашин: здоровое недоверие масс к элите (или неполное доверие) оправдано и в значительной мере конструктивно.

Вопросы о природе элит, соотношении элит и масс и демократии имеют прямое отношение к реалиям ЕС и его существованию как такового. Нас уже давно пытаются убедить в том, что ЕС – светоч и колыбель демократии, но вообще-то современная европейская история и философия всегда были довольно подозрительной к обаянию буржуазной демократии (это нашло отражение в работах Ж.П. Сартра, М. Фуко и др.). У. Черчилль, противореча сам себе, изрёк, что лучшим аргументом против демократии

является пятиминутная беседа с обычным избирателем. По мнению Крастева, идеал образованных слоёв Европы – это не абсолютное народовластие, а скорее меритократия и либеральный рационализм, и именно они, а не демократия, легли в основание европейского интеграционного проекта. По большому счёту, люди – не участники, а зрители исторических событий, несмотря на внешнее распространение демократических прав и прививание европейской гражданственности.

Если в традиционных обществах правящей элитой была «элита крови» (аристократия), в индустриальных обществах – «элита богатства» (плутократия), то в постиндустриальных странах преобладающей является «элита знаний» (меритократия). В целом, все вышеупомянутые категории элит, по нашему мнению, сохранились и продолжают играть свою роль, просто, возможно, изменилось их соотношение, форма. В контексте ЕС можно выделить ещё один тип элит – еврократию (технократическо-бюрократическую элиту). Чтобы иерархизировать структурные элементы элиты, С. Кёллер вводит понятие «стратегических элит».

За последние десятилетия в мире возникла особая глобальная элита – класс людей, неизмеримо более могущественных, чем любая другая группа жителей планеты. Каждый из членов этого суперкласса (многие из которых европейцы) имеет возможность оказывать воздействие на жизнь миллионов людей во множестве стран мира. То, что такая наднациональная властвующая элита существует – бесспорный факт. Руководители государств, исполнительные директора крупнейших мировых компаний, медиамагнаты, миллиардеры, активно распоряжающиеся своими капиталами, предприниматели – пионеры новых технологий, верхушка военной иерархии, немногие выдающиеся религиозные деятели и горстка знаменитых писателей, ученых и художников, даже вожди террористических организаций и главы преступных синдикатов – все они отвечают обозначенным выше критериям членства. Д. Роткопф с его ассистентами отобрал всего лишь шесть тысяч подходящих кандидатов. Среди них можно особо выделить группу лидеров финансового сообщества – группы, находящейся в авангарде глобализации, «хвоста, который виляет собакой».

Чтобы понять, какое место в суперклассе занимают европейцы, воспользуемся примером из книги Роткопфа. В главе 1 «Знакомство с суперклассом» он рассматривает существующие хозяйственные субъекты, объем продаж или ВВП которых превышает 50 млрд. долларов. Из всего числа – 166 на момент написания – только 60 являются странами, а остальные 106, то есть неоспоримое большинство – компаниями. Из 106 упомянутых мегакомпаний 91 базируется по ту или другую сторону Атлантики – 53 в Европе и 38 в США (ещё 8 в Японии)⁷⁰. Этот пример также демонстрирует нам важность экономических

---

⁷⁰ Роткопф, Д.: Суперкласс. Те, кто правит миром. – М.: АСТ. – 2010. С. 61

игроков. Роткопф считает, что во многих случаях крупные рыночные игроки держат политических лидеров и других администраторов на коротком поводке: если в один прекрасный день министр, или президент, или глава центрального банка сделает заявление, которое рынкам придется не по вкусу, на следующий день его стране может оказаться нелегко найти кредит. Получается, что Уолл-стрит голосует наравне с избирателями. Подробнее роль экономических элит в европейском проекте будет рассматриваться в Главе 2, § 2.

Ниже по вертикальной классификации элит идут «субэлиты», региональные элиты и т.д. Наконец, в самой политической элите следует различать правящую элиту и оппозиционную (если это — «системная» оппозиция, борющаяся за власть в рамках данной политической системы) и контрэлиту, имеющей целью изменение всей политической системы.

С. Хикс называет стоящих у руля ЕС «просвещенными деспотами» и говорит, что застой европейской политической культуры можно объяснить отсутствием настоящей политики на наднациональном уровне, конкуренции элит, соперничающих повесток дня, острых дискуссий – одним словом, реальной борьбы и реального выбора. По его мнению, это можно исправить посредством: а) активизации общеевропейской партийной среды; б) утверждения прямой зависимости назначений на высшие должности в КЕС от выборов в ЕП; в) преобразований в сфере СМИ и связей с общественностью, чтобы подтолкнуть создание общеевропейского публичного пространства. Хикс прав, подмечая, что необходимо обеспечить влияние граждан на решение не только частных вопросов, но и концептуальных, связанных с будущим, целью интеграции и миссией ЕС. Однако, правда в том, что с момента начала интеграции граждане намеренно исключались из решения вопросов такого масштаба и глубины, по замыслам отцов-основателей. Вектор развития всегда задавался сверху, а граждане могли определять только «стиль» и детали происходящего с ними. Европейские элиты имеют тенденцию действовать как попечители, которые лучше знают, что в интересах людей – в таком случае их видения и предложения естественным образом должны совпадать с позицией граждан. Однако, многие исследователи констатируют пропасть между «Европой элит» и «Европой граждан». Свободу выбора и правомочность граждан также подрывает «смирительная рубашка» глобализации, когда экономическая политика уже определяется не государством и не партиями с их идеологиями, а рынком, а государство только корректирует и регулирует. Но рынок – это не автомат и не безликий механизм, рынком тоже кто-то управляет, задавая тенденции, создавая события, и этот «кто-то» - глобальная (финансовая) элита. Поэтому отчасти всемогущество европейских элит и демократический дефицит в ЕС связаны с глобальными структурными факторами.

Европейские элиты играют важную роль не только в региональном, но и мировом масштабе с точки зрения распространения идей, ценностей, повестки дня. В какой-то степени, это передовая, экспериментальная площадка глобализации. Всё то, к чему стремятся глобальные элиты в мировом масштабе, уже осуществлено или осуществляется в ЕС – пул суверенитетов, единый внутренний рынок с четырьмя свободами и единая валюта, устойчивое развитие, пост-демократия, постмодернистские социальные трансформации, попытка отбросить традиционные идентичности, основанные на культуре и истории (род, семья, регион, нация) и произвести новые – гражданин ЕС, космополит, глобальный потребитель. За эти новые идентичности так или иначе ратует суперкласс, которому тесно в рамках традиционных сообществ. ЕС - первое в мире интеграционное объединение с сильными наднациональными властными структурами, негласно ратующее за всё большее делегирование национального суверенитета и постоянно расширяющее свои компетенции, сферы жизни людей, которые он регулирует. Европейские элиты – это, возможно, «показательный пример» элит настоящего и будущего, «освобожденных», стирающих границы. Хорошо это или плохо, в основном, останется за рамками данной работы. Можно задаться провокационным вопросом, не является ли возвышение объединенных регионов первым шагом к кардинальному переустройству мира, консолидации и централизации власти в более узком кругу людей. По факту, обсуждение перспектив мирового правительства перестало быть прерогативой конспирологов, а отныне всерьез обсуждается на международных форумах. Интересна глобальная миссия ЕС, их желание преобразовать мир посредством продвижения своей модели региональной интеграции, сотрудничеством с третьими интеграционными объединениями, а также политикой «собственного примера». Ни для кого уже не секрет, что национальное государство – это не факт природы, а продукт истории и, как и все подобные продукты, не вечно. Если будущее нашей планеты за регионами как главными акторами системы международных отношений, то ЕС – это первый шаг и эксперимент на пути к этому, ведь, заметьте, на опыте ЕС учатся другие группировки, в т.ч. и близкая россиянам ЕврАзЭС.

Чтобы соответствовать духу времени, следует также обратиться к пост-позитивистским теориям европейской интеграции и кратко очертить их потенциал в изучении элит ЕС. Оказалось, что для исследования элит наиболее релевантны конструкционизм, а также дискурсивный анализ. У конструкционизма идеалистичная онтология: подразумевается, что именно идеи составляют основной фундамент общественных явлений, а политику наделяют смыслом ее участники, способные менять (конструировать) политическую культуру. В целом, человеческая природа, государство и международная система воспринимаются как сферы постоянного создания новых форм. В

свою очередь, анализ дискурса подразумевает, что «наше понимание реальности, в том числе интеграционной, находится в принципиальной зависимости от «языка», каким мы о ней говорим. Исследователь изучает, соответственно, что именно обозначается в том или ином языковом контексте. Анализ дискурса помогает выявлять шаблоны, принятые в публичном обсуждении, которые регулируют обсуждение интеграционных сюжетов, ограничивая свободу такого обсуждения и уводя его в определенном направлении»⁷¹. Посредством дискурсного анализа, исследователи выделяют несколько конкурирующих «Европ»: «Европу государств», «Европу регионов», «ЕС как политическую сеть». В 1960-х гг. от выбора словесного девиза ЕЭС – «Отечество Европа» или «Европа Отечество» буквально зависели дизайн и смысловое наполнение дальнейшей интеграции, не зря Ш. де Голль так упорно отстаивал второй вариант. Стрежнева отмечает, что «[в] зависимости от «языка», на котором говорят о европейской интеграции, от употребляемых при этом терминов и альтернативных значений, которые эти термины получают в различных контекстах, данный феномен не только являет наблюдателям разные свои грани, не складывающиеся в общую, созвучную картину, но и предполагает альтернативные возможности политического развития в будущем». Интересен также феномен «евроспика» - крайне замысловатого политического жаргона, используемого в институтах ЕС и частично в СМИ для обозначения специфических проблем и задач Сообщества. Хотя появление особой интеграционной терминологии всегда было неизбежно, обилие «евроспика» в политическом дискурсе затрудняет и запутывает рядовых граждан ввиду его недоступности и формализма.

§4. Преимущества социологического анализа элит ЕС

Теория демократического элитизма построена на двух перспективах. Один представлен такими политическими философами, как Монтескьё и Ханна Арендт, которые исследуют основополагающие характеристики демократических систем с нормативной точки зрения. Исследователи социологического толка задаются вопросом, как демократия реально работает. Это разграничение отражается на направленности различных социально-научных дисциплин, имеющих дело с европейской интеграцией: в то время как юриспруденция фокусируется, главным образом, на нормативных вопросах, экономика и социология вопрошают, как на самом деле работают институты ЕС и какой эффект интеграция производит. Политология склонна находиться посередине, включая в себя рассмотрение предмета как с нормативной перспективы (как в сравнительной политологии), так и с эмпирико-объяснительной перспективы (как в случае с исследованиями выборов и общественного мнения). В данной работе, предполагается, что

---

71 Роткопф, Д.: Суперкласс. Те, кто правит миром. – М.: АСТ. – 2010. С. 43

социально-научный анализ должен включать в себя обе перспективы: нормативную и эмпирико-аналитическую. Эмпирическое исследование действительной работы институтов, интересов вовлеченных акторов и т.д. можно осуществлять на гораздо более качественном, «информированном» уровне, если оно систематически соотносится с нормативными принципами. В социологическом исследовании должно быть чёткое разделение между нормативной и эмпирически-аналитической перспективами. В двух традиционных и, возможно, по сей день доминирующих теориях интеграции это разделение должным образом не осуществлено. Функциональная теория со своим ключевым постулатом о «переливании» была с самого начала пропитана про-интеграционными убеждениями. Этот недостаток также замечается и за межправительственными теориями и в частности за федерализмом, в котором интеграция рассматривается как результат намерений и действий правительств с целью создания «супергосударства» (European superstate).

С политико-практической точки зрения будет плодотворно рассмотреть процесс интеграции, используя социологический подход (социологический анализ), с его фокусом на персоналиях и конкретных группах элит, на идентичностях элит и рядовых граждан, а также на том, как идентичность связана с социальным контекстом. Как известно, социология – наука о социальной реальности. М. Халлер в своём исследовании «Европейская интеграция как элитистский проект: провал или мечта?» предлагает разделить социальную реальность на четыре элемента: идеи, институты, акторы и социальные структуры, и опираясь на эти четыре элемента, комплексно рассмотреть роль и интересы элит в европейском проекте. Помимо горизонтального (функционального) разделения элит, М. Халлер, вслед за Р. Патнемом, предлагает также делить элиты вертикально на: безоговорочных лидеров и харизматичных персоналий, ядро или сердцевину и, наконец, суб-элиты.

Для ещё большей ясности изложения, следует подробнее обрисовать основные различия между методом социологического анализа и двумя укоренившимися теориями интеграции – неофункционализмом и интергouverнментализмом. Функционализм постулирует, что интеграция между ранее отдельными друг от друга единицами приводит к выигрышам в продуктивности и благосостоянии. Однажды начавшись в одном секторе, она переливается в другие сектора и так из экономической плоскости переходит в политическую. Таким образом, процессы интеграции приобретают собственную логику и набирают обороты с усилением международной торговли и разделения труда. Согласно К. Дойчу, Э. Хаасу и его продолжателю Ф. Шмиттеру, финальной стадией всего этого будет высоко интегрированное экономическое и политическое сообщество. Для межправительственной теории интеграции, интеграция – это стратегия, которой следуют

национальные правительства с тем, чтобы добиться безопасности в стремительно меняющейся международной обстановке, а также чтобы успешно справляться с вызовами глобализации. Интеграция усиливает позиции национальных правительств как внутри их государства, так и на международном уровне, что утверждают такие исследователи данного направления, как С. Хоффман, Э. Моравчик и др. Социологический подход отличается от этих двух подходов по нескольким параметрам. Во-первых, он избегает приравнивания функциональных толкований с причинными (не отождествляет причину и функцию тех или иных процессов/институтов/пр.). Ведь дело в том, что функция интеграции может достаточно существенно отличаться от причин, которые привели к её появлению. Следствие функциональной образности – это телеологическое мышление, которое подразумевает врождённую логику развития и чётко определённую финальную стадию. Телеологическое мышление также является наследственной чертой федерализма, варианта межправительственного подхода, который предсказывает появление «Соединённых штатов Европы». Во-вторых, социологический подход говорит не только о «системах» или «национальных правительствах», но проводит чёткое различие между разными группами акторов и их многочисленными интересами. Помимо правительств и политических элит, экономические, бюрократические, профессиональные и интеллектуальные элиты также рассматриваются как акторы, играющие решающую роль. В-третьих, социологический подход фокусируется, в отличие от традиционных теорий, на роли граждан и их интересах, которые могут отличаться от интересов элит и между собой в национальном плане. В-четвёртых, социологический подход систематически рассматривает роль идей и ценностей в процессе интеграции, как в их позитивной функции в качестве мотивирующих сил, так и в их функции придания легитимности, когда элиты используют ценности, чтобы скрыть от народных глаз ряд своих собственных интересов.

Исключением из данного правила игнорирования элит при теоретическом осмыслении объединения Европы является А. Спинелли, который в 1966 г. опубликовал работу «Еврократы». По его мнению, фокус на бюрократических элитах – более эффективный способ понять эволюцию Европы, чем иные существующие интерпретации динамики интеграции. А. Спинелли изучал отношения между различными институциональными игроками, используя широкое определение еврократии: не только постоянные чиновники ЕЭС, но и постоянные представители стран-членов, евродепутаты, члены групп интересов. Традицию Спинелли продолжает команда учёных под руководством Д. Георгакиса и Дж. Роуэлла в исследовании, озаглавленном «Область

еврократии»⁷². Отвечая на вопросы о социологических структурах и динамике внутри бюрократической элиты ЕС и её роли в выработке решений и фундаментальных концепций, авторы «Поля еврократии» обращаются к последним тенденциям изучения элит в истории и социологии (например, теория П. Бурдьё о бюрократическом поле⁷³). В отличие от позиционных исследований элит, данные подходы подчёркивают социальные процессы конструирования элит в качестве таковых, рассматривая способы, которыми они добывают себе власть.

Вопрос о том, каков был изначальный посыл европейской интеграции – был ли это чисто экономический или политический проект на раннем этапе и какие цели он преследовал – наконец нашёл свои ответы. Европейская интеграция была создана политическими элитами, поддержана экономическими и затем неуклонно продвигалась новыми европейскими бюрократическими элитами, очень в ней заинтересованными. Интеграция в целом – это прерывистый процесс, в котором динамика и консолидация сменяется стагнацией и кризисными моментами. Политические элиты выступали как в качестве ускорителей, так и тормозов интеграционного процесса, экономические и бюрократические элиты, в свою очередь, последовательно содействовали объединению. Вследствие периодической разнонаправленности сил, скорость и направление интеграции иногда противоречивы и приводят к проблематичным результатам.

Европейская интеграция – это политический процесс, а экономика выступила скорее как средство или инструмент политики. Политические элиты, следовательно, встанут во главу угла данного исследования. Так как интеграция постоянно усиливает власть бюрократии и эти элиты, пожалуй, всех больше заинтересованы в её углублении и продолжении, особое внимание следует также уделить данной группе. Экономические элиты также займут важное место в структуре работы, не в последнюю очередь потому, что стоят в авангарде глобализации.

В контексте исследования элит Европейского Союза, интерес представляет понятие «политических сетей». Согласно Стрежневой М.В., «[п]олитические сети — это сложное сочетание относительно стабильных, децентрализованных, неиерархических отношений, связывающих разных по природе акторов (государственных и негосударственных),

---

⁷²Georgakakis, D., Rowell, J. Field of Eurocracy. Mapping EU actors and professionals. – Palgrave Macmillan UK. – 2013. – URL: [<http://www.palgrave.com/gp/book/9781137294692#aboutBook>] (дата обращения: 02.02.2016)

⁷³Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 1999. — С. 125-166. – URL: [<http://bourdieu.name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja>] (дата обращения: 02.02.2016)

которые обмениваются имеющимися у них ресурсами (властными, информационными, материальными) ради достижения общей цели»⁷⁴.

С конца 1970-х гг., в научных кругах начался дискурс об эрозии суверенитета. Национальное государство отступает перед глобальным распространением разных сетей с участием бизнеса, криминала и НПО, активно устанавливающих трансграничные контакты. Однако, государства и государственные чиновники стали также заниматься выстраиванием транс-правительственных сетей, чтобы дать дорогу альтернативным формам сотрудничества.

Впрочем, в ЕС значение политических сетей особенное, т.к. они более многоакторны и пестры, а также потому, что государства, имеющие прерогативу в определении первичного и важной части вторичного права ЕС, потеряли непосредственный контроль над многими сферами политики, в особенности, над экономикой. Уровни политических сетей в ЕС не подчинены один другому, а «пересекаются в разных плоскостях и связаны между собой множеством полуформальных и неформальных»⁷⁵ контактов. В ЕС в сети входят члены национальных правительств, европейские чиновники, MEPs, представители бизнес элит и суб-элит, а также, в качестве представители организованных общественных групп. Скептики могут задаться вопросом, какое отношение понятие «политических сетей» имеет к данному исследованию. Однако, в ответ на это потенциальное замечание, следует отметить, что «нетворкинг» – основная форма общения и организации элит, и особенно ярко это выражено на глобальном уровне, в отсутствие решающих и эффективных международных организаций, и институтов. Об этом в своём исследовании о глобальной элите подробно писал уже знакомый нам Роткопф. К тому же, Стрежнева отмечает, что политические сети заполнили вакуум, образованный слабой и искаженной вовлеченностью граждан и общественных организаций в европейский политический процесс, при этом пропасть между ЛПП и гражданами продолжает увеличиваться.

В заключении данной главы подведём краткие итоги. Во-первых, не существует единого определения понятия «элиты», можно встретить такие подходы в толковании, как узкое и широкое, функциональное и аксиологическое и пр. В наиболее общем виде, элиты – это лица, обладающие властными ресурсами и вовлеченные в процесс стратегического управления обществом и его развития. Классифицировать элиты можно в двух плоскостях: горизонтальной, в зависимости от эксклюзивности группы и степени влияния (глобальные

74[□] Стрежнева, М. Теории европейской интеграции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. – URL: [http://fmp.msu.ru/attachments/article/268/STREZHNEVA_1_2009.pdf] (дата обращения: 01.04.2016) С. 40

75[□] Стрежнева, М. Теории европейской интеграции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. – URL: [http://fmp.msu.ru/attachments/article/268/STREZHNEVA_1_2009.pdf] (дата обращения: 01.04.2016) С. 41

элиты, стратегические элиты, «рядовые» элиты, суб-элиты) и от структурных позиций в обществе (правящие элиты и оппозиционные, контр-элиты), а также в вертикальной, по сфере деятельности или «полю» (политические, экономические, бюрократические, интеллектуальные, военные элиты и т.п.). В данной работе используется функциональное определение элит, однако, с целью получения более комплексных и точных результатов исследования эмпирическая перспектива местами сочетается нормативной (сравнение «что есть» и «что должно быть»). Во-вторых, проделав краткий обзор развития элитологии, мы выяснили, что эта научная дисциплина многолика и включает в себя несколько школ (радикальный элитизм, плюрализм, монизм (критическая школа), неозлитизм, радикальный антиэлитизм (эгалитаризм), партократическая и «умеренная» школы); распространены попытки примирить и синтезировать теорию элит и теорию демократии. Было подтверждено, что в рамках политологии элитистская парадигма занимает лидирующие позиции (т.к. элитизм признаётся работающей практикой демократии). В-третьих, среди исследователей демократического дефицита в ЕС встречается два ярко выраженных «лагеря»: один считает, что чтобы смягчить элитистский характер и приблизить ЕС к гражданам, необходимо развивать «сквозную легитимность» и совершенствовать стиль и практики управления, другой предполагает, что такие меры по усилению прозрачности и подотчетности мало что решат, потому что демократический дефицит имеет гораздо более глубокие корни. Это общий спад доверия граждан к меритократии элит, кризис самой западной политической культуры, а также последствия глобализации (эффект «смирительной рубашки» глобализации Д. Родрика⁷⁶). Теоретические и практические предложения по демократизации ЕС (которых огромное количество) натываются на фундаментальное препятствие, которое будет подробнее рассмотрено в Главе 2, а именно намеренную, врожденную недемократичность европейского проекта, заложенную в его фундамент и в стратегию продвижения интеграции с самого начала. В-четвёртых, было установлено, что большинство теорий интеграции отводят весьма скромное место как изучению роли элит, так и признанию выраженного элитистского компонента интеграции. Исключение из этой тенденции – это работы исторического характера, биографии отцов-основателей и других эпохальных деятелей ЕС; некоторые школы неоинституционализма также обращают внимание на фактор элит в формировании идентичности и самостоятельной логики институтов. В-пятых, были раскрыты особенности метода социологического анализа элит, который используется в данной работе, а также преимущества социологической парадигмы в сравнении с основными теориями интеграции. В-пятых, был обоснован выбор трёх

76[□] Rodrick, Dani. The inescapable trilemma of the world economy. – 27.07.2007. – URL: [http://rodrik.typepad.com/dani_rodriks_weblog/2007/06/the-inescapable.html]

категорий элит для дальнейшего изучения, Европейская интеграция была создана политическими элитами, поддержана экономическими и затем неуклонно продвигалась новыми европейскими бюрократическими элитами, очень в ней заинтересованными. То есть это главные акторы и двигатели интеграции, наиболее заинтересованные в ней стороны. На этапе развития европейской идеи интеллектуальные элиты были самыми важными, доминировали. Однако, практическая реализация проекта оставляет более скромное место данной категории, а конкретные практики интеграции не столь согласуются с идеями и видениями европейских философов, как это преподносится. В какой-то степени, форма и содержание европейского проекта современности – это разрыв с традицией.

Глава 2. Особенности европейских элит в контексте европейской интеграции

Для лучшего понимания европейской интеграции, мы предлагаем обратиться к осмыслению роли архитекторов единой Европы, их интересов, степени влияния и социальных характеристик. Так можно выйти за рамки полумифологического хрестоматийного образа, который успел сложиться. Элиты будут разделены на категории, каждая из которых будет последовательно рассмотрена. В процессе анализа, мы попытаемся выявить степень интегрированности и консолидации элит, а также подробно проанализируем характер взаимодействия элит с европейскими гражданами.

§1. Политические элиты ЕС

а) Отцы-основатели ЕС

Прежде чем начать разговор о фактических основателях европейского проекта, хотелось бы вернуться в начало XX века и проанализировать деятельность Р. Куденхове-Калерги, которого образно можно окрестить «духовным отцом» ЕС. Создатель Панъевропейского движения, он по праву может считаться самым влиятельным автором и идеологом XX века, для которого идея Единой Европы как нового мирового центра силы была центральной. Р. Куденхове-Калерги широко цитируется ведущими европейскими политиками; он первым в истории получил международную премию им. Карла Великого за вклад в объединение европейских народов. В 1922 г. Калерги начал свою неустанную пропагандистскую кампанию за «Единую Европу». В его работах нормативная и эмпирико-фактическая перспективы перемешивались между собой (эту манеру аргументации переняла сегодняшняя элита ЕС): «Страны континентальной Европы от Португалии до Польши либо сольются воедино (amalgamate), либо исчезнут с лица земли с политической, экономической и культурной точек зрения». В своей книге «Европейская нация» (Die Europäische Nation, 1953), опубликованной после Второй мировой войны, он весьма точно замечает, что большинство федераций зародились в ситуациях внешней угрозы. Он видит европейскую интеграцию как прямое и необходимое следствие возвышению СССР и защиту Старого Света от большевистской идеологии. Калерги выделяет европейскую культуру как одну из четырёх крупнейших в мире, включая в неё также Америку, Австралию и Южную Африку, также говорит о делении мира не по политическим линиям, а по цивилизационным, что перекликается со взглядами нашего современника С. Хантингтона («Столкновение цивилизаций», 1996). По мнению японо-австрийского графа, Европа должна стать настоящим федеративным государством, которое включает, в первую очередь, Германию, Италию, Францию, Бельгию, вбирая африканские

колонии последних с их обширными территориями и запасами ресурсов и сырья. Это новое федеративное государство будет могущественной мировой империей, соразмерной с Британскими и Американскими союзниками по мощи. Макс Халлер, анализируя работы Калерги, делает вывод, что взгляды последнего были достаточно элитистскими и во многом продиктованы европейскими великодержавными устремлениями. Термин «демократия» редко фигурирует в работах Калерги и не числится среди четырёх принципов Панъевропейского движения, которые таковы: христианство, консерватизм, примат Европы, либерализм. Добавим, что вокруг себя Калерги мобилизовал интеллектуальную и политическую элиту в поддержку европейской интеграции; Ватикан в конце сороковых годов также официально одобрил движения федералистов, выразив опасения по поводу морального и духовного упадка в Европе.

То, что характер движения Пан-Европа был аристократическо-элитистским и великодержавным, также подтверждается тем фактом, что Отто фон Габсбург, сын последнего императора Австро-Венгрии, тридцать лет возглавлял это движение, а его сын, Карл Габсбург, является действительным президентом австрийской секции Панъевропейского движения (данная организация существует и процветает по сей день). Отто фон Габсбург давно известен как ярый сторонник европейской интеграции. Он был активным членом Европейского парламента на протяжении 20 лет и развивал критические идеи и предложения по реформированию институтов ЕС (Habsburg 1965, 1999)⁷⁷.

Весьма вероятно, что Калерги не оказал прямого влияния на непосредственный дизайн европейской интеграции в том виде, в каком она развивалась начиная с 1953 г., Жан Монне даже относился к нему с некоторой долей высокомерия. Однако, интересно то, что согласно М. Халлеру, идея мира как состояния не-войны была лишь вторичной в концепции Калерги, его основной мотивацией было сделать Европу новой мировой сверхдержавой, третьим полюсом наряду с США и СССР. И в таком уже случае, его взгляды всё-таки повлияли на более позднюю политику европейской интеграции, хотя это её измерение (великодержавность) не так подчёркивается в публичном дискурсе⁷⁸.

Калерги со своим проектом Панъевропы сделал большой вклад в формирование нынешнего европейского самосознания и европейской идентичности. Многие его яркие и неординарные идеи так или иначе актуальны до сих пор. Некоторые обозреватели и критики современной политической ситуации в ЕС отмечают, что видение Калерги Европы, максимально открытой мигрантам, реализуется на наших глазах и что эта

---

⁷⁷ Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) (p. 276). Taylor and Francis. Kindle Edition.

⁷⁸ Ibid, p. 269

массовая иммиграция – не такой уж-то спонтанный феномен, а, возможно, срежиссирован с целью разрушить «лицо» Старого Света и произвести на свет новое «племя» людей с более глобальной, размытой культурой и идентичностью. Куденхове также считал, что объединение Европы будет первым шагом к единому мировому правительству. Были у Калерги и другие противоречивые и неудобные для сегодняшнего дискурса видения. Например, из всей массы европейцев, которых Куденхове называет «людьми количества», он выделяет две расы «людей качества», которые верят в свою высшую миссию, в своё превосходство по крови – родовое дворянство и евреев, составляющих вместе ядро будущей европейской аристократии («Практический идеализм», 1925)⁷⁹. Также Калерги – автор идеи о том, что «будущая евразийско-негроидная раса, внешне похожая на древнеегипетскую, заменит разнообразие народов разнообразием личностей»⁸⁰. Некоторые критики охарактеризовали идеи Калерги в качестве прообраза европейской политики мультикультурализма.

Справедливости ради, необходимо уточнить, что в послевоенные годы пацифистские и федералистские движение приобрели более широкий характер и их нельзя назвать сугубо аристократическо-элитистскими. В 1946 г. возник Союз европейских федералистов, созданный на базе 50 национальных организаций федералистов и привлекший в свои ряды в послевоенные годы почти 100 000 членов. Однако, между 1947 и 1949 годами, рост идеологического противостояния расколол движение; оно также сменило своё название на «Социалистическое движение за Соединённые Штаты Европы», что отражало идею, что единая Европа должна быть создана до начала борьбы за социализм. В 1947 г. благодаря активизму Калерги и его сторонников создаётся Европейское парламентское движение. Таким образом, проактивные элиты предпринимают усилия по сплочению национальных федералистских ассоциаций и по мобилизации общественного мнения. Но даже несмотря на это, массовую поддержку, осознание и принятие такие движения не получают. На Гаагском конгрессе 1948 г., созванном Международным Комитетом движений за европейское единство, присутствовало не более 700 человек – в основном интеллектуальная элита, идейные политики, борцы за права человека и т.п. Гаагский конгресс не является прямой предтечей наднациональной европейской интеграции. Он дал толчок созданию организации межправительственного сотрудничества Совет Европы в 1949 г. Отсюда можно вывести, что интеграция украдкой, по методу Монне (*integration by stealth*) и создание новой административной и исполнительной власти – это нечто

---

⁷⁹ Лайтман, М. Необходимость духовного лидерства в Европе. – 08.11.2015. – URL: [<http://www.laitman.ru/crisis/169410.html>] (дата обращения 30.01.2016)

⁸⁰ Race of the future. – М а т е р и а л и з В и к и п е д и и . – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Race_of_the_future#cite_note-2] (дата обращения 02.02.2016)

принципиально иное, не укладывающееся в массовые движения и традиции и не так тесно связано с прошлыми концепциями и идеями Единой Европы, как оно преподносится.

В заключении анализа роли «духовного отца» ЕС Р.Н. Куденхове-Калерги, кратко суммируем основные положения: а) Единая Европа в первую очередь должна стать новой глобальной сверхдержавой, главная цель объединения – увеличение могущества и влияния, создание противовеса СССР и в некоторой степени США; б) Европа должна стать новой «нацией» в смысле «сообщества культуры и общей судьбы» (по мнению Калерги, которое разделяли такие европейские политики, как Проди, Миттеран, Коль, таковой она уже была в Средние века под эгидой Священной Римской империи и Католической церкви)

В данной главе будет произведён анализ политических элит ЕС. В эту группу мы включили лиц, занимающих центральные властные позиции – членов правительств и парламентов стран-членов ЕС, которые напрямую участвуют в европейской политике через Европейский совет, членов Европейского парламента, ключевых Еврокомиссаров. В эту группу можно даже включить членов Суда ЕС, т.к. де факто они оказывают очень мощное политическо-правовое влияние на интеграцию.

Концепция политических элит предполагает, что мы уделяем внимание также личностным характеристикам, интересам и мотивам политических акторов. Также необходимо ответить на вопросы, почему национальные элиты были готовы передать власть в пользу ЕС, а также почему интеграция пошла именно по такому пути и в такой особой форме? Помимо модели Шумана-Монне были и другие альтернативы: не отказываться от частей Европы под советским влиянием и развиваться сообща, франко-британский альянс и создание Европы как «третьей силы» между СССР и США – идея предлагалась европейскими социал-демократами и британскими лейбористами. Третьей альтернативой было объединение континентальной Западной Европы и принятие разделения на Восток и Запад, и именно такой путь был выбран.

Итак, нарисуем социологический портрет тех, кто заложил основы развития европейской политики на многие десятилетия вперёд, а именно «отцов-основателей» Европейских сообществ Конрада Аденауэра, Альчиде Дегаспери, Робера Шумана и «политико-бюрократического» предпринимателя Жана Монне. Социологический анализ их идеологического, культурного и политического бэкграунда, их решений и действий необходим по следующим причинам: а) получить более критическое, исторически объективное представление об их позициях и деятельности; б) широко и непредвзято рассмотреть истоки и развитие европейской интеграции. У «отцов-основателей» можно найти много общих характеристик, особенно это касается Аденауэра, Дегаспери и

Шумана. Они родились в период между 1880 и 1890 гг. и на своём опыте, во взрослом возрасте, пережили ужасы фашизма, они были практикующими католиками, а также яркими анти-коммунистами; в общих чертах являясь приверженцами демократии, они все демонстрировали существенные автократические тенденции на своих государственных постах и в характере. После Второй мировой войны, христианско-демократические партии заняли лидирующие позиции во многих Западноевропейских странах, заполнив идеологический вакуум фашизма и подвергавшегося гонениям коммунизма. Все эти партии поддерживали Западноевропейскую интеграцию, как и сам Папа Пий XII. В католицизме есть два компонента, объясняющие его поддержку интеграции, и причём именно в элитистском нисходящем (top-down) формате: а) универсализм (в противовес национализму и местничеству); б) приоритет традиций, догмы, иерархии и власти, институциональной преемственности. Вплоть до XIX в. Католическая церковь поддерживала старые монархические династии и структуры собственности; в первой половине XX в. позиция Ватикана по отношению к фашистским диктатурам была двусмысленной. Жёсткая вертикальная структура Католической церкви и представление Ватикана в качестве верховного авторитета в вопросах социальной этики и морали являются отражением второй характеристики сегодня. Эти черты имеют отношение к тому, какую форму приняла европейская интеграция с самого начала и как продолжила развиваться.

Самым старшим из «отцов-основателей» ЕС был Конрад Аденауэр (1876–1967), канцлер ФРГ в период между 1949 и 1963 гг., который обладал большим политическим влиянием уже в Веймарской республике в качестве мэра города Кёльна, лидера Католической партии центра (Zentrumspartei), а также главы прусского Государственного Совета (Staatsrat). С молодых лет был оппонентом великодержавной политики Бисмарка. Национал-социалисты отстранили Аденауэра от должностей, отобрали имущество (выделив, при этом, пенсию), и он отправился в изгнание в Швейцарию. Уже в 1920х гг., Аденауэр развил идею о «Западногерманской республике», которая бы установила длительные мирные отношения с Францией. Эта идея была порождена его глубоким отвращением к Пруссии, которая превалировала над католической Рейнской областью. Нелюбимыми чертами Пруссии для Аденауэра являлись её милитаризм, культ государства, национализм и материализм.

Следующий «отец-основатель» ЕС, Робер Шуман (1886–1963), был также вовлечен в примирение государств и народов Европы уже в межвоенный период, будучи активистом Сопротивления против Гитлера и его пособников во Франции. Шуман родился в

Люксембурге и был немецким гражданином и воевал за немецкую армию в Первую мировую войну; в 1919 г. он стал членом французской Национальной Ассамблеи, во Вторую мировую войну заместителем государственного секретаря по делам беженцев. Его депортировали в нацистскую Германию, и только благодаря побегу ему удалось выжить. Известный «план Шумана» по объединению угольной и сталелитейной промышленности Франции и Германии, составленный и предложенный последнему Жаном Монне, заложил основы европейской интеграции, в буквальном смысле стал первым её реальным шагом.

Третий из «отцов-основателей» Альчиде Дегаспери (1881–1954) был итальянским премьер-министром в период с 1945 по 1953 гг. Родом из Трентино, бывшей части Тироля и Австрии, он был парламентским депутатом ещё в венском Рейхсрате империи Габсбургов. После Первой мировой войны, он стал членом новой католической Народной партии дона Луиджи Стурцо. После запрета этой партии Муссолини, Дегаспери укрывался от фашистского режима, работая библиотекарем в Ватикане. Во время Второй мировой войны Дегаспери стал со-основателем Христианско-демократической партии Италии, которая была решающей политической силой в Италии до 1990х. гг., когда она была распущена вследствие коррупционных скандалов. Дегаспери был первым политиком, полностью поддержавшим план Шумана-Монне, и с самого начала считал, что Италия должна принимать участие в процессе европейской интеграции. Такая позиция характерна для Италии и по сей день. Часто утверждается, что ужасный опыт фашизма, национал-социализма и Второй мировой войны фундаментально изменили мышление элит и народов Европы и открыли им необходимость мирного сосуществования и сотрудничества. Однако, обращаясь к историям трёх вышеупомянутых политических фигур, можно заметить разницу. Все они осознали данную необходимость уже в межвоенный период. Их идеи, в своём роде, опередили время. Давайте подробнее остановимся на общих чертах этих трёх политиков, о которых уже упоминалось выше. Во-первых, католическое мировоззрение. Это было решающим фактором в особенности для Робера Шумана – он был больше, чем просто практикующий католик, он был активистом епархиальной молодёжи и организатором собраний католиков в Метце в 1913 г. После смерти своей горячо любимой матери в 1910 г., он рассматривал вариант бросить юридическую карьеру и стать священником; в старости он придерживался около-монашеского образа жизни и посвящал всё время чтению и молитве. Шуман был очень скромен в общественной жизни, так и не женился. Однако, французский политик старался не смешивать свои религиозные взгляды с политической деятельностью, а также избегал политических игр и интриг. Алчиде Дегаспери был также очень верующим католиком. Он был родом из исконно католического региона и, как уже было сказано, являлся членом и

со-основателем двух влиятельных католических партий. Дегаспери смолоду поддерживал тесные личные связи с церковными лидерами, включая Папу. И наконец, Аденауэр также практиковал католицизм, имел репутацию безупречного семьянина, был предан своей рано оставивший мир жене. Большим успехом Аденауэра было политическое примирение между католиками и протестантами Германии, когда им была учреждена новая инклюзивная партия Христианско-Демократический союз (ХДС). Существуют также не прямые свидетельства тому, что католический бекграунд играл решающую роль для целей европейской интеграции в этот период: например, позиция второго по популярности немецкого политика, министра экономики Людвиг Эрхарда, автора немецкого «экономического чуда». Эрхард был воспитан в протестантском духе и открыто противился интеграции в той форме, какую предполагали вышеупомянутые политики. Прямое регулирование рынка, субсидии и вообще всё, что было даже отдалённо напоминало «плановую экономику», осуждалось Эрхардом. Эти элементы чётко присутствовали как в ЕОУС, так и в ЕЭС. Более того, самые серьезные сомнения по поводу политической интеграции исходили от страны, где был очень влиятелен протестантизм, а именно Нидерландов. Аденауэра и Дегаспери объединяет также и то, что оба они демонстрировали автократические тенденции в поведении и взглядах, зачастую проблематичными с демократической точки зрения. Эта характеристика Аденауэра хорошо известна. Его склонность к единоличности в принятии решений чуть не стоила ему поста мэра Кёльна. Автократический стиль лидерства Аденауэра на посту канцлера ФРГ получил название «канцлерская демократия»⁸¹. Выдающийся немецкий философ К. Ясперс писал, что манера управления Аденауэра сказалась на укоренении таких черт, как авторитаризм и покорность (submissiveness) в политической культуре поствоенной Германии⁸². Альчиде Дегаспери также с успехом возглавлял Христианско-Демократическую партию у себя на родине, которая получила 48% голосов в 1948 г. Однако, это было достигнуто ценой агрессивной и во многом клеветнической кампании против Коммунистической партии Италии, пользовавшейся у населения большой поддержкой. Помимо этого, из борьбы были исключены критические и либеральные силы политического центра, и в результате на десятилетия была заложена основа для доминирования Democrazia Christiana, которое резко оборвалось в связи с клиентелизмом и коррупцией. Негативными последствиями обернулось также расчленение Объединенной итальянской конфедерации труда. Дегаспери и Аденауэра также объединяет их

---

⁸¹ Fulbrook, Mary. Interpretations of the Two Germanies. Edited by Roy Porter. - Palgrave Macmillan. – 2000. P. 18

⁸² Ясперс К. Куда движется ФРГ. –М., 1969. – С. 89.

воинственный анти-коммунизм. В Германии такое отношение зародилось во время Первой мировой войны, когда были убиты коммунистические лидеры К. Либкнехт и Р. Люксембург, агитирующие против участия страны в ней. В Веймарской республике Коммунистическую партию объявили вне закона. На короткое время возродившись, в 1956 г. КРД оказалась под запретом, начались массовые судебные преследования не только её прямых сторонников, но и людей весьма отдалённо с ней связанных. Жёсткий курс Аденауэра подвергся критике со стороны общественности, СМИ и интеллигенции за нарушение демократических принципов, и его лично обвинили в давлении на Конституционный суд. В свою очередь, итальянские коммунисты, которые отличились героической борьбой с фашизмом и сделали большой вклад в разработку прогрессивной конституции, также жёстко преследовались Дегаспери при содействии США. ХДП уничтожила своих конкурентов и стала гегемоном итальянской политики.

После нашего краткого обзора вырисовывается весьма нехрестоматийный портрет «отцов-основателей» ЕС. С одной стороны, Шуман, Дегаспери и Аденауэр были выдающимися харизматичными личностями – благодаря участию в Движении сопротивления, их моральной целостности, твёрдых политико-идеологических убеждений и далеко идущих политических решений. В столь непростые времена, когда мир стоял на грани третьей мировой войны и среди бывших противников всё ещё присутствовало сильнейшее недоверие (особенно к Германии), курс на объединение и сотрудничество, который взяли эти лидеры, можно действительно считать историческим достижением. Однако, у этих политиков есть и другие менее известные черты, своего рода «тёмная сторона» (это относится больше к Аденауэру и Дегаспери, чем к Шуману), которая заложила проблематичный, элитистский путь дальнейшей интеграции. Они использовали авторитарные методы во внутренней политике и ущемляли левые партии, они также приняли и закрепили Железный занавес и раздел Европы на Восток-Запад и прочно интегрировали Западную Европу в западный блок биполярной системы. С этой точки зрения, хвалённое «воссоединение Европы» 1989-90х гг. и 2004 г. на самом деле не восстанавливало некую старую «единую Европу» (которая никогда не существовала в истории), а лишь устраняло разделение, отчасти питаемое самим процессом интеграции в Западной Европе.

Особо следует проанализировать фигуру политтехнолога ЕС Жана Монне (1888–1979), который сыграл не менее решающую роль в успешном «взлёте» интеграции, чем предыдущие три «отца-основателя». Он существенно выделяется на фоне остальных. Монне был успешным «спин доктором» многих политических предприятий первой

половины XX века. Его личность, идеи, стратегии действия являют нам ряд характеристик, которые укоренятся в Европейских сообществах на долгие десятилетия вперед. Анализ этих характеристик поможет также объяснить, почему Жан Монне был более успешен, чем другие «европеисты» той эпохи, например, Куденхове-Калерги со своим более ранним и широким движением «Панъевропа». Монне держался от этих движений на расстоянии и даже немного презирал их за популизм. Он был не мечтателем, а элитистом и прагматиком, не принадлежал ни к какой партии и был мотивирован только безжалостной идеологией эффективности⁸³. Монне был также человеком, способным вдохновить работающих с ним людей на отдачу и результат. Монне родился в 1888 г. в г. Коньяк, известным своей уникальной алкогольной продукцией. В его семье переплеталось влияние двух идеологий: его мать и сестра были набожными католиками, а отец был достаточно либеральных и антиклерикальных взглядов, что Монне перенял в большей степени. В 16 лет он уехал в Лондон на двухлетнее обучение, где выучил английский язык и пропитался англо-саксонской культурой, что было необычно для молодых французов той эпохи. Затем какое-то время он продолжал коньячный бизнес отца в качестве частного предпринимателя, много путешествовал и жил за границей. Позднее, в период между 1922 и 1923 гг., он трудился менеджером в европейском отделении американского банка «Blair & Co.», а также был финансовым консультантом американских фирм. До Первой мировой войны, он с побывал в Британии, США, России, Египте, скандинавских странах. Опыт путешествий и широкие познания культуры зарубежных стран, особенно англо-саксонского мира, повлияли на политические интересы и деятельность Жана Монне – почти все из них были нацелены на международные контакты и сотрудничество. Во время Первой мировой войны, он продвигал сотрудничество между Францией и Англией в поставках военного оборудования, а также помог установить связь Франции с компанией Hudson Bay с целью импорта жизненно важных гражданских товаров (напр., зерна) из Северной Америки. Позднее, он принимал участие в учреждении Союзнического совета морского транспорта, а также стал заместителем генерального секретаря Лиги наций. Во время Второй мировой войны, Монне возобновил свою деятельность международного политического координатора: во-первых, он организовал перевооружение ВВС Франции, во-вторых, стал президентом англо-французского Комитета координации ресурсов. К концу войны, Жан Монне разработал план по экономической реконструкции Франции, и для этой цели был создан новый институт – Генеральный комиссариат по планированию, который он возглавил. В 1950 г., им совместно с министром иностранных дел Франции

---

⁸³ Dinan, Desmond. *Ever Closer Union? An Introduction to European Integration*. – Palgrave Macmillan. – 1999. P. 11

Робером Шуманом был разработан колоссально успешный и грандиозный «План Шумана» по интеграции сталелитейной и угольной промышленности Франции и Германии. Этот план был реализован в тот же год при участии стран Бенилюкса и Италии; на свет родилось Европейское сообщество угля и стали (ЕОУС). Монне также был инициатором и фактическим автором «плана Плевена» по созданию Европейского оборонительного сообщества и армии, который, однако, провалился. Жан Монне стал первым президентом наднационального «Высшего органа» ЕОУС - бюрократического ядра Европейского сообщества. После ухода на пенсию в 1955 г., он основал «Действительный комитет Соединённых Штатов Европы»⁸⁴ и двадцать лет им руководил. Примечательно, что Монне никогда не занимал выборный политический или административный офис (кроме четырёхлетнего президентства в ЕОУС). Как писал французский историк П. Жербе: «правительства менялись, Монне оставался»⁸⁵. Итак, данный небольшой портрет личности и стратегии действий Жана Монне обнажают пять характеристик, которые присущи ЕС по сегодняшний день. Во-первых, первый шаг на пути интеграции – учреждение ЕОУС – был сделан «сверху-вниз», в элитистской манере, без вовлечения народов Европы и лишь при *post hoc* участии парламентов⁸⁶. Да, после Второй мировой войны по всей Европе действовали разнообразные движения за мир и единение. Однако, все они были делом сегмента образованных и политически активных людей. План Монне был разработан за закрытыми дверями, в маленькой группе избранных советников и сторонников⁸⁷, а затем был напрямую предложен ведущим политикам, с которыми Монне установил личный контакт. Всё держалось в строгом секрете, пока план не получил поддержки этих политиков, чтобы избежать волнений и недовольства граждан. В лучшем случае, демократические процедуры играли только вторичную, корректирующую роль. Процесс парламентской ратификации ЕОУС, который в странах-членах длился более года, вызывал раздражение Монне. М. Халлер приводит цитату из мемуаров французского политтехнолога: «Я не верю, что требование демократического контроля оправдывает неопределенность и излишнюю строгость

84[□] Монне, Жан. – Материал из Википедии. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B5_%D0%96%D0%B0%D0%BD] (дата обращения 10.02.2016)

85[□] Болдырева, О. Тема диссертации и автореферата по ВАК 07.00.03 на соискание степени к.и.н. «Государственная деятельность и общественно-политические взгляды Жана Монне». – 2006. – URL: [<http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-deyatelnost-i-obshchestvenno-politicheskie-vzglyady-zhana-monne-1910-e-1950#ixzz43QF5D0jX>] (дата обращения 10.02.2016)

86[□] Dinan, Desmond. *Ever Closer Union? An Introduction to European Integration*. – Palgrave Macmillan. – 1999. P. 14

87[□] Проект создания угольно- стального пула европейских государств (прежде всего Франции и Германии) был разработан командой Монне, в которую вошли французские и американские экономисты, юристы, социологи. Заслуга Жана Монне заключалась, прежде всего, в координации их действий.

парламентских процедур, со всеми их ритуалами и ритмами»⁸⁸. В качестве альтернативы демократическим процедурам Монне видел стратегию убеждения – именно посредством убеждения можно достичь долгоиграющих инновационных результатов. Кажется, словно Монне предвидел одну из центральных стратегий ЕЭС/ЕС на протяжении всей истории. Распространяя массы брошюр, буклетов, проводя PR-кампании перед выборами и референдумами, поддерживая информационные бюро в странах-членах, ЕС пытается компенсировать слабый интерес народа к его делам и нехватку прямого контакта между гражданами и Брюсселем. В-третьих, Монне всегда развивал много разных планов международного сотрудничества и интеграции. Присущие ему гибкость и изобретательность явились залогом конечного успеха плана по ЕОУС. Другая причина успеха ЕОУС – то, что сотрудничество было предложено в узком функциональном секторе и предполагало скромную по размерам администрацию. Так это было более приемлемо для правительств, нежели, например, широкий амбициозный план политической интеграции в одночасье. Кстати, гибкость и умение приспосабливаться к обстоятельствам всегда были базовыми чертами функционирования ЕС. Сегодня ЕС также старается не увлекаться с разработкой широкомасштабных жёстких планов по интеграции, а внедряет свои политики постепенно, частями, методом проб, следя за реакциями публики, чтобы не допустить сильного недовольства и волнений (“piecemeal approach”⁸⁹). Таким образом, множество инноваций реализуется в жизнь без особых дискуссий или даже без осознания этого гражданами. В-четвёртых, ключевым компонентом «плана Монне-Шумана» было учреждение наднациональной, независимой от стран-членов Верховной власти. С помощью стабильных супранациональных институтов процесс интеграции приобрёл бы свою собственную, необратимую логику, независимо от доброй воли и действий индивидов, что и ожидал Монне. Создание Верховного руководящего органа наиболее долгосрочной, стратегической частью «плана Монне-Шумана». Европейская комиссия постоянно растёт и развивается, а также *per se*, в силу своей природы очень заинтересована в поступательном движении интеграции, большей централизации и расширением её компетенций. Конечно, тут стоит сказать, что Монне бы сильно удивился на размеры сегодняшней европейской бюрократии, т.к. он предполагал, что Верховный руководящий орган будет очень малочисленным, «лёгким» и инновационным. В-пятых, важной чертой «плана Монне» был фокус на экономическом сотрудничестве; однако, план предусматривал постепенное «перетекание» (“spillover”) интеграции из данной сферы в

88[□]Haller, Max (2008-05-05). *European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream?* (Routledge Advances in Sociology) (p. 276). Taylor and Francis. Kindle Edition. P. 87

89[□]Valero, Jorge. *Junker and Draghi fail to win support for Eurozone reform* // Периодическое Интернет-издание “Euractiv”. – October 2015. – URL: [<https://www.euractiv.com/section/euro-finance/news/junker-and-draghi-fail-to-win-support-for-eurozone-reform/>] (дата обращения: 05.04.2016)

другие (в т.ч. неэкономические) на основе конкретных достижений и появления фактической солидарности между участниками. «Переливание» будет медленным и незаметным, согласно автору плана. Однако, у Монне не было чёткого видения финальной стадии европейской интеграции, помимо абстрактной формулы “an ever closer Union”.

б) Новые европейские политические элиты: избираемые политики

Среди политологов существует консенсус, что ЕС представляет собой сложную многоуровневую систему управления, в которой участвуют национальные и европейские политики, бюрократы и эксперты. Рассмотрим эти группы последовательно.

i) национальные политические элиты в качестве европейских игроков

Решающие импульсы европейская интеграция всегда получала от лидирующих национальных политиков, глав и членов правительств. Тут встаёт вопрос – почему же они были готовы отдать значительную часть собственной власти в пользу супранациональных институтов? Какие здесь выигрыши и потери? С одной стороны, можно по предложению Алана Милворда, автора исследования «Европейское спасение национального государства»⁹⁰, посмотреть на европейскую интеграцию как на средство сохранить или восстановить автономию и независимость в эпоху сверхдержав и глобализации. Действительно, и Франция, и Германия были в плачевном экономическом и политическом состоянии, когда Шуман и Аденауэр воплотили проект ЕОУС; в 1970ые гг. кризисные явления в мировой экономике и валютная волатильность подтолкнули Валери Жискар д’Эстена и Хельмута Шмидта к тому, чтобы запустить Европейскую валютную систему и Европейское политическое сотрудничество, тем самым усилив позиции европейских стран. Также, политическая роль национальных правительств закрепилась в межправительственных институтах ЕС (Совет Министров). В 1974 г. был учреждён Европейский совет, гарантирующий главам правительств решающее слово в определении политического курса интеграции, а также принятии порою острых антикризисных мер.

Если вернуться к вопросу о выигрыше национальных элит от участия в интеграции, здесь можно выделить коллективные политические и индивидуальные цели. В первом случае, это национальные интересы стран, которые эти политики представляют. Например, в случае с вступлением менее развитых стран Южной и Восточной Европы в ЕЭС/ЕС, главным мотивом было ожидание экономического роста и политической автономии и безопасности после полувекового советского доминирования. В какой-то степени, интеграция предлагает новые возможности политического влияния: элиты стран-

---

90⁵Milward, Alan. The European Rescue of the Nation State. - The European Rescue of the Nation State. – 1999.

членов могут участвовать в определении важных общеевропейских целей и повестки дня, а также реализовывать те цели и политики, которые вызывают сопротивление дома, на местном уровне, от имени и под предлогом Евросоюза (и это, конечно, ещё больше ухудшает имидж ЕС в глазах граждан). ЕС можно рассматривать как престижный клуб государств. Далее, так как интеграция рождает на свет мириады политических, бюрократических и профессиональных карьер и должностей, она наделяет национальных политиков дополнительными важными ресурсами влияния и власти, давая им возможность участвовать в распределении «лакомого пирога». И наконец, участие в европейской интеграции – источник дополнительного вознаграждения и рычагов власти для политических лидеров. На этом поле ярчайшим образом могут проявить себя не только представители больших стран-членов, но и малых – вспомним Анри Спаака (Нидерланды), Пьера Вернера (Люксембург), Лео Тиндемаса (Бельгия) и др. Таким образом, европейская интеграция не может быть правильно оценена без учёта роли национальных политических элит. Важно отметить, что в отличие от общеевропейских политических и бюрократических элит, которые последовательно продвигают интеграцию, национальные элиты более непредсказуемы и действуют в зависимости от времени и исторических обстоятельств.

Национальные элиты и суб-элиты претерпевают процессы европеизации и консолидируются, хотя полностью монолитными их назвать нельзя. Элитная интеграция – процесс более пёстрый и разносторонний, чем это кажется на первый взгляд, т.к. между самими элитами есть разногласия и плюрализм видений и предпочтений. Европейская идентичность (europeanism) политиков стран-членов имеет разные модуляции и измерения (эмоциональную, когнитивную, конативную), и, хотя большинство элит чувствуют эмоциональную привязанность к Европе и позитивно оценивают плоды интеграции, они по-разному видят её дальнейшее развитие и участие в ней их стран – поэтому для рядовых национальных элит скорее предпочтительнее гибкая модель «Europe à la carte» (сохранять единую общую сердцевину ЕС, однако, глубже участвовать только в том, что удобно и отвечает практическим интересам страны и, возможно, чаяниям электората).

ii) члены Европейского парламента

Последние могут считаться ядром нового европейского политического класса; это единственная группа элит, которые избираются напрямую гражданами и работают исключительно в плоскости ЕС. Принято считать, что члены Европейского парламента (MEPs) – обычные люди, в прошлом врачи, химики и т.п., которые по тем или иным причинам захотели сделать карьеру в политике. Хотелось бы уточнить этот социальный

портрет. MEPs – граждане преимущественно возраста 50-59 или 30-39 лет с образованием в области юриспруденции, гуманитарных наук, экономики, естественных наук; одну треть парламентариев составляют женщины. Как правило, многие имеют за плечами значительный политический опыт, либо же приходят из юристов и преподавателей. Служба по депутатскому мандату часто совмещается с другими видами деятельности, две трети депутатов задействованы в некоей ассоциации, профессиональной или социальной организации или лоббистской группе. По данным на 2006 год, 20% MEPs были в парламенте уже третий срок, т.е. больше 15 лет. Судя по экспертным интервью, проведенным командой М. Халлера, работа в Европейском парламенте – это не призвание и дело всей жизни, а продолжение нормальной политической карьеры, начавшейся на местном, региональном или национальном уровне. Каждый парламентарий имеет как минимум двоих помощников. Фракция из 50 членов может располагать шестью научными сотрудниками. Таким образом, Европейский парламент – это, помимо всего прочего, высоко интенсивный рынок труда. Большинство работающих в Парламенте отмечают следующие достоинства: хороший доход, много личностных вызовов и возможностей проявить себя, свою изобретательность и оставить след в истории, в целом это очень интересная работа. Однако, в Парламенте есть ряд проблем. Например, ввиду широкой сферы деятельности, загруженности и масштабов среднестатистический парламентарий не в состоянии быть в курсе всего происходящего там – он скорее должен концентрироваться на одной или нескольких специфических темах. Также, по сравнению с работой национального депутата, где есть более прямые непосредственные отношения с избирателями и представитель должен присутствовать каждую неделю в своём округе, работа евродепутата – это в большей степени аналитическая работа, исследование.

Возможно, самый интересный вопрос – это доходы и льготы парламентариев. До 2009 г. MEPs получали такую же зарплату, как члены их национальных парламентов: итальянские евродепутаты зарабатывали в 4 раза больше, чем их испанские коллеги, и в 14 раз больше, чем депутаты от новых стран-членов из ЦВЕ. В 2009 г. была введена новая система вознаграждения, с единой стандартной зарплатой в 7957 евро⁹¹. Также по единой ставке выделяется сумма 4,299 евро на содержание офиса, щедро покрываются расходы на путешествия, а также отдельно оплачиваются посещения парламентских сессий (304 евро за раз, в сумме в месяц может достигать до 3500 евро). В добавок ко всему, евродепутаты располагают до 14865 евро в месяц на зарплаты своим помощникам. Они и члены их

---

⁹¹ Guide to European Parliament salaries. – February 2014. – URL: [<http://www.bbc.com/news/world-europe-11725041>] (дата обращения: 08.04.2016)

семей могут бесплатно посещать языковые курсы. Как можно видеть, привилегий у общеевропейской политической элиты действительно много.

Оценка функционирования данного института неоднозначна: с одной стороны, это достаточно эффективный «работающий парламент», самый влиятельный в Европе, с другой стороны, по мнению критиков – «большая машина по голосованию». В некоторые дни проводятся 300 или 400 голосований, которые часто сгруппированы по разнородным блокам. На пленарных заседаниях речи произносятся одна за другой практически без дискуссий или ответа. Как могут видеть посетители Европейского парламента, на обычном пленарном заседании присутствует только около 50 евродепутатов – 5% от всего количества, и это, как правило, те, которым надо выступать. Численность евродепутатов также может причинять неудобства. Так, зачастую темы разделяются на множество суб-тем, так как очень много желающих заняться ими; депутаты также соревнуются за портфель раппортёра. Помимо насущных общеевропейских проблем, в повестке дня присутствуют мириады высоко специализированных технических тем, а также мировые проблемы, которые не входят в компетенции Европарламента. Депутаты не в состоянии лично изучать все эти пункты на повестке дня. Поведение отдельных MEPs при голосовании, таким образом, в большинстве случаев диктуется партийным руководством. Также, евродепутаты достаточно открыты влиянию лоббистов (однако, разумеется, не в такой степени, как Европейская комиссия). С последней, кстати, налажен тандем, практически нет конфликтов («Комиссия – дочь парламента»). Действительно, оба эти института преследуют общий интерес – продвижение европейской интеграции, усиление европейских коммунитарных институтов в противовес межправительственным. Критики отмечают, что Европейскому парламенту не хватает социального измерения; также недостаточно внимания уделяется теме меньшинств.

Из последних изменений в Парламенте – это усиление позиций евроскептиков внутри него по результатам выборов 2014 г. Часть евроскептиков объединилась во фракцию – «Европа за свободу и демократию» под руководством Найджела Фараджа («Партия независимости Соединённого Королевства»), а остальные действуют в Парламенте в качестве независимых депутатов (неформально образуют фракцию «Европейский альянс за свободу» под лидерством «Национального фронта» Марин Ле Пен)⁹². На примере партии «Альтернатива для Германии», можно проследить основные требования евроскептических партий – «Европа наций», «хватит платить долги за

92[□]Фракции Европейского парламента. – Справочные материалы сетевого издания «РИА Новости». – URL: [http://ria.ru/cj_mm/20140708/1015142948.html] (дата обращения: 08.04.2016)

других», «не надо воевать за пределами наших границ» и пр⁹³. Данные движения имеют достаточно большое влияние в стран-членах Европейского союза и по праву могут считаться «контр-элитами».

Прошлые выборы нельзя считать сколько-нибудь сильным прорывом в сторону демократии. Оба кандидата (Шульц, Юнкер) во время кампании демонстрировали приличный уровень популизма и почти в унисон обещали решить все проблемы граждан. Взамен просили всего ничего — сделать Евросоюз еще более сильным (читай: дать больше полномочий Комиссии). У европейцев был, по сути, выбор без выбора. Героические попытки двух ведущих кандидатов показать существенные отличия в своих подходах были тщетными⁹⁴.

Вкратце суммируем слабые стороны Европарламента с демократической точки зрения: завышенные компенсации и привилегии, большая численность евродепутатов и связанные с этим проблемы, сильная специализация и фрагментация работы Парламента. Также можно отметить такой парадокс – на выборы в Европарламент последовательно снижается избирательная явка, несмотря на то, что полномочия и вес ЕП в системе институтов ЕС прогрессивно увеличиваются (“the less people vote for it, the more powers it gets”⁹⁵). На выборах 2014 г. проголосовало меньше половины избирателей (средняя явка 42,54%⁹⁶, в некоторых странах, например, Латвии, явка не превысила и 30%⁹⁷). В 2009 г. явка составила 43 %. Роль играет и фактор идентичности: мало людей представляют себя европейцами в том же смысле, что британцами, португальцами или шведами. Нет панъевропейского общественного мнения, нет панъевропейских СМИ и полноценного демоса. Успешную демократию и единое гражданство нельзя создать бюрократическим указом. Выборы в ЕП по-прежнему остаются «выборами второго порядка».

93[□]Ксенофонтов, К. Итоги выборов в Европарламент. Что стоит за успехом правых и евроскептиков? // Информационно-аналитический журнал «Спутник и погром», сетевое издание. – Июнь 2014. – URL: [http://sputnikipogrom.com/europe/13531/right-on/#.VvJIBfmLTIU] (дата обращения: 08.04.2016)

94[□]Кулеба, Д. Проблемы роста европейской демократии // Газета «Зеркало недели. Украина», сетевое издание. – URL: [http://gazeta.zn.ua/international/problemy-rosta-evropeyskoj-demokratii_.html] (дата обращения: 10.04.2016)

95[□]Traynor, Ian. European polls herald clash of Europe’s titans // Ежедневная газета «The Guardian», Интернет-издание. – URL: [http://www.theguardian.com/world/2014/may/21/european-commission-eu] (дата обращения: 10.04.2016)

96[□]Самсонова, Т. Выборы прошли, а в Европе продолжают нервничать // Российское сетевое издание «Slon.ru». – Май 2014. – URL: [http://slon.ru/world/vybory_proshli_v_evrope_prodolzhayut_nervnichat-1104063.xhtml] (дата обращения: 10.04.2016)

97[□]Явка избирателей на выборах в Европарламент в Латвии не превысила 30% // Сетевое издание «РИА Новости». – 24.05.2014. – URL: [http://ria.ru/world/20140524/1009202625.html] (дата обращения: 10.04.2016)

в) К новым европейским политическим элитам можно также отнести *политическую часть бюрократии*, такую как Колледж европейских комиссаров во главе с Президентом Европейской Комиссии. Своего рода, это полу- или квазивыборные должности, по крайней мере, теперь кандидатура Президента КЕС должна быть неформально увязана с выборами в ЕП и сформированным там большинством.

Европейская комиссия (ЕК) занимает центральное место в политическом процессе ЕС, являясь мотором интеграции. Члены ЕК обладают чертами и политиков, и бюрократов. Это отражается в структуре данного органа, где «принято выделять два уровня. Первый можно условно назвать «политическим», он состоит сегодня из [Президента, семи Вице-Президентов и двадцати еврокомиссаров⁹⁸]. [...] более корректно именовать именно этот уровень коллегией (колледжем) Европейской комиссии. Второй уровень Комиссии – административный, состоящий из так называемых «евробюрократов»⁹⁹. Однако, на практике бюрократические и политические элементы в работе ЕК не разделяются так же чётко, как нам диктует структура.

Еврокомиссары обычно имеют политический или юридический бэкграунд, их пребывание на посту ограничено во времени, и они несут коллективную ответственность перед Европейским парламентом. Большинство еврокомиссаров амбициозны и инициативны и хотят оставить след в европейской истории, приблизив мечту об “ever closer Union”. Есть мнение, что фактическая власть ЕК маскируется частым использованием концепции «компетенций» вместо «власти». Это абстрактное существительное отсылает нас к «методу Монне», с его добродетельной бюрократической экспертизой, отводя глаза от необходимости демократической легитимации. Комиссия часто критикуется за непрозрачность. Среди принципов работы ЕК – «конфиденциальность дебатов коллегии»¹⁰⁰. Данный принцип бюрократической секретности восходит к временам абсолютной монархии XVIII в. Он означает, что дискуссии и какие-либо диссидентские мнения отдельных комиссаров не предаются огласке. Генеральные директораты как постоянная, административная часть ЕК обладают не меньшим влиянием, чем сам колледж. Их больше по численности, чем кабинетов комиссаров. Система директоратов достаточно сложна и раздроблена, и нередко соперничество между различными DGs затягивает процесс принятия решений. Также

98[□]About the European Commission. – Официальный сайт Европейского Союза. Справочные материалы. – URL: [http://ec.europa.eu/about/index_en.htm] (дата обращения: 11.04.2016)

99[□]Романова Т.А. История и теория европейской интеграции: организация и проведение семинарских занятий. // СПб: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2007. С. 62

100[□]Здесь же. С. 65

сами Генеральные директора (особенно опытные «старожилы») в некоторых случаях имеют чрезвычайное влияние на комиссаров и могут даже «подмять» их под себя, по аналогии с китайскими мандаринами¹⁰¹ (про это бывший сотрудник ЕК Д.Я. Эппник написал целую книгу «Жизнь европейского мандарина: внутри Еврокомиссии»¹⁰²).

С точки зрения социологического анализа, можно выделить три следующие характеристики ЕК: а) около двух третей Президентов ЕК (8 из 12) были юристами по образованию. Этот факт подчёркивает сильный правовой характер ЕС («сообщество права/закона»), а также влияние этой профессии в политике интеграционного объединения; б) в ЕК существует перевес представителей франкофонного мира: шесть из двенадцати Президентов ЕК родом из Франции, Бельгии или Люксембурга. Это также говорит о большом влиянии французской административной культуры в ЕС; в) почти все Президенты ЕК были национальными политиками до того, как вступить на должность в ЕС. Если до 1980х. гг. это могли быть бывшие министры иностранных дел или парламентарии, то затем это были исключительно бывшие премьеры. Это свидетельствует о повышении значимости фигуры Председателя.

Интересно посмотреть на Европейскую комиссию в лицах – ведь историю делают люди (при значительной роли институтов, а также при наличии благоприятных для перемен условий). Вальтер Хальштейн (1958-1967), первый Президент Комиссии новых Сообществ, был ярким сторонником интеграции и мечтал о создании полноценной европейской федерации. Под его лидерством был разработан план развития Общего рынка (1959 г.), а также была запущена Общая сельскохозяйственная политика. Напористость Хальштейна как политика привела к конфронтации с генералом де Голлем, кризису «пустого кресла», а также выработке «люксембургского компромисса», действовавшего в системе принятия решений до недавних пор. Среди Председателей ЕК прославился также Жак Делор (1985-1995), у которого можно найти много общего с Монне. Как и последний, Делор был вовлечён в социо-экономические реформы и процессы планирования во Франции; также служил министром экономики и финансов (в команде Миттерана), был председателем экономического и валютного комитета в Европарламенте. Делор оказал колоссальное влияние на становление ЕС в современном виде (в его биографии Европа

---

¹⁰¹ Крупный чиновник, советник в дореволюционном Китае

¹⁰² Amies, Nick (interviewer). Former EU Mandarin Spills the Beans on Commission Intrigue // Интернет-сайт немецкой международной общественной телерадиокомпании «Deutsche Welle». – 21.09.2007. – URL: [http://www.dw.com/en/former-eu-mandarin-spills-the-beans-on-commission-intrigue/a-2790009] (дата обращения: 11.04.2016)

фигурирует как «Дом, который построил Жак»¹⁰³). Цитируя газету «Известия», «все, что наиболее впечатляет нас в современной объединенной Европе, - общеевропейская валюта евро, Шенгенская безвизовая зона, единый рынок, неудержимое расширение ЕС на восток - все это связано с его именем. Приняв на себя руководство Комиссией [...] Делор сумел придать ей беспрецедентный импульс к развитию, преобразивший Европу на глазах одного поколения»¹⁰⁴. Жак Делор продолжил работать на дело европейской интеграции после окончания своего поста в 1995 г.: был президентом административного совета Колледжа Европы в Брюсселе, директором исследовательской группы Notre Europe и т.д.

Среди других влиятельных комиссаров, оставивших след в истории – фермер-социалист из Голландии Сикко Мансхольт, предложивший масштабный план реформ по сокращению занятых в с/х и укрупнению ферм. Также следует отметить борца Сопротивления Альтьеро Спинелли, совместно с Эрнесто Росси написавшего «Манифест Вентотенто» за федерализацию Европы. В 1970х гг. Спинелли служил еврокомиссаром, а позднее стал депутатом в Европейском парламенте. Под его руководством, парламент в 1984 г. выступил с известной декларацией, призывая к качественному углублению интеграции и созданию «Европейского союза». Известен также бельгиец Этьен Давиньон, который в 1975 г. проложил дорогу Европейскому политическому сотрудничеству, предтече современной ОВППБ, а позднее возглавил Билдербергский клуб. Ряды выдающихся комиссаров пополняют Ральф Дарендорф, Мартин Бангеманн, Франц Фишлер, Нил Киннок и др. Общая тенденция такова, что, несмотря на достаточно ограниченные цели и специализированные портфели еврокомиссаров, каждый старается продвинуть интеграцию в конкретно взятой узкой области под его/её ведомством. Никогда ещё комиссары не предлагали критически оценить или сократить присутствие ЕС в своей области компетенции. Комиссия обеспечивает непрерывность и продвижение процесса интеграции несмотря ни на какие внешние условия и ограничения.

2) Недооценена и мало исследована *юридическая элита ЕС*. Мы включаем эту группу в часть про политические элиты ЕС, т.к. высокопоставленные служащие судебных органов ЕС, десятилетиями формируя европейское правовое пространство, имеют значительное косвенное политическое влияние и зачастую незаметно направляют ход интеграции (хрестоматийный пример этому – деятельность Суда ЕС во время «евросклероза»). Факторы такого рода влияния Европейского суда – это телеологическое, т.е. расширенное и творческое, толкование первичного права ЕС, а также монополия на его толкование;

---

¹⁰³ Рыжков, В. Дом, который построил Жак // Ежедневная газета «Известия», сетевое издание. – 10.11.2002. – URL: [<http://izvestia.ru/news/269456#ixzz43kdA0f5J>] (дата обращения: 11.04.2016)

¹⁰⁴ Здесь же.

разработка и укрепление принципов европейского права; создание решающих прецедентов. Такие разработанные Судом принципы права ЕС, как прямое действие и верховенство права ЕС над национальным правом, кардинальным образом изменили политическо-правовую жизнь в странах-членах. Влияние Европейского суда подтверждается также тем фактом, что количество преюдициальных запросов постоянно растёт, в 1990ые гг. появился дополнительный орган – Суд первой инстанции (сейчас Суд по общим делам), а позднее один специальный трибунал по гражданской службе. Специалист по европейскому праву Дж. Вейлер окрестил деятельность Суда в процессе интеграции «тихой революцией»¹⁰⁵. С помощью своей деятельности и решений, Суд достиг де-факто конституционализации правового порядка сообщества, а также, расширенно и про-интеграционно интерпретируя Договоры (за некоторыми исключениями), работал на приближение цель «более тесного Союза». Почему же национальные юридические элиты согласились признать высокую роль Европейского суда и даже зачастую ей способствовали? Очевидно, здесь играют роль профессионально-элитистские интересы представителей данного ремесла. Напрямую обращаясь к Суду ЕС, любой национальный суд может обойти конституционный суд своей страны и получить автономию. М. Халлер подчёркивает, что практически вся страта юристов заинтересована в применении и расширении европейского права с позиций своих профессиональных интересов и увеличения своего влияния. Более того, в большинстве университетов Европы открываются новые кафедры европейского права, на которых могут быть задействованы тысячи преподавателей и ассистентов. Таким образом, с социологической точки зрения, этот новый чудесный мир права – не только интеллектуальный и творческий вызов для юристов, но также и благодатное поле для новых высокооплачиваемых направлений работы и карьеры. Доходы судей Европейского суда – одни из самых высоких в и без того щедрой системе институтов ЕС. Профессиональный статус служащих судебной системы ЕС также очень и очень высок. Членство в Суде ЕС или экспертная работа, выполняемая по его заказу, предоставляет юристам возможности примерить на себя квази-политическую роль.

Очевидно, что работа Суда ЕС благоприятствует централизации, экономической интеграции в либеральном ключе, главным образом в интересах корпораций и предприятий. Конечно, есть и ряд более позитивных моментов, связанных с Судом, например, расширение повестки дня по защите прав человека как личности, а не только

---

¹⁰⁵ Weiler, J.H.H. A quiet revolution: The European Court of Justice and Its Interlocutors // Comparative Political Studies. January 1994 vol. 26 no. 4 pp. 510-534

как экономической единицы. Тем не менее, критики в один голос твердят, что Суду необходим более сильный фокус на социальных правах индивидов.

Итак, получается, что у драйверов европейской интеграции есть ряд собственных эгоистических интересов, которые часто скрываются за мифами, лозунгами и обращением к «европейским ценностям». Думать, что национальные политические элиты уступают ЕС компетенции, только чтобы сохранить автономию и укрепить влияние своих государств в эпоху глобализации, и действуют сугубо в интересах своих граждан, скоропалительно и наивно. К тому же, в эту картину мира не вписывается кризис доверия и расширяющаяся пропасть между элитами и гражданами. Мотивы, связанные с усилением государственной мощи путём членства в сильном коллективном «клубе государств», конечно же, имеют место быть, однако, интеграция также продвигается элитами исходя из их собственной, скрытой повестки дня, индивидуальных интересов и выгод.

Кратко суммируем основные выводы данного параграфа: личностные особенности, ценности и поведенческие стратегии «отцов-основателей» ЕС наложили глубокий отпечаток на характер интеграции. Черты, которые они заложили в европейский проект, присутствуют в нём по сей день – это автократизм, ценность иерархии и институтов, а также элитизм и технократизм. Решающие импульсы европейская интеграция всегда получала от лидирующих национальных политиков, глав и членов правительств (это больше касается прошлого, чем настоящего; сейчас явных лидеров и исторический персонал нехватка). Национальные политические элиты мотивированы участвовать в интеграции с позиции коллективных и индивидуальных целей; достаточно европеизированы и консолидированы, однако, больше ориентированы на избирателей и внутривнутриполитические проблемы, поэтому предпочитают более гибкий, прагматичный подход к интеграции – «Europe a la carte». В ЕС сложился следующий обычай: для успешной, стабильной политической карьеры против ЕС выступать нельзя, иначе подвергнут остракизму и будут всеми силами стараться исключить из политического процесса. Поэтому хотя бы отдельные компоненты единой Европы поддерживают практически все мейнстримные силы. Евродепутаты – единственная категория выборных политиков ЕС – наиболее всего попадают под определение политических элит ЕС в классическом понимании. Исторически их вес в системе институтов ЕС постоянно увеличивался, но, парадоксально, параллельно этому снижалась явка на выборы в ЕП. Имеют тенденцию сотрудничать с Комиссией и являются вторым «мотором» по продвижению интеграции. Распространено голосование по партийной линии, в силу чрезвычайной широты повестки дня и загруженности депутатов. Для Евродепутата

среднее время выступления с речью на пленарном заседании – 6 минут в год. Меньше общаются с избирателями, чем национальные депутаты, и больше занимаются аналитической, исследовательской работой; подвержены социальному лобби. Настоящий состав парламента включает две фракции евроскептиков, которые выступают за роспуск ЕС, что является беспрецедентным феноменом. Безусловно, это оживляет дискуссию, но кардинально не меняет результаты политики в силу их меньшинства. Обычно депутатский мандат – это не исключительное занятие парламентаря, а также не призвание, а карьерная возможность. Еврокомиссия находится на стыке пересечения двух категорий элит: политических и бюрократических. Вне зависимости от внешних условий и обстоятельств, ЕК выступает за усиление интеграции и «больше Европы», не в последнюю очередь потому, что это синонимично «больше власти» и компетенций данному органу. Президенты ЕК с сильными убеждениями и лидерскими качествами (в меньшей степени Халльштайн, в большей Делор) способны продвинуть уровень интеграции на качественно новый, астрономический уровень (что не всегда хорошо); еврокомиссары не избираются напрямую и могут действовать более смело и свободно, нежели национальные политики. На одном уровне по влиянию с еврокомиссарами – генеральные директора. Это достаточно специфические, не публичные должности, директора могут годами и десятилетиями несменяемо работать в Комиссии, обеспечивая продолжительность процесса интеграции и реализацию долгоиграющих проектов, продвигая про-интеграционную повестку дня, при этом оставаясь в тени.

§3. Экономические элиты ЕС

Экономические элиты ЕС можно разделить на три группы: а) фермеры и их ассоциации; б) малый и средний бизнес¹⁰⁶; в) крупные корпорации, активные на национальном и международном уровне – ТНК. Все эти группы были по-своему достаточно активны и влиятельны в процессе интеграции, какие-то в большей, какие-то в меньшей степени. Такие базовые интересы экономических элит, как адекватный доход, прибыль, власть, влияние и престиж, а также безопасность и конкурентоспособность, формируют их отношение к европейской интеграции.

Европейский союз сегодня – это, в первую очередь, общий рынок, но он также обладает элементами экономического и валютного союза и политического союза. С точки зрения потенциального режима свободной торговли между всеми странами мира, ЕС – это второе лучшее решение (second-best solution). В целом, экономическая интеграция

---

¹⁰⁶МСБ причисляются здесь к элитам по следующим признакам: во-первых, потому что их работники представляют значительную долю электората; во-вторых, поскольку некоторые из них представлены сильными профессиональными ассоциациями/организациями.

улучшает торговую конкуренцию и специализацию между её участниками и во многих отношениях выгодна для них. Но это может иметь обратный эффект на отношениях с третьими странами, т.к. блоковая интеграция подавляет торговлю с внешним миром, своим протекционизмом подрывает положение стран третьего мира и в общем-то мешает развитию свободной торговли в мировом масштабе. Для кого-то может показаться удивительным, но ЕС – это не чисто неолиберальный проект, как любят указывать критики левых идеологий; европейская интеграция содержит оба элемента: с одной стороны, либерализация рынков, дерегуляция и приватизация, а с другой – защитная торговая политика (ограничения на свободную внешнюю торговлю) и инструменты активной индустриальной политики. Одна из основополагающих целей ЕС, прописанная в Договорах, - это утверждение ЕС и его крупных корпораций в качестве «сильных игроков» на мировой арене. В ЕС очень развиты политика протекционизма, а также индустриальная политика, направленная на поддержку и субсидирование «европейских чемпионов» и отдельных отраслей.

Ожидаемый благоприятный эффект от торговой интеграции был одним из мотивов запуска европейской экономической интеграции. Однако, «перетекание» интеграции в социальную и политическую плоскость было изначально, по меньшей мере, столь же важным мотивом. Экономика подразумевалась как «чёрный вход», через который политическое единство и централизация власти на беспрецедентном в мировом масштабе уровне могут как бы незаметно, без шока, войти в жизнь людей.

Логично утверждать, что, если пространство недостаточно интегрировано экономически, значит, в процессе интеграции превалируют иные цели и интересы – политические и бюрократические. К этому случаю относится ЕС, т.к. там до сих пор не сформировался полноценный единый внутренний рынок (ЕВР). Это выражается в следующих признаках:

а) устойчивые шаблоны трудовой мобильности в ЕС демонстрируют низкую внутреннюю миграцию на территории единой Европы. Это связано со значительными социальными и профессиональными потерями, которые работники могут понести мигрируя. В 2004 г. опрос, проведённый Евробарометром показал, что только 4% населения переезжают из своей родной страны¹⁰⁷. Таким образом, первый признак – это неразвитый внутренний рынок труда, низкий уровень движения рабочей силы;

---

¹⁰⁷Neal, Larry. The Economics of Europe and the European Union. Cambridge University Press: Cambridge. – 2007. P. 92

б) отсутствие внутренней интегрированности экономических элит. Например, не появился новый общеевропейский тип менеджеров. Менеджеры ста крупнейших предприятий Германии, Франции, Соединённого Королевства – почти исключительно выпускники национальных университетов;

в) экономическая фрагментация видна на примере процессов слияния и поглощения (M&A). Проследив потоки слияний фирм внутри и за пределами ЕС, можно увидеть, что основное направление слияний совпадает с исторически-культурными критериями – главным образом, языком – а не границами Европейского союза. Выделяются четыре группы повышенной интенсивности экономических взаимоотношений: англо-саксонские страны, скандинавские, германоязычные, иберийские (Испания, Португалия, Аргентина, Бразилия). То есть, в фрагментации ЕВР играют роль исторически унаследованные, внутренние социальные и культурные барьеры между разными языковыми и культурными областями;

г) новые силы глобализации привели к более плотным взаимосвязям между всеми макрорегионами мира, как в плане экономики (инвестирования капитала, корпоративные слияния, торговые потоки), так и миграции. Глобализация – более мощная сила интеграции, нежели «европеизация». Транснациональные взаимосвязи явно подвержены влиянию фактора культурно-исторической принадлежности и экономико-политических отношений между частями стран-членов ЕС и остальным миром. Что касается степени интеграции самих европейских экономических элит, нет явных свидетельств появления нового «европейского делового класса».

Таким образом, Европейский союз не представляет собой полностью интегрированное экономическое пространство, самодостаточное и обособленное от остального мира. Если нельзя наблюдать глубокой экономической интеграции, это означает, что её нужно рассматривать, прежде всего, как политически мотивированный процесс, отвечающий интересам политических и бюрократических элит, по меньшей мере, не меньше, чем экономических.

Для более комплексного портрета экономических элит ЕС, следует рассмотреть роль корпоративных экономических интересов на начальном этапе интеграции, а именно в учреждении ЕОУС, и деконструировать миф о Монне как инноваторе и революционере. Идея тесной кооперации между французскими и немецкими базовыми индустриями принадлежит Международной сталелитейной картели, основанной в 1926 г., которая контролировала 90% мирового экспорта стали. Даже нацистский период и Вторая мировая

война не разрушили это сотрудничество. После окончания Второй мировой, несмотря на запрет картелей, производители начали активно работать на восстановление старых форм сотрудничества. Именно промышленники, а не политики первыми подали идею объединения немецкой и французской добывающих индустрий для европейского экономического восстановления. Во второй половине 1940х гг., увеличилось влияние национальных ассоциаций производителей, усилилась концентрация в секторах угля и стали, для поддержки последних действовало множество субсидий и других нерыночных элементов. В 1948 г. французский министр иностранных дел Ж. Бидо предложил сменить курс с политики компенсации на политику сотрудничества с Германией. Давление британцев и американцев также подготовило благодатную почву для «плана Монне-Шумана». В 1947 г. немецкий банкир Пфердменгес предложил, от имени железо- и сталедобывающих индустрий Рура, уступить половину этого сектора французским интересам. Его идея подтолкнула экспертов во французской Комиссии экономического планирования во главе с Монне начать разработку проекта новой наднациональной администрации этих секторов. По мнению историка Джилингхама, новые наднациональные институты сотрудничества чем-то напоминали старые добрые картели¹⁰⁸.

Яркий пример влияния бизнес-элиты (корпораций) на европейскую интеграцию – это деятельность Европейского круглого стола промышленников. Жак Делор при подготовке проекта ЭВС во многом опирался именно на идеи и предложения этой ассоциации, слушал и внимал её просьбам и давлению. Этот фактор объясняет сильную индустриальную политику ЕС, поддержку чемпионов и ключевых индустрий, субсидирование, скрытое поощрение слияний. Скептики могут возразить, что такая политика работает в конечном итоге на благо всех граждан без исключения, ведь концентрация предприятий влечёт за собой увеличение эффективности. Однако, это не аксиома: подъём крупных корпораций часто приводит к обратному результату (inefficiencies), бюрократическим издержкам, сверхприбылям вследствие огромной мощи этих фирм. Есть мнение, что малые и средние фирмы более продуктивны, чем крупные.

Ещё одна обширная неоднозначная тема, связанная с влиянием экономических элит, – это лоббирование. Остановимся на ней вкратце и выделим несколько важных для специфики данного исследования моментов. В Брюсселе действует около 15000 профессиональных лоббистов. Лоббирование имеет свои плюсы и минусы, и было бы неправильно представлять его исключительно в чёрном свете. Оно выполняет важную

---

¹⁰⁸Gillingham, John. Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945-1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community. – Cambridge University Press. – 2004. P.22

информационную функцию, обеспечивая информационные потоки между бизнесом, политиками и администраторами, часто предоставляет органам власти полезную экспертную информацию. Однако, есть и ряд проблем: а) нет чётких правил регулирования лоббирования; б) непрозрачность использования информации, предоставляемой лоббистами; в) не все группы и интересы представлены равномерно. Распространено мнение, что лоббизм работает, главным образом, в интересах крупных корпораций и сильных организованных групп. Также, исследование политолога Ирины Мишалович¹⁰⁹ показало, что далеко не всегда лоббирование не приносит плоды, а эффективно в основном только тогда, когда его цели совпадают с главными целями политических акторов, ответственных за сферу интересов лоббистов.

Более того, в ЕС существует множество неформальных каналов влияния (и вообще, неформальное принятие решений и секретные договоренности между институтами и отдельными лицами – явление крайне распространённое). Лоббисты по самой природе своего ремесла охотно прибегают именно к такому неформальному, непубличному взаимодействию. Непропорциональное представительство интересов, непубличность и предвзятость лоббизма оказывают подогревают скепсиса граждан в отношении интеграции, а также разрыва между гражданами и элитами.

М. Халлер и его команда в 2004 г. проводили опрос граждан ЕС и просили их назвать, по их мнению, сильных и слабых «игроков» интеграции. В первую группу вошли большие страны-члены, ТНК и политические элиты. Во вторую – малые страны-члены, малый и средний бизнес, безработные и рядовые граждане. Также, в 2007 г. организация Open Europe проводила своё исследование – интервьюирование 17443 людей, 56% которых высказали мнение, что ЕС не представляет интересы обычных людей.

Нарекания вызывает Общая сельскохозяйственная политика ЕС (ОСП) – крупная статья бюджета до сих пор и бесспорный лидер бюджета на протяжении прошлых десятилетий. В 2007 г. траты ЕС на с/х составили такую же сумму, как совокупный бюджет Австрии, хотя доля занятых в с/х в ЕС составляет менее 5%. Согласно финансовой социологии, бюджет отражает приоритеты политического сообщества. Что касается бюджета ЕС, то его наполнение противоречит его репрезентации (под заголовком «Инвестиции в рост и новые и лучшие рабочие места»¹¹⁰). Большая часть средств, выделяемых на с/х, идёт на прямую помощь фермерам (в основном крупным) и

---

¹⁰⁹ Michalowitz, Irina. EU Lobbying. Principals, Agents and Targets: Strategic interest intermediation in EU policy-making. – Munster: LIT Verlag. – 2004. P. 269.

¹¹⁰ EU budget for 2015. – URL: [http://ec.europa.eu/budget/annual/index_en.cfm?year=2015] (дата обращения: 15.04.2016)

интервенционные меры. ОСП – это отличный пример того, что случается, когда нет связи между институтами и гражданами ЕС. Распределение сельскохозяйственных субсидий ЕС – пожалуй, самый серьезный недостаток ОСП. Дело в том, что наибольшую поддержку получают крупные богатые агропредприятия и землевладельцы, а не семейные фермы, которые некогда позиционировались как основная ячейка европейской демократии. Данную схему можно метафорически окрестить «Робин Гуд наоборот».

И, наконец, остаётся проанализировать роль экономических элит в расширении ЕС на восток. Известный факт, что посткоммунистические страны ЦВЕ подверглись процессам транзита и шоковой терапии. Стратегия «шоковой терапии», которая предписывает быстрый и болезненный процесс транзита, принесла с собой много проблем, которые в первую очередь коснулись рядового населения этих стран. Однако, именно в таком «шоковом» процессе транзита были очень заинтересованы западноевропейские ТНК и капитал. Можно даже предположить, что включение посткоммунистических стран ЦВЕ в ЕС явилось до некоторой степени мирной «аннексией», даже если на эти страны не было оказано прямого давления. В общем и целом, такая трансформация, организованная элитами, обернулась для населения и для политических систем этих стран рядом серьезных негативных последствий, несмотря на все блага¹¹¹. Транзит должен был быть быстрым и резким, чтобы помешать старым секторальным группам влияния самоорганизоваться и заполнить привлекательные рыночные и административные ниши и каким бы то ни было образом препятствовать реформам. Рассмотрим пример Польши. Там была проведена доскональная приватизация: продажа рентабельных частей госкорпораций иностранным компаниям, увольнение (the release) тысяч людей, ослабление профсоюзов, ограничительная монетарная политика. На какое-то время были введены меры бюджетной экономии, вследствие долгов давление на страну также оказывал МВФ. В Польше началась гиперинфляция, последствиями которой были экспроприация накоплений, резкое сокращение промышленной производительности, понижение доходов рабочих и служащих. То есть, мораль сей басни такова, что национальные экономики посткоммунистических стран ЦВЕ были аффилированы с западными рынками достаточно brutальным способом и за короткий промежуток времени. Это, разумеется, могло бы быть сделано иначе, более плавно и контролируемо. В процессе транзита, структура производства и экспорта существенно изменилась: тогда как раньше эти страны экспортировали готовые промышленные товары в другие страны СЭВ, то теперь паттерны экспорта изменились, увеличилась доля сырья и примитивных

111[□]Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) P. 141

(полузаконченных) товаров. Конечно, многие страны сейчас наращивают более технологичное и качественное производство, а в ряде стран транзит прошёл более успешно (Словения, Чешская республика). Однако, социальные последствия «шоковой терапии» никто не отменял – возросло неравенство, упал уровень рождаемости и повысилась смертность.

Оглядываясь назад, можно говорить об успешной битве западноевропейского капитала за предприятия ЦВЕ. Западный капитал был чрезвычайно заинтересован в возможностях инвестирования в этом регионе. Уже с начала 1990х гг., началась реальная драка за «куски пирога» и «девственную» с точки зрения рынка почву ЦВЕ. Примечательно, что в 2006 г. в Вене даже состоялась научная конференция под названием «Битва за Украину». Это неудивительно. Экономическое соперничество может принять характер «битвы без оружия». Посткоммунистические страны привлекали также тем, что они были своего рода «налоговыми оазисами» для западного капитала.

Западный капитал приобрел значительные выгоды от открытия восточноевропейских рынков и захвата контроля над крупными сегментами восточноевропейской экономики. Сегодня значительной долей частных корпораций Восточной Европы владеет западный капитал (30% и более). Уже в середине 1990х гг., 74% всех банков Венгрии, например, находилось во владении иностранного капитала – пропорция в два или три раза больше, чем в Западной Европе¹¹². Экспорт в данный регион увеличился с эффектом взрывной волны. Так, с 1995 г. многократно вырос немецкий экспортный баланс, корпоративная прибыль увеличивалась больше, чем рос ВВП. Однако, тут интересна следующая деталь – вступление стран ЦВЕ в ЕС не было решающим событием для западного капитала и корпораций. Договоры об ассоциации между ЕС и посткоммунистическими странами привели к созданию зоны свободной торговли уже в 1990ые гг.

Безусловно, иностранные инвестиции в посткоммунистические страны во многих отношениях благоприятны и полезны. Они сыграли позитивную роль в создании новых рабочих мест, способствовали передаче технических и управленческих «ноу-хау», а также экономическому росту этих стран. Основной проблемой, повторимся, были именно скорость и чрезмерная жёсткость, с которой протекал процесс транзита. «Шоковая терапия», если суммировать, усугубила социальное неравенство, региональное неравенство, ситуацию с безработицей, сократила автономию ведения экономической

---

¹¹²Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) P. 143

политики в целевых странах. Немецкий экономист В. Ханкель¹¹³ видит эту ситуацию как хрестоматийную иллюстрацию того, как создаются зависимые экономики, т.к. подрываются местная индустрия и занятость населения.

Расширение ЕС иногда критически расценивается не как декламируемое «возвращение домой», в Европу, а как, своего рода, мирная аннексия. В этом процессе переплелись интересы экономических и бюрократических элит ЕС, а также новых экономических и политических элит посткоммунистических стран. Кстати сказать, европейские элиты много средств вложили в «европеизацию» и «вербовку» последних. Переговоры о вступлении проходили в настроении «сильный-слабый»; страны-кандидаты должны были принять всё «*acquis communautaire*», а также соответствовать всем Копенгагенским критериям 1993 г. Иногда в качестве эксперимента выдвигались сверх требования, т.е. страны-кандидаты ещё использовались как пробная площадка для будущих реформ¹¹⁴.

Что касается переговоров, то главным намерением переговорщиков от ЕС было, чтобы страны-кандидаты чётко выполняли требования МВФ; экономические и социальные проблемы, появляющиеся в процессе, обсуждались редко. По характеру это были явно переговоры неравных. На внутренние реформы и «европеизацию» было выделено 4 млрд евро – в расчёт на восемь стран в совокупности, что значительно меньше, чем для предыдущих вступающих.

Отношение граждан посткоммунистических стран к вступлению в ЕС было двояким, и данные разных опросов могут отличаться. Можно только сказать наверняка, что реалии вступления и членства пошатнули изначальное воодушевление, т.к. многие надежды не оправдались. Демократический характер расширения, в некоторой степени, сомнителен, т.к. этот процесс решался элитами без особой общественной дискуссии.

Один из главных выводов этой части исследования заключается в том, что зачастую разные виды элит объединяются для общих или дополняющих друг друга целей. В ЕС явно наблюдаются согласованные усилия политиков, крупных корпораций и евробюрократии по продвижению «Еврокорпораций», субсидированию НИОКР в стратегических секторах во имя технического прогресса и политико-военной независимости. Анализ поведения и предпочтений экономических игроков показывает, что ЕС – это не такой либеральный

113[□]Hankel, W. Why the euro system is unsustainable // Executive Intelligence Review, issue of August 2005. – URL: [http://www.larouchepub.com/other/interviews/2005/3232_hankel.html] (дата обращения: 16.04.2016)

114[□]Bohle, Dorothee and Greskovits, Bela. Capitalist Diversity of Europe's Periphery. - Capitalist Diversity of Europe's Periphery. – 2012. P. 316.

проект, каким они себя позиционируют, т.к. там сильны механизмы рыночного вмешательства и протекционизм. Грубо говоря, Евросоюз представляет собой зону, в которой крупный бизнес «старой» Европы (прежде всего, Германии и Франции) получает гарантированную прибыль за счёт отрицаемой на словах, но весьма изощрённо выстроенной на деле протекционистской системы. При этом барьеры носят, как правило, нетарифный характер и связаны с разнообразными стандартами, над внешней абсурдностью многих из них весьма наивно смеяться.

Аналогичным образом еврозона является территорией, на которой столь же гарантированную прибыль получает уже не весь крупный бизнес «старой» Европы, но его финансовая часть. ЕС гарантирует прибыль бизнеса наиболее развитых стран Европы (причём, как правило, континентальной), и это важнейший мотив экономических элит поддерживать евроинтеграцию¹¹⁵.

Итак, в этом параграфе подтвердилось, что европейская интеграция – это политический проект, с превалирующими политическими мотивами и целями: единая Европа недостаточно интегрирована экономически, там до сих пор не сформировался полноценный единый внутренний рынок. Были рассмотрены конкретные примеры влияния экономических элит на интеграцию в сюжетах с Европейским объединением угля и стали, Единым внутренним рынком Жака Делора, Общей сельскохозяйственной политикой, лоббированием, а также наиболее масштабным расширением ЕС на Восток. Изучив экономический аспект расширения, мы пришли к выводу, что западноевропейский капитал и ТНК здорово выиграли от реформ «шоковой» терапии, поскольку это помешало старым секторальным группам влияния самоорганизоваться и заполнить привлекательные рыночные и административные ниши, а также обеспечило бесповоротность реформ. «Мирная аннексия», успешная битва западноевропейского капитала за рынки ЦВЕ произошла огромной ценой подрыва экономической самостоятельности этих стран, безработицы, неравенства и пр. Однако, выяснилось, что вступление стран ЦВЕ в ЕС не было решающим событием для западного капитала и корпораций. Договоры об ассоциации между ЕС и посткоммунистическими странами привели к созданию зоны свободной торговли уже в 1990ые гг. То есть расширение было в первую очередь мотивировано политически. Также мы выяснили, что зачастую разные виды элит объединяются для общих или дополняющих друг друга целей. В ЕС явно наблюдаются согласованные усилия политиков, крупных корпораций и еврократии по продвижению

115[□] Делягин, М. Прощай, унылая Европа! // Интернет-сайт информационного-аналитического проекта «Однако». – URL: [<http://www.odnako.org/almanac/material/proshchay-unilaya-evropa/>] (дата обращения: 12.04.2016)

«Еврокорпораций», субсидированию НИОКР в стратегических секторах во имя технического прогресса и политико-военной независимости. Что касается единой валюты, то евро наиболее выгодно финансовому сектору, нежели рядовым гражданам, и эта тема будет подробнее разбираться в Главе 3.

§3. Бюрократические элиты ЕС (еврократия)

Для того, чтобы понять динамику европейской интеграции, крайне важно проанализировать её «мотор» - бюрократические элиты. В ЕС сформировалась уникальная в мире, особенная бюрократия, с сильными политическими и законодательскими функциями, помимо обычных функций бюрократии (регулятивной, исполнительной, информационной, посреднической и т.п.). Как ни странно, роли бюрократии уделяется немного внимания в большинстве исследований европейской интеграции. В данном исследовании мы постараемся восполнить этот пробел.

Буквально понятие «бюрократия» означает «господство канцелярии», сословие чиновников (от франц. *bureau* - бюро, канцелярия и греч. *kratos* - сила, власть,); в позитивном смысле это «организация профессиональных государственных служащих для квалифицированного, эффективного исполнения общественной политики»¹¹⁶, однако, присутствуют и негативные трактовки, как, например, следующая: «замкнутый слой высших чиновников, противопоставляющий себя обществу, занимающий в нем привилегированное положение, специализирующийся на управлении»¹¹⁷. Бюрократическое управление эволюционирует. Так, например, «[б]юрократия сегодня не является безразличной, предсказуемой и определенной, как она описана в идеальной модели М. Вебера. Это динамично развивающийся слой, который все в большей степени ориентирован на инновационные изменения. [...] [С]овременная бюрократия даже пытается руководить политиками»¹¹⁸.

Характер бюрократии у разных наций и культур отличается; на ЕС же особое влияние оказали французская и немецкая бюрократические культуры. Начиная со Средневековья, в этих странах непрерывно увеличивалась власть государственных институтов, в ущерб другим автономным центрам политической силы. В конце 19 в., там сформировался «организованный капитализм», что подразумевало тесную интеграцию частных корпораций, ассоциаций, государственной администрации и политики с целью

---

116 Бюрократия (НФЭ, 2010). – URL: [<http://ponjatija.ru/node/10420>] (дата обращения: 10.04.2016)

117[□] Взгляд на бюрократию М. Вебера, Р. Мертона, А. Гоулднера. – URL: [<http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-byurokratii.html>] (дата обращения: 10.04.2016)

118 Бюрократия (НФЭ, 2010). – URL: [<http://ponjatija.ru/node/10420>] (дата обращения: 10.04.2016)

достижения национальной мощи и автаркии. М. Вебер выделяет три причины распространения экстенсивной государственной бюрократии: экспансия самого капитализма; развитие средств коммуникаций и транспорта; развитие консьюмеризма, благосостояния общества и политики государства благоденствия. Все эти причины также относятся и к распространению евробюрократии. Одновременно с этим приходят и проблемы, связанные с бюрократией: например, её потенциальный конфликт с демократией.

В данной работе, под евробюрократией понимается преимущественно, но не эксклюзивно, Европейская комиссия (её политические и административный блоки). Можно выделить четыре отличительные особенности ЕК: а) монополия на законодательную инициативу (такой привилегий не обладает ни одна бюрократия мира); б) ЕК следит за имплементацией права ЕС в государствах-членах, т.е. является их надзирателем или супервайзером; в) коллективная ответственность ЕК. Однако, ограниченные портфолио отдельных комиссаров не мешают Комиссии в целом достигать более глубокой интеграции; г) все члены евробюрократии, кроме 28 еврокомиссаров, назначаются, а не избираются. Это усиливает безличный характер евробюрократии. Комиссия также вовлечена в разработку законодательства в развитие ранее принятых регламентов и директив (т.н. регулятивное исполнение) – делегированных и имплементирующих актов (ст. 290 и 291 ДФЕС). Всё это происходит в системе комитологии. Из лекций Д.А. Леви «Основы лоббирования в институтах Европейского союза» на ФМО СПбГУ, автор данной работы узнала, что Комиссия в своей регулятивной деятельности зачастую демонстрирует творческий подход: например, есть закон, принятый обычной законодательной процедурой, но технический регламент, принимаемый Комиссией, разворачивается в другую сторону и фактически изменяет форму закона. Процедуры вокруг этого процесса крайне запутанны, сложны и постоянно меняются, что затрудняет их анализ и вообще общественный контроль. Комиссия – также сосредоточение высоко квалифицированного (по крайней мере, по идее) экспертного знания, как правило, в области права, бизнеса, технических вопросов. Правовая служба играет центральную роль в работе ЕК, т.к. всё, что делает ЕК, должно опираться на Договоры и соответствовать их букве. В целом, европейское право и институты ЕС поддерживают друг друга посредством сцепленной системы бюрократии и права, подпитывающей себя изнутри.

С одной стороны, это правда, что гражданские служащие не борются за власть и не продвигают свои цели и повестки так, как это делают политики и бизнесмены. Обязанность бюрократа – это исполнять приказы своего легитимного начальства; подобным образом, и евробюрократия должна подчиняться своим главным «принципалам» -

государствам-членам. С другой стороны, еврократия наделена особыми властными полномочиями в качестве «хранителя договоров», а также органа, продвигающего истинно «общеевропейские интересы». Каковы же эти интересы? Так как в ЕС слабо развита публичная сфера и демократический процесс ограничен, ЕК имеет достаточно много свободы в определении этих интересов.

Важно, что евробюрократы, работающие в Брюсселе, Страсбурге и Люксембурге – это только часть бюрократической машины, функционирующей по всему ЕС. Еврократия также полагается на обширные сети национальных администраторов и экспертов из частных институтов. Более того, в национальной исполнительной власти стран-членов созданы специализированные «европейские департаменты», ответственные за поддержание контактов с Брюсселем и имплементацию регламентов ЕС. Это можно окрестить «замещающей еврократией» (или европейской бюрократией второго уровня). Замещающая бюрократия в странах-членах насчитывает от 17900 до 36200 человек¹¹⁹ – почти столько же, сколько и основная. Различные бюро (департаменты, секции, индивиды), ответственные за повестку ЕС на локальном уровне, действуют на национальном уровне, а также уровне провинций и коммун. В задачи этих бюро входят имплементация директив ЕС, распределение средств из фондов ЕС, консультирование местных органов власти и компаний на тему доступа к фондам ЕС, сбор, анализ и архивация информации, распространение информации о ЕС. Действительно, еврократия большое по численности, чем кажется! Бюрократические элиты ЕС включают в себя также служащих системы агентств и комитологии. В структуре институтов особенно могущественны Генеральные директора (главы Генеральных директоратов, которых в Комиссии на сегодняшний день 34¹²⁰), а также КОРЕПЕР (второй уровень Совета Министров, включает постоянных представителей – «послов» - стран-членов в ЕС). Генеральные директора – высший чин невыборной административной части Европейской комиссии – можно образно окрестить «баронами», «серыми кардиналами» и «тайными строителями европейской интеграции», т.к. они обладают глубоким экспертным знанием своей области, внутренней работы Комиссии, а также большой сетью политических контактов. В этой области произошли некоторые улучшения (Р. Проди ввёл правило ротации), однако, это не меняет следующего факта: сами еврокомиссары непосредственно обсуждают и принимают лишь небольшое количество решений, 97% повестки дня

119[□]Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) (p. 166). Taylor and Francis. Kindle Edition.

120[□] European Civil Service (Directorates-General). – Материал из Википедии. – URL : [\[https://en.wikipedia.org/wiki/European_Civil_Service#Directorates-General\]](https://en.wikipedia.org/wiki/European_Civil_Service#Directorates-General) (дата обращения: 10.04.2016)

составляют «пункты В», решённые на более низких и менее подотчётных уровнях ЕК. В Совете Министров существует достаточно похожая ситуация.

Личные интересы еврократов: после того, как бюрократия была однажды учреждена, её члены развивают определённые интересы, касающиеся сохранения и улучшения своих позиций. Экономисты-исследователи бюрократии рассматривают последних в качестве «максимизаторов пользы», которые рационально преследуют собственные цели. Эти цели включают в себя не только узкие эгоистические цели, связанные с удержанием рабочего места и базовыми доходами, но также включают широкий спектр социальных ценностей (social goods): власть, денежное вознаграждение, органичный удобный круг обязанностей, личная верность своей рабочей команде или бюро в целом, желание служить обществу согласно собственным видениям, преданность определенной стратегии/проекту, репутация в обществе. В международных бюрократиях дополнительные стимулы исходят из вызовов мультикультурной среды.

В существовании бюрократии заинтересованы разные общественные группы. С точки зрения экономических элит, бюрократия – это жизненно важный инструмент координации и управления в системе продвинутого капитализма. Предприниматели и корпорации заинтересованы в определённых правилах игры на рынке, в законах и регламентах, которые бы действовали по всему ЕС. К тому же, как уже было указано, еврократия, при поддержке государств-членов, проводит активную индустриальную политику, финансирует ряд отраслей.

Пожалуй, самая важная часть нашего рассуждения о бюрократических элитах – это их социальные характеристики. Повторим, что в Европейской Комиссии – главном наднациональном институте ЕС – отмечается особое влияние французской административной культуры; среди сотрудников также большая пропорция французских граждан. Несмотря на провозглашаемую политику ЕС гендерного равенства, высшие руководящие должности в ЕК, в том числе невыборные, занимают мужчины – это ёмко отражено в выражении «male bastion». Бэкгрануд большинства служащих ЕК – высшее образование в сферах права или экономики. Учитывая, что ЕС не является полноценным государством, размер ЕК достаточно большой, в её работе присутствует некоторая запутанность – например, экономическими вопросами занимаются шесть директоров. По мнению бывшего комиссара по вопросам предпринимательства и промышленности Гюнтера Ферхойгена, 50% активности КЕС – внутренняя координация. Зарплаты европейских служащих щедрые, от 2600 до 18000 евро, в зависимости от категории, плюс множество компенсаций и привилегий, связанных со спецификой работы и статусом

(пособие экспата в 505 евро, пособие на содержание дома, детей, служебные поездки и т.п.¹²¹). Британская газета «Телеграф» сокрушается, что месячная зарплата одного из пяти евробюрократов (в совокупности 10000) превышает аналогичное вознаграждение премьер-министра Д. Кэмерона¹²². Существующая разница в доходах между уровнями ЕС и стран-членов означает символическую субординацию национальных государственных служащих европейским. Евробюрократы также освобождаются от уплаты местных налогов. Столь высокие зарплаты евробюрократов можно объяснить не только соображениями престижа, а также, в какой-то степени, необходимостью привлечь наиболее продвинутые, квалифицированные кадры (зарплаты специалистов с аналогичной квалификацией в ведущих международных компаниях – выше). И, наконец, среди других привилегий – это пожизненная позиция в структурах ЕС либо, при необходимости реформировать/сокращать штат, «золотое рукопожатие» на досрочную пенсию (сами пенсии тоже очень высокие). То есть, можно сказать, что работа на ЕС – это беспроигрышная лотерея. Также, не трудно догадаться, что возможность карьеры в институтах ЕС очень привлекательна, на вакансии очень большой конкурс.

Создатель политической антропологии Крис Шор, анализируя бюрократические элиты ЕС, особо отмечает феномен «engrenage»¹²³, возникающий в среде элит и между разными их группами. В ЕК происходит ресоциализация индивидов, приобретает новое европейское сознание. Можно посмотреть на службу в еврократии под разными углами. Многим из-за изолированности и оторванности бюрократических элит от общества она представляется как, своего рода, «золотая клетка». Евробюрократы, живущие далеко от родины, образуют в трёх ключевых штаб-квартирах органов ЕС «дипломатические гетто» (есть даже специальные карты Брюсселя с демаркацией основных районов обитания евроэлит). Службу в ЕК также характеризует иерархичность, большие объёмы письменной работы, особая роль неформальных связей чиновников (по национальности, партиям, клубам и тайным обществам). В процессе работы у евробюрократов формируется новый образ мышления, особый необычный стиль жизни, даже новый язык, сленг («евроспик», см. Главу 1).

121[□]Salaries for staff, Parliament members and Commissioners. – URL: [<http://en.euabc.com/word/814>] (дата обращения: 13.04.2016)

122[□]Waterfield, Bruno. 10,000 European Union officials better paid than David Cameron. // Ежедневная газета “The Daily Telegraph”, сетевое издание. – 21 May 2014. – URL: [<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/10847979/10000-European-Union-officials-better-paid-than-David-Cameron.html>] (дата обращения: 13.04.2016)

123[□]Engrenage (фр.) – steady “meshing together” или сцепление, связь.

Последнее, о чём часто забывают, говоря о демократическом дефиците ЕС и его слабой легитимности, - это факторы коррупции и недобросовестного менеджмента в недрах институтов (особенно ЕК). Финансовые нарушения ЕК и практика кумовства гремели в СМИ и общественности в конце 1990х. – начале 2000х гг. Одному колледжу ЕК даже пришлось уйти в отставку (Комиссия Ж. Сантера). Важно, что ЕС не менее защищён от коррупции, чем любые страны мира; более того, плохие практики государств-членов (особенно южно- и восточноевропейских) порой «переезжают» в Брюссель вместе с политиками и чиновниками.

Административная интеграция через «чёрный ход»: налажены достаточно плотные неформальные связи ЕК с национальным регулятивными агентствами, ЕК действует проактивно, используя эти сети как «чёрный ход» для гармонизации регулятивных практик. Сильные стороны ЕК как регулятора – это новаторский подход и эффективный административный ресурс¹²⁴.

Из данного параграфа можно сделать следующие выводы: еврократия – это достаточно закрытая и удалённая структура со своей идеологией (европеизм), ценностями и нормами поведения (политкорректность). Для евробюрократов успех ЕС и дальнейшее поступательное развитие интеграции важны не только с точки зрения безопасности, заработка, престижа (первые три ступени пирамиды А. Маслоу), но и с позиции более высоких мотивов – их личности и её целостности, их идентичности, и это не удивительно. В работу зачастую очень вкладываются и работают на ЕС всю жизнь. Многие еврократы амбициозны, видят себя миссионерами и миротворцами; практически каждый еврокомиссар/директор стремятся сделать как можно больше на своём посту, чтобы оставить след в истории и закрепить значимость своего портфолио, а зачастую и из альтруистических устремлений. Один Генеральный директор анонимно высказался в интервью: «Yes we belong to the European ruling class!»¹²⁵. Это кратко суммирует видение бюрократическими элитами самих себя, на наш взгляд.

124[□]Martens, Maria. Administrative Integration through the Back Door? The Role and Influence of the European Commission in Transgovernmental Networks within the Environmental Policy Field // *Journal of European Integration*, 30:5, pp. 635-651. – 2008. – URL: [<http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/07036330802439608>] (дата обращения: 16.04.2016)

125[□]One GD, interviewed by the Identity Foundation (2003, p. 72), bluntly stated: "Yes, we belong to the European ruling class." The title of this study—"Considerations About the Clandestine Wrights of Europe"—seems to be quite accurate. Haller, Max (2008-05-05). *European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream?* (Routledge Advances in Sociology) (pp. 158-159). Taylor and Francis. Kindle Edition.

§4. Сравнение видения интеграции европейскими элитами и европейскими гражданами

В данном параграфе мы собираемся выявить, что общее и чем отличается. Будет показано, что доминирующее значение для интеграции – это то, как видят элиты. Именно они влияют на форму развития европейского проекта.

Политическая конгруэнтность – (от лат. *congruō* - «Я согласуюсь, я схожусь») – это совпадение разделяемых политических ценностей и видений¹²⁶. Существуют различные методы измерения политической конгруэнтности: так можно выявить степень раскола или консенсуса между элитами и гражданами. Наиболее распространённым из таких методов является модель Э. Даунса¹²⁷, согласно которой политики должны отражать предпочтения электората и принимать позиции, очень близкие, если не идентичные, позициям своих избирателей. Соответственно, различия, обнаруживаемые эмпирическим путём, означали бы, что представительство работает слабо. Касательно представительства в ЕС, интерес представляет коллективная работа «Европа элит» в рамках тематического проекта IntUne, посвящённого европейскому гражданству¹²⁸. Фокус-группы проведённых опросов и анкетирования – члены национальных парламентов¹²⁹ (здесь: политические элиты), исполнительные директора и иные члены бизнес-элит, а также избиратели из 15 стран-членов ЕС (1145, 15115, 608 человек соответственно); анализ результатов проходил по трём измерениям (граждане-парламент-правительство) и пяти вопросам-проектам (помощь регионам, ОВПБ, европейская армия, единая социальная и налоговая системы). Согласно авторам и рецензентам «Европы элит», существующие стереотипы не подтвердились: раскол между элитами и массами не так повсеместен и страшен, как «его малюют». Он варьируется по секторам политики и между странами-членами. Так ли это на самом деле и адекватно ли используемое определение элит? Прежде чем отвечать на эти вопросы, вкратце представим выводы авторов. По вопросам увеличения помощи

126[□]Croucher, Richard and Upchurch, Martin. Political congruence: a conceptual framework and historical case study // *Labor History*, 53:2, 205-223. – 2012. – URL: [https://www.academia.edu/1606780/Political_Congruence_a_conceptual_framework_and_historical_case_study] (дата обращения: 16.04.2016)

127^Даунс, Энтони. – Материал из Википедии. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%83%D0%BD%D1%81,_%D0%AD%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B8] (дата обращения: 16.04.2016)

128[□]Book review: *The Europe of Elites. A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites* Edited by Heinrich Best, Gyorgy Lengyel, and Luca Verzichelli. – URL: [<http://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2013/02/06/the-europe-of-elites-a-study-into-the-europeanness-of-europes-political-and-economic-elites/>] (дата обращения: 16.04.2016)

129^Метод анализируемого исследования состоит в том, что политические позиции и видения правительства высчитываются на основе ответов парламентариев из правительственных партий. Однако, у автора данной работы вызывает сомнение тот факт, что опрашиваемые – это конечные и ведущие лица, принимающие решения в европейской политике. К тому же, помимо явных, существуют и тайные формы политической власти.

отстающим регионам, а также целесообразности общей внешней политики ЕС между гражданами и элитами ЕС в принципе наблюдается согласованность, за некоторыми исключениями (например, граждане и элиты ФРГ скептически относятся к региональной помощи в связи с наболевшим вопросом о субсидировании Восточной Германии). Большинство стран с перспективой быть получателями дополнительной помощи выступают за более активную региональную политику, в то же самое время, страны, которые надеются получить меньше, находятся внизу списка. В ряде стран (Болгария, Греция, Венгрия, Португалия), все группы – избиратели, экономические элиты, парламентарии, правительство – поддерживают первый вариант. Во Франции, Британии, Польше, Словакии, Италии существует разница в степени одобрения региональной помощи между гражданами и политическими элитами. Дания – единственная страна, где правительство не поддерживает эту идею, в отличие от местных парламентариев, бизнес-элит и населения. По поводу необходимости ОВППБ существует консенсус, однако, различна степень энтузиазма (граждане – «скорее за, чем против», или «чуть тёплая» поддержка; элиты – определённо за, сильная поддержка). В отношении единой европейской налоговой системы и единой системы социальной безопасности консенсуса не существует. Касаясь усиления общеевропейской обороны также наблюдаются существенные различия. В большинстве исследуемых стран элиты отдают предпочтение европейской армии, что контрастирует с позициями избирателей, которые склоняются к «двойной защите» национальной и европейской армий. Два государства-члена – Британия и Болгария – поддерживают только национальный вариант, Дания – единственная страна, где и элиты, и граждане хотят располагать только национальной армией. Примечательно, что экономическим элитам более чем другим группам импонирует идея общеевропейской армии. Цель объединения национальных систем социального обеспечения вызвала поддержку граждан всех пятнадцати стран, тогда как элиты по этому вопросу разделились. В частности, политические элиты, а также экономические элиты богатых западноевропейских стран (Великобритания, Дания, Австрия) выразили сопротивление этой идее. Вопрос общей налоговой системы вызвал оппозицию даже кое-где на массовом уровне – так, на этом сошлись граждане и элиты Великобритании, Эстонии и Дании.

Важно, что на лицо видна разница в идеологиях и видениях о том, какое предназначение и задачи единой Европы. Для граждан единая Европа имеет смысл и ценна во многом из-за надежд на социальную составляющую – «Европа благосостояния, справедливости, демократии» (к слову, вклад ЕС в благосостояние народов – вопрос очень спорный!), а для элит важно великодержавное предназначение ЕС, ЕС как мощный глобальный игрок. Экономические элиты стран-членов являются наиболее про-

интеграционной группой по всем пяти пунктам, за рядом исключений. Между ними и политическими элитами наблюдается в значительной степени согласие. Однако, это не универсальный шаблон – способность сохранить собственный вариант государства благосостояния или благоприятный режим низкого налогообложения важна как для политиков, так и избирателей в некоторых государствах-членах.

Таким образом, можно выявить некоторые тенденции. Тогда как элиты более про-интеграционны в вопросе европейской армии, широкая общественность более про-интеграционна по отношению к объединённой налоговой системе и системе социальной безопасности. Такие различия можно объяснить тем, что элиты тяготеют к расширению своей власти, прав и возможностей, а народ стремится к более благоприятному, справедливому разделению ресурсов. То есть, по мнению элит, объединение власти и ресурсов европейских государств в общую европейскую оборонную систему привело бы к коллективному увеличению влияния на международной арене и долгосрочному миру в непосредственно европейском регионе. Расширение государства благосостояния и справедливая налоговая политика, перераспределение национального богатства и другие материальные стимулы являются основными мотивами для граждан поддерживать интеграцию. Во многих государствах на уровне не-элит существует надежда, что общая система социальной безопасности будет означать приспособление социальной политики к высочайшим европейским стандартам и создание панъевропейской системы перераспределения, включающей в себя межнациональный трансфер финансовой помощи.

Очевидно, что такой расклад не по душе экономическим элитам, они слабо поддерживают единую Европу социального протекционизма и нисходящего перераспределения. В свою очередь, передача контроля над военными делами была бы не столь выгодна населению. Войны, даже кажущиеся оправданными и необходимыми, крайне непопулярны среди европейцев, и передача военных компетенций на уровень ЕС означала бы потерю контроля избирателей за национальной оборонной политикой и конкретными лицами, ответственными за это.

Команда «Европы элит» также заключает, что, хотя и партии являются основными посредниками между гражданами и элитами, совпадение между позициями центрального партийного офиса и парламентариев настолько сильно, что можно усомниться, что партии действительно следуют народным предпочтениям по проблемам ЕС. Скорее партийные элиты формируют свои собственные предпочтения в изоляции от масс.

Разные приоритеты. Начиная с Маастрихта и заканчивая подписанием Лиссабонского договора в 2007 г., элиты фокусировались на углублении и расширении Европы и на увеличении потенциала принятия решений на наднациональном уровне.

Интересы и заботы элит переместились от вопроса сдерживания Германии к проблеме увеличения политической легитимности и эффективности расширенного ЕС. В свою очередь, граждане были озабочены несколько иными вещами: экономическим спадом в Европе в начале и середине 1990х. гг., рисками эрозии государства благосостояния вследствие старения населения и международной конкуренции и, наконец, проблемой миграции в результате предстоящих или свершившихся расширений. Другими словами, начиная с 1990х. гг., в европейской политике наблюдаются разъединение и раздор. Стратегии элит заключались в деполитизации Европы, это ярко проявилось в создании еврозоны и независимого ЕЦБ. Тем временем, население очень персонально и остро ощутило на себе регулятивную силу ЕС в таких новых областях его компетенций, как пограничный контроль, валюта, гражданство, фундаментальные права. Усилилось ощущение, что национальные парламенты теряют всё больше контроля и проигрывают брюссельской бюрократии¹³⁰.

Авторы монографии «Политика Европейского союза» Х. Лелайвельдт и С. Принцен¹³¹ так формулируют суть расхождений между правителями и управляемыми. Элиты больше поддерживают политические предприятия с функциональным оттенком (валюта, иммиграция), тогда как граждане придают большую важность стратегиям, которые смягчают эффекты единого внутреннего рынка: социальная политика, политика в области занятости населения, охрана окружающей среды.

Рассинхронизация элит и не-элит также бросается в глаза, когда мы сравниваем позиции граждан и партий, парламентариев. Последние всегда оказываются гораздо более про-интеграционными, чем граждане (например, во Франции за Маастрихтский договор еле-еле набралось большинство – 51,1% избирателей, тогда как французский парламент одобрил его 89% голосов¹³²). Во многих государствах-членах все мейнстримные партии долгое время были безоговорочными сторонниками интеграции, однако, к счастью, ситуация меняется. С начала 1990х. гг., появляются партии с евроскептической программой, и спектр их широк – от крайне правых до крайне левых; также традиционные партии начинают проявлять больше разнообразия и критики в отношении ЕС (в Польше, Дании, Швеции, Великобритании). То, что раньше выделялось как «британский подход», сейчас более распространено.

---

¹³⁰European Identity. Edited by Jeffrey T. Checkel and Peter J.Katzenstein. – New York: Cambridge University Press. – 2009. P. 16

¹³¹Princen, Sebastian and Lelieveldt, Herman. The politics of the European Union (Cambridge Textbooks in Comparative Politics). – Cambridge University Press. – 2011. P. 162-163

¹³²Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) (p. 13). Taylor and Francis. Kindle Edition.

Примечательно, что для многих авторов еврофилия элит – это дело отнюдь не горячей привязанности к Европе (по опросам, самоидентификация рядовых элит в качестве европейцев обычно является «надстройкой» над национальной и локальной идентичностями), а т.н. «когнитивной мобилизации», подразумевающей высокую образованность и передовые взгляды на вещи. То есть, грубо говоря, чем ты более умный и продвинутый, тем больше ты поддерживаешь дальнейшее объединение¹³³. Миф это или реальность, мы рассмотрим позднее в Главе 3.

Раскол элит и граждан начал ярко проявлять себя в 1990х. гг. Например, ЭВС был поддержан 85% ведущих ЛПР и 53% населения в 1996 г. В 2008 г. более 90% политических и экономических элит подтвердили свою позитивную оценку членства своих стран в ЕС («benefited»). На шкале, определяющей, зашла ли интеграция слишком далеко (0) и стоит ли ей продолжаться (11), средние показатели позиций элит составили 7,1 для старых стран-членов и 6,0 для «новичков», экономические элиты опередили политиков везде на 1-2 десятых. У граждан агрегированный показатель по тому же вопросу составил 5,4.

Также рассуждения о расколе между элитами и гражданами пронизаны духом того, что это нормально и даже хорошо, т.к. народ всегда позднее осознаёт свои реальные интересы, если вообще осознаёт. А элиты, якобы, могут отделить воспринимаемые, иллюзорные интересы от истинных, объективных и служить во имя их (“perceived” vs. “real” interests)¹³⁴. С такими интерпретациями трудно согласиться человеку демократических взглядов.

Отношение к членству и выгодам, извлекаемым из европейского проекта. Евробарометр, на протяжении многих лет отслеживающий общественное мнение о ЕС, провёл сравнительный опрос ведущих ЛПР и граждан. На вопрос, явилось ли членство в ЕС чем-то хорошим или плохим для вашей страны, 94% ведущих ЛПР ответили положительно, 2% - отрицательно и 4% - нейтрально («ни хорошо, ни плохо»). Это сильно отличается от мнения широкой общественности, из которой 48% ответили положительно, 15% отрицательно и 28% нейтрально.

Самое большое различие между этими двумя опросами – это спектр ответов. Среди ведущих ЛПР (TDMs) между странами обнаружилась незначительная вариация (14%): самый высокий уровень поддержки был зафиксирован в Германии (98%), самый низкий среди ЛПР в Швеции (84%). Вариация по странам гораздо более заметна и составляет 48%: самый высокий показатель в 75% по Ирландии, Италии и Нидерландам, самый

---

¹³³ Англ. термин «unification».

¹³⁴ Keulman, Kenneth and Koós, Agnes Katalin. *European Identity: Its Feasibility and Desirability*. – Plymouth, Lexington Books. – 2014. P. 182

низкий в 27% в Австрии и 29% в Швеции. Если рассматривать позиции разных групп ЛПР, то поддержка лидеров СМИ составила 91% и 96% среди гражданских служащих¹³⁵.

Немного поздние опросы приводят к похожим выводам. Во-первых, степень гордости за принадлежность к Европе также различается: она высока в Италии, Люксембурге, Бельгии, Франции, Испании, Португалии и Ирландии, но ниже в Скандинавии, Великобритании, Австрии и Германии. Во-вторых, выясняется, что политические элиты испытывают более сильную гордость за то, что являются европейцами, нежели избиратели. Это особенно относится к евродепутатам: в девяти странах из пятнадцати разрыв велик. В целом по ЕС, немногим более половины (55%) избирателей гордятся своей европейской принадлежностью, аналогичный показатель составляет две трети (68%) членов национальных парламентов и три четверти (75%) евродепутатов¹³⁶!

Чтобы «завоевать» или обеспечить согласие граждан на дальнейшую интеграцию, элиты прибегают к ряду стратегий, о которых пойдёт речь в следующей части параграфа.

Многочисленные данные, представленные выше, показывают, что поддержка гражданами европейской интеграции в большинстве случаев вялая, «чуть тёплая». По ЕС в целом, процент тех, у кого твёрдо позитивное отношение к ЕС, составляет чуть более 50%; среди значительных подгрупп населения и в некоторых странах-членах у большинства негативное отношение; у ЕС нет ясной и широко принятой идентичности в разных странах-членах. Существует устойчивый тренд того, что отношение к интеграции не меняется в лучшую сторону с течением времени. С начала-середины 1990х. гг. уровень поддержки ЕС мало-помалу падал и с тех пор никогда не поднимался вновь¹³⁷. Эти отрезвляющие факты хорошо известны «архитекторам» ЕС. Вполне ожидаемо, что европейские элиты приложат существенные усилия, чтобы побороть такое скептическое отношение, и попытаются «воспитать» в населении более позитивное отношение к интеграции. Они также предпримут усилия по непрерывному мониторингу общественных настроений в странах-членах ЕС с тем, чтобы быть в состоянии реагировать на потенциально опасные негативные отношения. Эти два предположения правдивы.

Можно уверенно утверждать, что ни одно современное политическое сообщество не инвестирует столько средств в связи с общественностью с тем, чтобы улучшить свой

135[□] Eurobarometer Surveys. Top Decision Makers Survey. Summary report. – URL: [http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/top/top_en.htm#4] (дата обращения: 18.04.2016)

136[□] Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) (pp. 19-20). Taylor and Francis. Kindle Edition.

137[□] Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) (p. 257). Taylor and Francis. Kindle Edition.

имидж и оправдать свои действия, сколько это делает ЕС. Это политическое сообщество использует стратегию убеждения (принятую на вооружение ещё в начальные годы интеграции Ж. Монне) в качестве инструмента политического руководства (две другие стратегии – это руководство посредством централизации власти и через рыночные механизмы). Существует два способа убеждения: идеологическое внушение (обработка), к которому часто прибегают тоталитарные режимы, а также рекламные и PR-кампании, типичные для демократий. Но их предназначение суть одно и то же. Совокупный эффект рекламных и публичных кампаний может быть очень мощным, если они проводятся длительный промежуток времени. Таким образом, они ведут к традиционной легитимности в веберовском смысле, которая состоит в том, что политические институты принимаются как должное и приобретают легитимность за счёт их продолжительного существования.

В этом отношении следует кратко осветить три стратегии ЕС: а) информационные и PR-кампании, продолжительные во времени и с недавних пор усиленные; б) усилия по мониторингу мнения европейских граждан посредством регулярных, ежегодных исследований Евробарометра; в) специфические информационные и публичные кампании накануне принятия/предложения важных решений. Такой, своего рода, маркетинг европейской интеграции и PR-кампании, предпринимаемые ЕС, занимают ключевое место в его деятельности. На протяжении десятилетий, ЕС распространяет буклеты и глянцевые брошюры, организует посещения Брюсселя и проводит туры по административным зданиям ЕС. В подобных брошюрах обычно провозглашается, что ЕС во многих отношениях – это удивительная история успеха; за более чем 50 лет, он поднял уровень жизни его граждан до беспрецедентного уровня; был создан единый внутренний рынок без границ и единую валюту, евро; это важный экономический центр силы и ведущий донор средств в пользу развивающихся стран и т.п. Подобным образом, все достижения Европы за последние десятилетия приписываются ЕС. После того, как народы Нидерландов и Франции отвергли Конституцию ЕС, информационные и PR-усилия ЕС были значительно усилены. В структуре ЕК важное место занимает Директорат по коммуникациям, он находится под ответственностью самого Ж.К. Юнкера, Президента ЕК. После ратификационных кризисов, было решено усилить коммуникационную политику на общеевропейском и национальном уровнях. Это включило в себя создание «европейских публичных пространств», где люди могут получить информацию и обсудить проблемы ЕС с его служащими; новую Интернет-стратегию по интерактивным дискуссиям и новую аудио-визуальную стратегию для производства программ по делам ЕС. Коммуникационные усилия также включали в себя расширение сотрудничества с СМИ и

поставку им более качественных новостей и актуальных материалов, визиты официальных лиц ЕС в страны-члены и учреждение там «европейских послов доброй воли», организацию «Круглых столов за демократию» в городах стран-членов. Тем не менее, ясно, что все эти усилия не нацелены на реальное решение проблемы низкого интереса и ухудшающегося имиджа ЕС в глазах граждан. Комиссия 2004-2009 г. провозгласила коммуникации своей стратегической задачей. В 2005 г. был принят план действий по улучшению коммуникационной составляющей деятельности ЕС. Коммуникационная политика с тех пор была много раз дополнена. Из последних нововведений – мероприятия по веб-рационализации (2012 г.), обновление корпоративной визуальной идентичности Комиссии в Интернете (2011 г.), из более ранних шагов – новая Интернет-стратегия ЕК по коммуникациям с гражданами (2007 г.), инициатива электронной Комиссии 2006 г., Белая книга по европейской коммуникационной политике от 2006 г. и, наконец, «План D за демократию, диалог и дебаты» от 2005 г. Как мы можем видеть, за проблему взялись серьезно. Коммуникационная стратегия, принятая в 2005 г. ЕК, имеет несомненный элитистский характер, т.к. только крошечная пропорция 500-миллионного населения ЕС была затронута проводимыми мероприятиями. За три года реализации «Плана D» официальные лица ЕС совершили около 300 поездок в страны-члены и примерно 20000 комментариев были оставлены на форуме для онлайн-дискуссий «Европа дебатов»¹³⁸. Вместо настоящего диалога между гражданами и чиновниками, вся коммуникационная стратегия – это, скорее, улица с односторонним движением, по которой гражданам передается информация о достижениях и успехах ЕС. Конкретный опыт вышеупомянутых круглых столов зачастую был разочаровывающим. И сама проблема разочарования граждан в ЕС, связанного с демократическим дефицитом и фокусом ЕС на (неолиберальной) рыночной интеграции, не рассматривается по существу. Все референдумы по делам ЕС показали, что, когда граждане реально имеют возможность решить что-то своими голосами, возникают бурные общественные дискуссии. Игнорирование этого аспекта – составная часть фокуса информационных кампаний ЕС на «предоставлении результатов» и цели «разъяснить, углубить и легитимировать новый консенсус в Европе»¹³⁹. По особым важным случаям и решениям, ЕС проводит систематические PR-кампании с тем, чтобы получить одобрение граждан на достижение поставленных ЕС целей. Одна такая кампания детально анализируется антропологом

---

¹³⁸Материалы Интернет-сайта «Европа дебатов». – URL: [<http://www.debatingeurope.eu/>] (дата обращения: 18.04.2016)

¹³⁹Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - The Commission's contribution to the period of reflection and beyond - Plan-D for Democracy, Dialogue and Debate /* COM/2005/0494 final */ URL: [<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52005DC0494>] (дата обращения: 18.04.2016)

Крисом Шором¹⁴⁰. Это была кампания по введению евро в 1996 г., многие черты этой стратегии могут быть обнаружены и в других кейсах. Данная кампания, проводимая ЕК, включала в себя разработку и распространение программных, концептуальных документов; проведение опросов общественного мнения; составление приемлемого для ЕП бюджета; обновление кадрового состава посредством приёма релевантных специалистов, в т.ч. по маркетингу; обеспечение качественной бюрократической инфраструктуры. В то время, введение евро было очень сложным и спорным вопросом (в Германии, большинство граждан было против этого). Элиты ЕС, включая ведущих национальных политиков, таких, как канцлер ФРГ Г. Коль, рассматривали единую валюту как масштабный политический проект, который бы помог продвинуться на пути интеграции. Однако, этот политический аспект единой валюты был преуменьшен и деполитизирован европейскими элитами; евро было представлено гражданам как «безопасное и надёжное предприятие»¹⁴¹, с исключительно позитивными последствиями для всех стран-членов и их граждан. С целью сформировать позитивное восприятие евро было предпринято множество мер, включая листовки, брошюры, новостные публикации и информационные подборки, конференции, круглые столы, радио- и ТВ-выступления, видео по информированию профсоюзов и бизнес-сообществ о преимуществах евро для рабочей и деловой среды. Несмотря на то, что на публике официальные лица ЕС утверждали, что Европу нельзя строить без согласия её граждан, видения и позиции общественности были на практике расценены как нечто, что может быть и должно быть изменено, в соответствии с заранее составленным планом по введению евро. ЕК, в частности, пыталась уменьшить свою политическую роль и представить себя как беспартийного информационного брокера (посредника), для этой цели даже само слово «кампания» для описания коммуникационно-маркетинговой (пропагандистской) деятельности ЕК было заменено на выражение «информационная деятельность». Главной причиной запрета слова «кампания» было то, что оно подразумевает наличие предмета спора; «информационная активность» не только помогает сконструировать нейтральный, беспартийный имидж ЕК, но и скрыто преподносит единую валюту как вопрос, не подлежащий обсуждению, лежащий за пределами соревновательной политики¹⁴². В личных интервью, представители ЕК были неспособны замаскировать двусмысленность такого семантического разделения. Негативные результаты опросов общественного

---

140 Shore, Cris. Building Europe: the cultural politics of European integration. – Routledge. – 2000. P. 97

141 Ibid. P. 98

142 Англ. термин «politics».

мнения в этом случае не были приняты в расчёт; то, что думали граждане, не было решающим фактором для результатов кампании по продвижению евро.

В своей стратегии элиты ЕС полагаются на изучение общественного мнения (т.н. «демократия общественного мнения»). Мониторинг общественного мнения – это центральный элемент отношений ЕС с гражданами. Для этой цели, в 1973 г. был учреждён Евробарометр (ЕБ), который представляет собой серию регулярных, представительных народных опросов, проводимых дважды в год. Во всех странах-членах интервьюируется 1000 человек (или меньше в микро-государствах) на тему их общего отношения к европейской интеграции и на некие специфические тематики, которые меняются. ЕС, вероятнее всего, первое политическое сообщество, которое учредило специальный механизм, чтобы получать регулярную и надёжную информацию о политических позициях своих граждан. ЕБ также помогает ЕС легитимировать свои действия, учитывая тот факт, что прямые демократические процедуры (выборы, референдумы) слабо влияют на политику ЕС. Регулярное исследование политических предпочтений касательно ЕС можно сравнить с деятельностью комиссаров¹⁴³ дореволюционной Франции, которые наносили визиты и инспектировали провинции, собирая все данные, которые могут помочь сохранению центральной власти. Результаты ЕБ всегда публикуются, и эти данные доступны широкой общественности, ими часто пользуются социологи и пр. В этом отношении, реализация этого метода не может считаться проблематичной с точки зрения нормативной демократии. Действительно, данные ЕБ – это очень ценный источник для социо-научного анализа, особенно касательно долгосрочных тенденций. Однако, некоторые аспекты ЕБ всё же проблематичны. Эти проблемы сейчас также признаются СМИ. Первая проблема – это то, что опросы ЕБ всегда спонсируются ЕС. Методологические исследования показали, что тип спонсора влияет на ответы респондентов. Если интервьюер представляется и говорит, что проводит опрос от имени ЕС, вероятно, что ответы будут несколько предубеждены в пользу ЕС. Независимые институты исследования общественного мнения часто получают менее позитивные ответы касательно ЕС в отличие от ЕБ. Этот факт был хорошо задокументирован в Германии, и это также подтверждается результатами общеевропейского (независимого) опроса «Open Europe», о котором говорилось ранее в параграфе. Во-вторых, темы и вопросы, включенные в опросы ЕБ, несколько односторонние, однонаправленные. Вопросы по острым проблемам, таким, как бюрократизм, отходы, коррупция и тому подобное, вообще не задаются. Если встречаются вопросы по противоречивым темам, на первый план выводятся только позитивные аспекты, негативные опускаются. Зачастую, в ЕБ

---

143 Франц. термин «maitres des requetes».

включаются вопросы, по которым у большинства респондентов нет достаточно уровня знания и понимания; пример такого подхода – вопрос о доверии к институтам ЕС, который охватывает не только Европейский Парламент и Комиссию, но и Европейскую счётную палату, Комитет регионов, Социальный и экономический комитет – хорошее понимание работы этих институтов есть только у части академиков. Исследователями также доказано, что формулировки вопросов чрезвычайно важны для ответов. Часто формулировки вопросов ЕБ сами по себе могут заключать проблемы и противоречия, как бы предупреждая их, чтобы помочь произвести позитивное предубеждение к ЕС и отвести внимание в другую сторону. Многие вопросы ЕБ имеют характер предложения. Респонденты достаточно терпеливы и готовы отвечать на вопросы, даже если они бессмысленны для них – процент отказов от ответа достаточно мал. Если это совместить с тенденцией в пользу позитивных ответов и чисто психологического стремления понравиться интервьюеру (что тоже иногда встречается), это может объяснить общую положительную картину интеграции, складывающуюся по результатам ЕБ. И наконец, анализ данных и представление выводов также проблематично. Во-первых, распространенный способ представления выводов – это показать линейные результаты по странам-членам; СМИ часто докладывают в заголовках о таких результатах. Однако, известно, что сравнение предельных распределений между странами часто может вводить в заблуждение, так как эти распределения обусловлены разными схемами выборки, взвешиванием данных и т.п. Во-вторых, интерпретация полученных данных часто делается в довольно наивном, проевропейском духе. Несколько примеров из шестидесяти третьего ЕБ (весна 2005)¹⁴⁴: сообщается, что доверие к Европейскому Союзу составляет 44%, что на третьем месте после ООН и национальной системы правосудия, но явно превосходит доверие к национальному парламенту и правительству. Очевидно, однако, что основным фактором для позитивных оценок респондентов этих политических институтов была дистанция этих институтов и отсутствие в личном опыте близких сношений с ними (в случае в ООН и ЕС). Под заголовком "Но качество жизни в Европейском Союзе считается несравненным", сообщается, что большинство респондентов считают, что качество жизни в Европе (не в ЕС) лучше, чем в США и Японии, не говоря о Китае и Индии. Сообщается, что ЕС опережает США в шести из десяти областей (охрана окружающей среды, здравоохранение, образование, борьба с социальной дискриминацией, неравенство, безработица); однако, на самом деле многие граждане основательно полагают, что европейская интеграция имеет тенденцию к увеличению социального

144[□] Eurobarometer 63. Public opinion in the European Union. – September 2005. – URL: [http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb63/eb63_en.pdf] (дата обращения: 18.04.2016)

неравенства и безработицы; кроме того, главными акторами в этих областях являются государства-члены, а не ЕС¹⁴⁵.

Ещё одной важной стратегией ЕС по обеспечению согласия граждан является изобретение и подпитка мифов об интеграции. Это действительно увлекательная тема для исследования. Все вышеупомянутые стратегии и действия служат делу создания мифов о ЕС. В политологии считается, что у политического процесса есть две грани: а) реальные интересы, борьба и результаты; б) публичная репрезентация этих интересов и властных структур, стоящих за ними, и руководство элит этими процессами репрезентации. Между этими двумя сторонами – реальностью и репрезентацией – зачастую существуют существенные противоречия и несостыковки. Политические мифы создаются вокруг фундаментальных и спорных вопросов, которые сложны и двусмысленны; их создание не обязательно служит целям маскировки элит, однако, мифы помогают обеспечить благовидную интерпретацию сложных проблем, а также последовательность и моральную целостность политического сообщества. Политические элиты, как правило, непрерывно воспроизводят эти мифы, стараясь таким способом легитимировать свои действия. Кажется, что они работают на благо всех, тогда как на самом деле они преследуют и свои собственные интересы. В случае европейской интеграции, можно выделить целый ряд успешно созданных и прижившихся мифов (это подтверждает тот факт, что они очень редко оспариваются), например: а) европейская интеграция была решающим процессом, который обеспечил мир в Европе с 1945 года; б) европейская интеграция представляет собой необратимый процесс. Если процесс интеграции задерживается некоторыми странами, весь процесс интеграции находится под угрозой. Политики, провоцирующие такие события (например, Ж. Ширак, инициировавший референдум о Конституции для Европы), делают большую ошибку. Этому мифу сопутствует тезис, что 70-80% всех законов стран-членов уже определены европейскими институтами; в) европейская интеграция необходима, чтобы справляться с экономическими вызовами глобализации. После двух десятков лет популярности термина «глобализация» и появления тысяч книг по этому вопросу, теперь становится все более и более ясно, что глобализация – это скорее модное слово, лозунг, а по факту это целое множество самых разных процессов и результатов, многослойный феномен, о котором едва ли можно судить однозначно; г) европейская интеграция необходима для дальнейшего экономического роста в Европе, и она работает на благо всех социальных групп, стран и регионов. Кроме того, она служит целям защиты европейского сельского хозяйства и оказания помощи в развитии бедных

---

¹⁴⁵Haller, Max (2008-05-05). *European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream?* (Routledge Advances in Sociology) (p. 261). Taylor and Francis. Kindle Edition.

стран и регионов в Южной и Восточной Европе. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на этих мифах и их подробно деконструировать, оставив это за рамками исследования; первый миф был частично затронут в исторической ретроспективе Главы 2.

В заключение сравнительного анализа идентичностей и позиций европейских элит и европейских граждан, следует кратко суммировать основные выводы. Среди различных стран-членов и макрорегионов в рамках ЕС, а также среди элит и граждан, можно обнаружить несовпадение интересов, целей и ожиданий, связанных с европейской интеграцией. Между самими странами-членами ЕС также присутствует дифференциация: для ряда стран-членов, европейская интеграция – это средство для достижения новой, весомой роли в мире (напр., Франция); для других, это средство преодоления экономической отсталости и политической нестабильности (Иберийские страны). Для Великобритании и ряда других стран северной Европы ЕС должен оставаться (или стать снова) исключительно большим рынком; другие хотят его дальнейшего развития в полноценное государство всеобщего благосостояния (страны ЦВЕ). Также с точки зрения «результативной легитимности», ЕС проигрывает, т.к. его достижения являются гораздо менее выдающимися, чем это провозглашается элитами, и европейские граждане начинают всё более это понимать.

Резюмируя Главу 2, посвящённую особенностям европейских элит в контексте европейской интеграции, напомним, что в данной главе были рассмотрены три основные категории элит ЕС: политические, экономические и бюрократические. Каждая из этих групп обладает специфическим набором интересов, которые обуславливают её позиции и стратегии в отношении европейской интеграции. Мы выяснили, что интересы элит находят действительное отражение в конкретных политиках и идеологиях ЕС, то есть между интересами и предпочтениями элит и фактически дизайном и наполнением европейской интеграции и политики существует прямая связь, которая отсутствует в случае с европейскими гражданами. В ЕС явно наблюдаются согласованные усилия политиков, крупных корпораций и еврократии по продвижению «Еврокорпораций», субсидированию НИОКР в стратегических секторах во имя технического прогресса и политико-военной независимости. С начала 1990х гг. закончилось консенсусное развитие интеграции, появились первые признаки раскола между «Европой граждан» и «Европой элит». Раскол ощущается в плане идентичностей, оценок и приоритетов. Например, элиты – сторонники Европы великодержавная и мессианская, граждане – Европа социальной и этической. Единая европейская армия и полиция (элементы полицейского государства) в гораздо большей степени приветствуются элитами, нежели гражданами. Элитистский

компонент ЕС всё более осознаётся последними, что показывают различные опросы. В частности, среди «проигравших» сторон интеграции, граждане называют малые страны-члены, малый и средний бизнес, безработных и рядовых граждан; 56% высказали мнение, что ЕС не представляет интересы обычных людей. Европейские элиты прикладывают существенные усилия, чтобы побороть скептическое отношение населения к интеграции, пытаясь изменить его на позитив. Поразительно, что ни одно современное политическое сообщество не инвестирует столько средств в связи с общественностью с тем, чтобы улучшить свой имидж и оправдать свои действия, сколько это делает ЕС. В качестве инструмента политического руководства используется мета-стратегия убеждения (принятая на вооружение ещё в начальные годы интеграции Ж. Монне). Более конкретно, она выражается в трёх следующих направлениях деятельности ЕС: а) устойчивые информационные и PR-кампании; б) усилия по мониторингу мнения европейских граждан посредством регулярных, ежегодных исследований Евробарометра; в) специфические информационные и публичные кампании накануне принятия/предложения важных решений. Мониторинг общественного мнения – это центральный элемент отношений ЕС с гражданами. Ещё одной важной стратегией ЕС по обеспечению согласия граждан является изобретение мифов об интеграции. Политические элиты, как правило, непрерывно воспроизводят эти мифы, стараясь таким способом легитимировать свои действия.

Глава 3. Влияние элит на развитие ЕС

§ 1. Элитистский характер межправительственных соглашений по реформированию ЕС

В параграфе речь пойдёт о межправительственных конференциях (МПК) новейшей истории ЕС (с 1991 г.) и будет показано, что как сами МПК, так и их результаты имели глубоко выраженный элитистский характер. Участники МПК и Европейского Конвента, созданного в 2001 г. с целью разработки евроконституции, – представителей правительств и парламентов стран-членов ЕС и, в случае с Конвентом, стран-кандидатов, а также институтов ЕС – это та самая элита из Главы 2 данной работы. При подготовке масштабных реформ ЕС мнение населения не учитывалось. Когда процедура требовала узнать мнение населения (или по иным причинам) и организовывался референдум, в ряде стран эти глубоко элитистские межправительственные сделки сталкивались с проблемами, т.к. население их не принимает и не понимает. Проанализировав этот кейс в данном параграфе, мы докажем, что существуют существенные противоречия между тем, как высказывается и голосует население, и конкретными решениями правительств и

бюрократии. Таким образом, тезис о расколе между европейскими элитами и европейскими гражданами, обозначенный во Введении, будет подтверждён.

Действительно, элитизм европейской интеграции ярко проявился в истории с принятием (продавливанием?) основополагающих договоров ЕС, содержащих в себе кардинальные реформы. К ним относятся Маастрихтский договор, проект договора о Европейской конституции, Лиссабонский договор – процесс их ратификации во многих странах ЕС стал настоящим провалом или катастрофой для верхов, т.к. граждане сделали серьёзную попытку остановить дальнейшую передачу полномочий на уровень ЕС и потерю автономии, воспользовавшись своим правом сказать «нет» на референдуме. Однако, Маастрихтский и Лиссабонский договор в конце концов были приняты – вследствие уступок и оп-аутов для непокорных наций, колоссальной пропаганды и PR-компаний, чтобы «вразумить» заблуждающихся, и проведения повторных референдумов. В ряде стран ЕЭС/ЕС, например, Германии, референдумы по Договорам были вообще не предусмотрены, и всё решало простое голосование в Парламенте (в котором, как правило, большинство за правящей партией).

По мнению бывшего депутата Европарламента Д. Ханнана, у граждан ЕС отсутствует естественная лояльность к наднациональным властям, и поэтому последним приходится «покупать» поддержку электората. ЕС, используя фонды, гранты и т.п., оказывает финансовую поддержку общественным организациям, ассоциациям, группам интересов, взамен требуя их аффилиацию с Брюсселем. Также в штате у евробюрократов состоит армия экспертов и консультантов, которые получают зарплату от Брюсселя. Согласимся с Д. Ханнаном относительно того, что демократический дефицит – это не случайная ошибка в дизайне европейского проекта, а врождённая, «естественная», его черта. Как было показано в Главе 1, отцы-основатели ЕС имели смешанные чувства по отношению к демократии, которая у них, вероятно, ассоциировалась с демагогией и фашизмом – отсюда такая тяга к нейтральному, просвещённому, однако, неизбираемому правительству «экспертов». Они понимали, что их дерзкая схема слить воедино старинные королевства и республики Европы в единое государство никогда бы не увенчалась успехом, если каждый последующий трансфер власти из национальных столиц в Брюссель должен был быть одобрен избирателями. Поэтому была заложена такая система, где общественное мнение бы было вторично сделкам, заключённым бюро мудрецов. Новейшая история продемонстрировала, что, если результаты референдумов получаются «неправильные», с точки зрения властей ЕС, они отвергаются, и организуются новые референдумы. Так было, когда Дания проголосовала против Маастрихтского договора в 1992 г. и Ирландия отвергла Ниццкий договор в 2001 г. и Лиссабонский в 2008 г. – были

сделаны ещё раунды. Когда Франция и Нидерланды проголосовали против Европейской конституции в 2005 г., их вердикт был проигнорирован. Чем больше избирателями пренебрегают, тем циничнее и фаталистичнее они становятся, и это выражается в низких явках на выборы. Еврократы, в свою очередь, быстро приобретают привычку относиться к общественному мнению как к препятствию, а не как к причине изменить направление. Чтобы как-то обосновать недостаток энтузиазма населения к единой Европе, Брюссель заявляет, что избиратели заблуждаются, они мало проинформированы или попали под пресс евроскептиков, националистов. Аргумент продолжается так: поскольку рядовые граждане не в состоянии вынести ясное и широкое суждение, европейские элиты уполномочены, если не обязаны, обойти их поверхностные желания на благо самих же граждан, в истинных интересах последних. В своём последнем интервью в качестве премьер-министра, Э. Блэр заявил: «Британцы достаточно умны, чтобы понимать: если у них есть определенные предрассудки насчёт Европы, они не должны ожидать, что их правительство обязательно их разделяет и будет действовать сообразно им»¹⁴⁶.

Разрешительный консенсус закончился, поскольку деятельность и мероприятия ЕС стали более редистибутивными и политизированными. Единая валютная политика оказала прямой, непосредственный эффект на жизнь всех граждан еврозоны и ЕС. Произошли существенные сдвиги в политической культуре стран-членов на национальном уровне, упало доверие к политике, особенно в свете коррупционных скандалов 1990х гг., а также повысилась образованность и информированность и, следовательно, возможность более критически оценивать ситуацию.

Пройдёмся по событиям недавней истории. Диссонанс элит и граждан, так ярко проявивший себя в ситуации вокруг Европейской конституции, появился задолго до этого, в начале 1990х. гг., когда ратификация Маастрихтского договора столкнулась с рядом препятствий. Договор о ЕС (ДЕС) был одобрен большинством французов с очень маленьким перевесом и отвергнут датчанами. Ратификационный кризис ДЕС, который привёл к опт-аутам Дании и Британии из валютного союза, показал, что уже в самом начале 1990х. гг. разрешительный консенсус перестал существовать. Другие характерные признаки этого – то, что норвежцы и швейцарцы высказались против потенциального членства в ЕС; финны и шведы согласились на членство их стран в ЕС также небольшим большинством (59,9% с явкой в 74% - Финляндия, 52,2% с явкой в 82,4% - Швеция)¹⁴⁷.

---

¹⁴⁶ Hannon, D. The EU is an antidote to democratic governments argues President Barosso // Ежедневная газета "The Daily Telegraph", сетевое издание. – 04.10.2014 – URL: [<http://blogs.telegraph.co.uk/news/danielhannon/100056661/the-eu-is-an-antidote-to-democratic-governments-argues-president-barroso/>] (дата обращения 19.03.2016)

¹⁴⁷ Historical events in the European integration process (1945–2014). – e-Publication by Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). – URL: [<http://www.cvce.eu/en/education/unit-content/-/unit/02bb76df-d066->

Российские исследователи справедливо отмечают: «Мнения граждан коренного ядра Евросоюза не спросили, когда вводили евро, крепко ударившее по их карману. То же повторилось, когда принимали решение о недавнем гигантском расширении Евросоюза, за которое расплачиваться приходится тоже им. Теперь с помощью проекта «Европейской конституции» должен быть похоронен другой проект – социального рыночного хозяйства. Ради безбрежного либерализма, несущего снижение жизненного уровня для большинства»¹⁴⁸.

Среди главных причин, по которым в мае/июне 2005 г. большинство граждан Франции и Голландии проголосовали против Европейской конституции, можно выделить расширение ЕС и, как следствие, опасения насчёт притока дешёвой рабочей силы из ЦВЕ («польские сантехники») и либерализации рынка услуг («директива Болкештайна»), а также вопрос о принятии Турции в ЕС. Исследователи говорят о наличии разных, множественных «да» и «нет» в зависимости от мотивации голосовавшего.

Изначально планировалось сплотить население вокруг конституционного патриотизма, который предстал бы как альтернатива национализму. Конституция также задумывалась как символ самобытной европейской цивилизации в противовес гегемонии США и глобализации¹⁴⁹, но вместо этого стала символом противоречий и обид. Вследствие более широкого кризиса доверия масс к правящим (национальным) элитам конституция многими была расценена как «собственность» недобросовестных управленцев.

Раскол между элитами и гражданами также подтверждают различия в поддержке европейских вопросов на уровне парламентского голосования и народных референдумов. Даже в случаях, когда на народных референдумах по поводу интеграции большинство высказывалось положительно («за»), это нельзя приравнивать к широкой массовой поддержке, т.к., как правило, явка оказывалась весьма низкой.

В четырёх странах-членах ЕС (Франция, Голландия, Испания, Люксембург) правительства добровольно организовали референдумы. Рассмотрим вкратце все случаи. В Испании референдум состоялся по инициативе премьер-министра Х.Л.Р. Сапатеро и парламента, и это было первое подобного рода мероприятие с тех пор, как в Испании был учреждён демократический строй. Значительное большинство голосующих (77%)

4c08-a58a-d4686a3e68ff/ff4dba1b-7691-48a8-b489-51393c82c951] (дата обращения: 25.03.2016)

148[□]Максимычев, И. Провал Европейской конституции и его последствия // Интернет-газета «Столетие». – 09.06.2005. – URL: [http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/proval_evropesko_konstitucii_i_ego_posledstviya.htm] (дата обращения: 20.03.2016)

149[□]Parsons, Wayne, Giorgi, Lisa, von Homeyer, Ingmar et al. Democracy in the European Union: towards the emergence of a public sphere. – Routledge. – 2006. P. 196-197

одобрило конституцию, и это было не удивительно, т.к. все крупные партии её поддерживали. Однако, в результатах нашлись существенные изъяны: только 42,3% от всего испанского электората пришли на участки, и это была самая низкая явка на выборах или референдумах за всю историю демократической Испании. Особое беспокойство вызывает то, что наименее активной оказалась молодёжь. Социологические исследования выявили у испанцев апатию по отношению к конституционному договору, а также незнание его содержания. Процент проголосовавших «за» составляет лишь 32% от всего испанского электората. Совсем иной результат показала ратификация в парламенте и сенате после референдума: здесь, 94,2% и 97,4% депутатов поддержали конституцию¹⁵⁰.

Позиция французов оказалась большим сюрпризом как для французского истеблишмента, так и для остальной Европы, т.к. Франция традиционно считается, вместе с Германией, мотором европейской интеграции. Референдум был инициирован президентом Ж. Шираком, возможно, из-за соображений престижа; Ширак был твёрдо уверен в успешном исходе. Во французском обществе разгорелись жаркие дебаты, было напечатано и распространено 420000 копий конституции (с посылкой на дом каждому дееспособному гражданину) – отсюда высокая явка в 70%. Большинство в 54,8% отвергли конституцию. Сторонники конституции объявили, что так французы решили проучить лично Ж. Ширака и выразить неодобрение работой французского правительства в связи с тяжёлой экономической ситуацией, а конституция здесь не виновата. Однако, такая аргументация проблематична с нормативно-демократической точки зрения. Разве когда-нибудь политическая партия не принимала итогов голосования из-за якобы неправильного мотива решения избирателей? Такое на практике недопустимо.

Референдум в Нидерландах состоялся три дня позже французского, что, конечно, не могло не повлиять на его исход. При явке в 63,3% большинство голосовавших (61,6%) также отвергли евроконституцию. Проведение референдума в Голландии было заслугой трёх «левых» парламентских партий, при поддержке ряда малых партий (например, партии зелёных и крайне-правой группировки Пима Фортёйна, убитого по политическим причинам в 2002 г.). Все правительственные партии и крупные газеты поддерживали конституцию, хотя обеим сторонам было предоставлено равное финансирование (в отличие от Испании, где 20 млн. евро было потрачено на правительственную проконституционную кампанию). В Голландии обе кампании было достаточно популистскими, в общественных дебатах доминировали левые. Надо признать, что в

---

¹⁵⁰Haller, Max (2008-05-05). *European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream?* (Routledge Advances in Sociology) (p. 3). Taylor and Francis. Kindle Edition.

исходе референдума роль сыграла непопулярность тогдашнего голландского правительства, при том, что большинство голландцев, судя по опросам общественного мнения, были позитивно настроены к идее единой Европы. Их вердикт скорее призывал к пересмотру и качественной доработке евроконституции.

Что касается референдума в Люксембурге, пожалуй, самой проинтеграционной стране Европы, то там лишь скромное большинство в 56,5% высказалось в поддержку проекта. Учитывая явку в 86,2%, среди всего электората доля «да»-голосов составляет 48,7%¹⁵¹.

Учитывая положительную оценку проекта евроконституции в ходе опросов общественного мнения накануне и сравнивая это с результатами референдумов, можно рассудить, что референдумы не отразили позицию граждан по конституции, а скорее явились выплеском недовольства внутренней политикой и правительствами. Отчасти это справедливое замечание, однако, и здесь есть подводные камни. Опросы общественного мнения не могут быть столь надёжными показателями настоящего поведения индивидов; на ответы респондентов влияют разные факторы: формулировка вопросов, контекст, в котором они задаются, момент опроса, настроение индивида и т.п. Выборы или референдум – совершенно другая ситуация, когда индивид должен принять реальное решение, с серьёзными для своей жизни последствиями – поэтому выбору позиции предшествуют обдумывание, расчёты, дискуссии со знакомыми, чтение информации и т.п. Таким образом, позиции, высказанные на референдуме, более взвешенные, окончательные и зрелые. И в случае с Францией и Голландией это тоже верно, т.к. гражданами были полностью осознаны значимость общеевропейских вопросов и последствия евроконституции для их жизни, голосованию предшествовали серьёзные дискуссии и осведомлённость населения также была высока. Автор статьи «Провал Европейской конституции и его последствия» И. Максимычев констатирует, что в этой истории «речь идёт о кризисе западноевропейской парламентской демократии в её интеграционной ипостаси»¹⁵².

Пожалуй, эпохальное *расширение ЕС – главная причина неприятия конституции гражданами*. Вопрос расширения породил множество других сомнений, как связанных с экономикой, так и глобальной политикой, безопасностью, ведь большинство новых-стран членов «говорили с сильным американским акцентом». Принятие проекта в том виде, в

151[□]Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) (p. 7). Taylor and Francis. Kindle Edition.

152[□]Максимычев, И. Провал Европейской конституции и его последствия // Интернет-газета «Столетие». – 09.06.2005. – URL: [http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/proval_evropesko_konstitucii_i_ego_posledstviya.htm] (дата обращения: 20.03.2016)

каком он был вынесен на голосование, означало бы, образно выражаясь, смену вывесок (с Европейского на Евро-американский союз). Вот что по этому поводу пишет главный российский геополитик А. Дугин: «Проект европейской конституции, отклоненный французами и голландцами, был разработан именно евроатлантистами и отражал их основные приоритеты - неповоротливость в принятии решений Евросоюзом, равноправие всех стран, ориентация на ускоренное включение в состав ЕС стран СНГ и Турции»¹⁵³. По мнению учёного, провал конституции – это позитивный момент, вызванный ростом самосознания европейцев и усилением евроконтинентализма. Евроконтинентализм – это особый вектор в европейской интеграции, согласно которому единая Европа мыслится не как саттелит США и элемент глобализирующегося запада, а как геополитический и исторический субъект со своей повесткой дня и своеобразным культурным, социально-экономическим порядком¹⁵⁴. Исследователь считает, что «[ф]ранцузы сделали выбор не против Европы, но против Европы проамериканской, атлантистской, ультралиберальной и антиевразийской»¹⁵⁵.

Дальнейшая история с евроконституцией всем хорошо известна – её ратификация была приостановлена. Эксперты РИСИ Г. Тищенко и др. продолжают так: «Потребовалось более двух лет сложной бюрократической работы, сочетавшей уступки странам-членам и давление на них, чтобы на обломках конституции возник Лиссабонский договор»¹⁵⁶. Договор о реформе вобрал в себя большую часть её положений, но уже без федералистской символик; был отправлен на исключительно парламентское голосование. Этот договор (в полном объёме вступит в силу в 2017 г.) родился в результате тайных переговоров узкого круга лидеров государств и стал максимумом того, что можно было вообще достичь в условиях сохраняющегося фундаментального противоречия между национальными и общеевропейскими интересами. Включил в себя 65 отдельных заявлений стран, занявших особую позицию.

Не всем нациям ЕС так везёт с возможностью высказывать своё мнение по поводу интеграции на референдумах. Из всех 15 «старых» стран-членов в пяти из них (Бельгии, Германии, Греции, Италии и Португалии) подобные референдумы вообще никогда не были предусмотрены. Это поистине необычно, т.к. ЕС фундаментальным образом изменил

---

¹⁵³ Дугин, А. Провал Европейской конституции. Шанс для России // Издание Правительства РФ «Российская газета», сетевое издание. – 16.06.2005. – URL: [<http://rg.ru/2005/06/16/evrokonstitucia.html>] (дата обращения: 20.03.2016)

¹⁵⁴ Здесь же.

¹⁵⁵ Здесь же.

¹⁵⁶ Тищенко Г., Воробьева Л., Калиткин В. и др. ЕС: испытание кризисом // Доклад РИСИ. Проблемы национальной стратегии № 5 (32). – 2015.

политические системы данных стран. В трёх других – Люксембурге, Нидерландах и Испании – граждане могли высказаться только в 2005 г., а во Франции первый референдум по поводу ЕС был организован лишь в 1992 г., спустя 25 лет после учреждения ЕЭС¹⁵⁷. Отсюда можно сделать вывод, что европейские национальные и наднациональные элиты не склонны доверять гражданам.

Российское интернет-издание КОНТ пишет: «[в] настоящее время, согласно опросу, почти половина населения Франции была бы рада, если бы в июне Британия проголосовала за выход из состава ЕС. Брексит даже более популярен во Франции (45% высказались «за»), чем в Великобритании (44%)»¹⁵⁸. Если большинство британцев выскажется за выход из ЕС, это подтолкнёт другие страны-члены к подобным инициативам или по крайней мере к отстаиванию национального суверенитета

Провал Европейской конституции многими обозревателями отмечается как наиглубочайшая точка кризиса европейского проекта с момента его запуска. Всё дело в том, что проект конституции был во многом предназначен самими его идеологами и авторами тому, чтобы «сблизить Европу и её граждан» (известный лозунг – “to bring Europe closer to its citizens”). Попытки сократить пропасть между элитами и гражданами всегда имели целью изменить само представление, что ЕС – это элитарный проект, которому не достаёт народной поддержки. Последовательно расширялось участие граждан в европейской политике (выборы в ЕП, гражданская инициатива), однако, лишь на внешнем уровне; предпринималась политика увеличения прозрачности работы институтов (что, тем не менее, не рассеивает мрак вокруг неформального принятия решений, так распространённого в ЕС, неофициальных структур и клубов, существенно влияющих на европейскую повестку дня, типа «еврогруппы», которая была узаконена лишь недавно, групп мудрецов, Римского клуба и проч.). В ЕС также взят курс на укрепление и мультипликацию фундаментальных прав граждан, однако, и здесь есть оговорки. Так, по мнению, Э. Лимонова, первичные свободы сокращаются, и отсюда такой перекосяк ко вторичным¹⁵⁹.

157[□]Haller, Max (2008-05-05). European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology) (p. 16). Taylor and Francis. Kindle Edition.

158[□]Орловский, А. Мари ле Пен мечтает о возврате Европы наций и развале Евросоюза // Блоговая платформа для социальной журналистики «Cont.ws». – URL: [<https://cont.ws/post/247637>] (дата обращения: 20.03.2016)

159[□]Лимонов, Э. Процесс пошёл, процесс самоуничтожения Запада // Ежедневная газета «Известия», сетевое издание. – 11.09.2015. – URL: [<http://izvestia.ru/news/591375?intref=relap>] (дата обращения: 15.02.2016)

На примере Ирландии рассмотрим, как меняются правила игры после неудачных для Брюсселя референдумов (корректирующие меры). Раньше в Ирландии были образцовые законы о проведении референдумов, предоставляющие равное эфирное время обеим сторонам и распространение листовок с аргументами о «да» и «нет» в каждый дом. Когда референдум, проведённый по таким стандартам, привёл к отрицательным для Ниццкого договора результатам, правила были пересмотрены, так, чтобы проевропейским силам было проще выиграть второй референдум. Средства на публичную кампанию стали распределяться в пропорции с представительством каждой партии в парламенте. А так как все ирландские партии – кроме Шинн Фейн – были за Договор, непредвзятое разностороннее информирование было заменено на пропаганду, спонсируемую государством. С тех пор всех ирландские референдумы проводятся на такой несбалансированной основе. Есть и другие примеры того, как Брюссель подрывает демократические процессы в странах-членах из-за императивов европейской интеграции. Хорватия отменила минимальный порог в правилах проведения референдумов, чтобы обеспечить благоприятный вступлению в ЕС результат в 2011 г. Когда президент Чешской республики объявил о своём нежелании узаконивать Лиссабонский договор, европейские чиновники призвали своих союзников из социалистической партии объявить президенту импичмент, вопреки тому, что президент всего лишь старался выполнить предвыборное обещание перед избирателями.

Евросоюзный референдум в Литве проводился с 10-го по 11-ое мая 2003 года. Чтобы максимально увеличить шансы референдума на успех, закон о референдуме был быстро изменён, и даже время для голосования было увеличено до беспрецедентных двух дней Сеймом (парламентом) Литвы. Во время официальной кампании по информированию населения, фактически ничего не было сказано об ожидаемых отрицательных последствия вступления Литвы в ЕС.

Чтобы избежать обязанности организации референдумов в Европе в следующие разы, еврократы решили прибегнуть к статье 48.6 Договора о Европейском союзе, которые позволяет Европейскому совету принимать решения об изменениях статей договора при условии, что такие изменения не повлекут за собой расширение компетенций ЕС (эти решений подлежат ратификации национальных парламентов, но это в целом формальность¹⁶⁰).

Главный вывод, который можно сделать из данного параграфа, заключается в том, что методы, с помощью которых Брюссель обеспечил ратификацию

160[□] The next steps in the Eurozone crisis will lead to the ESM dictatorship. – 09.03.2014. – URL: [<http://beforeitsnews.com/economics-and-politics/2014/03/the-next-steps-in-the-eurozone-crisis-will-lead-into-the-esm-dictatorship-2462464.html>] (дата обращения: 20.03.2016)

межправительственных соглашений по реформированию ЕС (Маастрихтский, Лиссабонский договоры и пр.), подчеркнули дефицит демократии в Евросоюзе и элитарный характер европейского проекта. Ратификационные кризисы являются наглядным примером «ограничительного несогласия», которое выражает часть европейских граждан в отношении европейского проекта начиная с 1990х гг.

§2. Элитистский характер макроэкономического регулирования в рамках ЭВС

Европейский долговой кризис, начавшийся в 2010 г. с «пожара» в Греции, который перекинулся затем на другие части еврозоны, является ещё одной яркой иллюстрацией противоречий между «Европой элит» и «Европой граждан». Как предпосылки кризиса, так и методы выхода из него демонстрируют ошибки элит и их пренебрежение не только демократическими процедурами, но и реалиями мира. Трудно отрицать, что кризис, с одной стороны, вновь увеличил разрыв между элитами и не-элитами, а, с другой, проложил путь к большей централизации и консолидации власти в Брюсселе.

Что касается предпосылок, то В. Мюнхау, эксперт Financial Times, выделил две фатальные ошибки, совершенные европейскими элитами в 1990-2000х гг.: во-первых, введение евро, а во-вторых, расширение ЕС до 28 членов. Эти два решения подготовили «благодатную» почву для развёртывания одного из самых суровых кризисов за всю историю Европы. С такой позицией перекликается мнение российского исследователя ЕС О. Буториной, которая пишет, что к причинам кризиса относятся «изъяны конструкции европейского валютного союза, [а также] непредвиденные деформации экономических механизмов, возникшие после введения единой валюты. Речь идет о приостановке действовавших ранее автоматических стабилизаторов экономики и возникновении новых проциклических факторов»¹⁶¹. Переход к валютному союзу был мотивирован геополитическими соображениями, при недостаточной проработке его институциональной и экономической базы. ЭВС стоял изначально как бы на одной ноге, из-за слабости экономической составляющей и существенной экономической дивергенции, усугубившейся расширением. Разнородность и неравенство стран – это проблема, т.к. «единая валюта может работать лишь в экономически гомогенной среде»¹⁶².

Весомым аргументом против меритократии может служить то, что элитам свойственно ошибаться и иногда очень существенно. Коллективная мудрость может произвести гораздо лучшие решения, однако, при введении евро ею не воспользовались. ЭВС строился на надеждах, а не на разуме; критика экспертов и граждан не принималась всерьёз. В обществе звучало довольно много голосов «против» введения евро, в особенности в Германии, где немецкая марка была не просто средством оплаты, но и психологически важным символом послевоенного восстановления Германии и экономического чуда. В 1990х гг. было много споров о евро. В 1992 г., например, 62

---

¹⁶¹ Буторина, О. Причины и последствия кризиса в зоне евро // «Вопросы экономики», № 12, 2012.

¹⁶² Де Рюйтер, Рудо. ЕСМ – переворот в 17 странах! // Интернет-журнал «Court Fool». – URL: [http://www.courtfool.info/ru_ESM_a_coup_d_etat_in_17_countries.htm#right-column] (дата обращения: 20.03.2016)

немецких профессора выступили с коллективным обращением (предупреждением) против введения евро. Они опасались, что валютный союз подставит Западную Европу под сильные экономические флуктуации, которые, в будущем, могут привести к политическим потрясениям. Критик введения единой валюты В. Ханкель говорил, что евро – валюта не для кризисов, это мышеловка, т.к. отныне нельзя будет гасить кризисы посредством гибких обменных курсов. В конце концов, политическая воля одержала верх над экономическими возражениями¹⁶³.

Среди причин кризиса – безответственное поведение банков в 2008 г. и далее в США и Европе, а также структурные проблемы, моральные риски и беспечность элит, которые были не во состоянии проконтролировать банки и предупредить финансовый коллапс. Автор монографии «Битва за Европу. Как элита похитила континент и как мы можем его вернуть» Т. Фази также обвиняет европейских левых, которые не смогли обеспечить альтернативу доминирующему неолиберальному и федералистско-технократическому дискурсу¹⁶⁴. Как известно, кризис сперва начался в финансовом секторе, и правительства, руководствуясь благими намерениями, принялись спасать проблемные банки и вливать в них деньги. Затем остались без денег сами, и их биржевые рейтинги понизились и проценты на долговые облигации подскочили, что привело к кризису суверенного долга в ряде стран еврозоны. На долговой кризис решено было ответить мерами строгой экономии, и получилось так, что граждане в итоге расплачивались и отвечали за банки и всё остальное. Конечно, это объяснение может показаться слишком обобщенным и оно, вероятно, упускает важные детали, но картина в целом такова¹⁶⁵ (здесь автор ссылается на выступление австралийского экономиста, профессора Билла Митчела в Университете Хельсинки)¹⁶⁶. Греция была не готова для членства в ЭВС, однако, включение «колыбели европейской демократии» в еврозону всё же состоялось в короткие сроки по политическим причинам. Все правительства были в курсе, что предоставленная финансовая статистика этой страны ненадёжна.

163[□]Batzoglou, Ferry et al. The ticking Euro bomb: how a good idea became a tragedy // Информационно-аналитический журнал “Spiegel”, сетевое издание. – 05.11.2011. – URL: [http://www.spiegel.de/international/europe/the-ticking-euro-bomb-how-a-good-idea-became-a-tragedy-a-790138-3.html] (дата обращения: 23.03.2016)

164[□]Book Review: The Battle for Europe: How an Elite Hijacked a Continent and How we Can Take it Back by Thomas Fazi. – URL: [<http://blogs.lse.ac.uk/lseireviewofbooks/2014/06/05/book-review-the-battle-for-europe-by-thomas-fazi/>] (дата обращения: 23.03.2016)

165[□]Когда, в результате банковского кризиса и общего экономического спада, финансовые позиции таких стран, как Ирландия и Греция, ухудшились, уверенность в их способности оплатить свои долги резко понизилась, и впоследствии их процентная ставка по долгам увеличилась. Порочный круг бюджетных проблем и уменьшающаяся уверенность финансовых рынков приняли угрожающие размеры, и утвердился реальный риск национального дефолта.

166[□]Bill Mitchel in Helsinki. The euro crisis and austerity. – URL: [http://www.youtube.com/watch?v=yNEJobYp6mg] (дата обращения: 23.03.2016)

В 2010 г. элиты всего западного мира захватила лихорадка «строгой экономии». Каждая страна со значительным бюджетным дефицитом как бы рисковала стать следующей Грецией, если она не принималась сокращать государственные расходы и поднимать налоги. Беспокойства некоторых экспертов о том, что введение подобных мер в ослабленных экономиках усугубило бы их депрессию и задержало восстановление, были проигнорированы; фискальная дисциплина была выдвинута в качестве средства, которое повысит климат уверенности для бизнеса и поправит ситуацию. Что касается Греции, то здесь, как и везде, меры строгой экономии предлагалось ввести, чтобы реанимировать недобросовестные, расточительные нации, и предотвратить дефолт этой страны, выход её из еврозоны. Ключевая цель этих мер – это спасение евро, т.к. если бы Греция вышла, мог бы последовать эффект домино, престиж евро бы упал и т.п. Халатность греческого руководства так же сыграла свою роль в том, что страна так пострадала, однако, на эту ситуацию закрывали глаза и банки, и европейская элита, когда им это было выгодно. Потом же из Греции сделали «козла отпущения», крупные европейские медиа негодовали по поводу ленивых и расточительных греков, подогревая недовольство граждан стран-доноров. Однако, кто же на самом деле виноват? Возможно, что финансовые институты похитили нарратив. То, что было обёрнуто в спасение Греции, а именно громадный пакет в 110 млрд. евро, собранный ведущими правительствами еврозоны и МВФ, во многом пошло на спасение банков от их собственного безответственного, нерегулированного буйства кредитования. Сценарий был разыгран следующим образом: обвини жертв, охарактеризовав их как тех, кто живёт не по средствам, добейся, чтобы публичные агентства и государство выделили тебе займы, и сделай так, чтобы граждане выплачивали этот кредит, отрезая большие куски своих текущих и будущих доходов в качестве платежей кредиторам. Также финансовые институты попытались переложить вину с себя на других, чтобы избежать более строгого финансового регулирования¹⁶⁷. Спасение еврозоны от дефолта – это, главным образом, спасение банковского сектора.

Впоследствии стало очевидно, что меры жёсткой экономии не работают и не улучшают ситуацию на качественном уровне. Прошло уже пять лет с начала кризиса, а экономический рост всё ещё на низком уровне, если вообще имеется, безработица растёт, бедность среди населения увеличивается. В обществе слышны голоса о том, что подобным мерам должны быть какие-то альтернативы¹⁶⁸. В 2012 г. МВФ объявил, что он чрезвычайно

---

¹⁶⁷Bello, Walden. Greek mythology: the real story of the European debt crisis // Периодический журнал “Yes! Magazine”, сетевое издание. – 20.07.2010. – URL: [<http://www.yesmagazine.org/new-economy/greek-mythology-the-real-story-of-the-european-debt-crisis>] (дата обращения: 23.03.2016)

¹⁶⁸The human cost of austerity: Poor people paying for a crisis they did not cause // Интернет-сайт НПО “Caritas Europe”. – URL: [<http://www.caritas.eu/the-human-cost-of-austerity-poor-people-paying-for-a-crisis-they-did-not->

недооценил тот урон, который сокращение расходов наносит слабой экономике. Тем временем, экономические исследования, обосновывающие благость мер строгой экономии, были дискредитированы, а идеология строгой экономии, доминировавшая в дискурсе элит пять лет назад, потерпела крах. Традиционная монетарная политика, включающая понижение процентной ставки на краткосрочные государственные облигации, не могла эффективно побороть финансовый спад. Хрестоматийным ответом на подобный кризис была и есть бюджетная экспансия: увеличить государственные расходы, чтобы напрямую создать рабочие места и положить деньги в карманы граждан; сократить налоги, чтобы опять же повысить их доходы. Это привело бы к бюджетному дефициту, но это позитивное явление в данном контексте, согласно кейнсианской модели. Джон Мейнард Кейнс написал в 1937 г., что экономический подъём, бум, а не упадок, это правильное время для мер экономии¹⁶⁹. Помимо экономических заблуждений, в выборе, сделанном против фискального стимулирования, роль сыграли и политические причины: консервативные партии иногда «играют» на рисках долга и дефицита, чтобы сократить государство благосостояния и оправдать урезание социальных расходов.

Спасение евро, самой по себе спорной по эффективности валюты, произошло ценой демократии, как напоминает нам заголовок статьи Б. Крама “Saving the euro at the cost of democracy”¹⁷⁰. Эта политика по спасению единой европейской валюты была запущена в спешном порядке под эгидой «тройки» (ЕК, ЕЦБ, МВФ), задев за живое самый чувствительный нерв государств-членов – их национальный суверенитет. Российские исследователи также считают, что легитимность мер по спасению евро весьма сомнительна, поскольку они вырабатываются в узком кругу высокопоставленных чиновников, национальным парламентам и гражданам уготовливается лишь роль статистов или зрителей, наблюдателей со стороны¹⁷¹.

Кризис евро углубил разнородность еврозоны, обострил противоречия между Севером и Югом, должниками и кредиторами, национальными и общеевропейскими интересами, в какой-то степени настроил европейские народы друг против друга, навесив ярлыки (“PIIGS”). В таких условиях проблематично развитие общеевропейского демоса и единой европейской нации, без которых демократия на уровне ЕС вряд ли возможна.

[cause](#)] (дата обращения: 24.03.2016)

169 Krugman, Paul. The case for cuts was a lie. Why does Britain still believe it? Austerity delusion // Ежедневная газета «The Guardian», сетевое издание. – 29.04.2015. – URL: [<http://www.theguardian.com/business/ng-interactive/2015/apr/29/the-austerity-delusion>] (дата обращения: 24.03.2016)

170 Crum, Ben. Saving the euro at the cost of democracy? // JCMS 2013 Volume 51. Number 4. pp. 614–630

171 Тищенко Г., Воробьева Л., Калиткин В. и др. ЕС: испытание кризисом // Доклад РИСИ. Проблемы национальной стратегии № 5 (32). – 2015.

В целом в последние годы ЕС стал всё больше восприниматься не как решение проблемы, а как её часть, и на этом фоне вездесущий лозунг еврократов "Больше Европы", подразумевающий углубление интеграции и расширение регулятивной власти Брюсселя, выглядит довольно абсурдно. Однако, львиная доля европейских политиков – т.н. «евровизионеры» – распространяют мифы о том, что отмена евро отбросит Европу даже не к 1990 г., а к 1945 г. (среди «евровизионеров» М. Шульц, Ж.К. Юнкер, М. Драги).

В Ирландии, популярность правящей партии Фианны Файл опустилась с 41,6% до 14,4% на выборах в 2011 г. Избиратели проголосовали против правительства, подписавшегося на сделку с ЕС по займам в обмен на меры строгой экономии, тем самым, по мнению журналистов, превратив Ирландию в вассальное государство. Тем временем, Греция и Италия пострадали от поддержанных Брюсселем государственных переворотов, когда избранные премьер-министры были смещены и заменены на еврократов. В Афинах, «ошибкой» Г. Папандреу было созвать референдум по антикризисным мерам – это действие вызвало гнев ЕС, который следует правилу «никаких референдумов, если мы не можем гарантировать результат». С. Берлускони также оказался неугоден ЕС, с его точкой зрения, что с момента введения евро большинство итальянцев стали беднее. Внезапное прекращение ЕЦБ поддержки итальянских облигаций, словесные атаки от других лидеров ЕС и бунт депутатов-еврофилов в итальянском парламенте способствовали отставке Берлускони. Конечно, Папандреу и Берлускони были уже непопулярны по внутривнутриполитическим причинам – так же, как М. Тетчер, когда лидеры ЕЭС и тори-евроэнтузиасты её ниспровергли. Если бы все эти лидеры были на пике доверия и поддержке, они не были бы так уязвимы. Тем не менее, сместить текущего главу правительства, пусть даже с подпорченной репутацией, - это серьёзно и показывает то, на что ЕС способен. После отставки греческого и итальянского лидеров, Брюссель утвердил на их месте технократическое правительство – неизбранные администрации, созданные с целью проведения программ жесткой экономии, которые население не поддерживало¹⁷².

Финансовая политика властей, нарушающая социальные права, вызвала многочисленные уличные выступления и столкновения протестующих с полицией на юге Европы, особенно в Греции, Италии, Испании и на Кипре. Настроение пессимизма и гнева отражают недавние опросы. Так, согласно обзору «Будущее Европы», заказанному ЕК в 2012 г., для большинства граждан Евросоюз – «привлекательное место для жизни, однако их уверенность в европейской экономике и способности ЕС играть заметную роль в

¹⁷² Hannan, Daniel. The case for Europe. One MEP reveals the disturbing contempt for democracy at the heart of the EU // Ежедневная газета "The Daily Mail", сетевое издание. – 17.08.2002. – URL: [<http://www.dailymail.co.uk/news/article-2188453/The-case-Europe-MEP-Daniel-Hannan-reveals-disturbing-contempt-democracy-heart-EU.html#ixzz45WcmhHWj>] (дата обращения: 23.03.2016)

мировой политике снизилась. [...] почти 90% респондентов усматривают серьезное несоответствие между надеждами общества и действиями правительств; лишь треть уверена в том, что их голоса что-то значат на уровне ЕС, и только 18% итальянцев и 15% греков полагают, что с их голосами считаются в их собственных странах. Согласно последнему обзору под заголовком «*Трансатлантические тенденции*», 76% европейцев считают экономическую систему в Европе несправедливой и отвечающей интересам лишь немногочисленной элиты»¹⁷³. Многие граждане и политики стран-членов ЕС являются противникам неограниченной свободы торговли и создания «экономического НАТО» ТТИП.

Ключевой антикризисной мерой ЕС было создание ЕМС (European Stability Mechanism, механизм финансовой стабильности), для оформления которого в 2011 г. лидерами стран-членов ЕС был подписан договор. Также в 2012 г. был заключён бюджетный пакт¹⁷⁴ (Чехия и Великобритания отказались), содержащий т.н. «золотое правило» бюджетной сбалансированности (ПБС). Вместе договоры постановляли ужесточить требования к бюджетам стран-участниц, т.е. дешевые кредиты ЕМС могут предоставляться только тем, кто ратифицирует Договор об управлении в зоне евро. В стабилизационный фонд ЕСМ изначально была заложена сумма в 700 млрд евро для спасения экономик еврозоны на грани дефолта в обмен на сокращения государственных расходов, повышение ставок рефинансирования и прочих реформ. А. Меркель и Н. Саркози особо лоббировали ПБС и продвигали бюджетную дисциплину на европейском уровне.

Остановимся поподробнее на договоре о ЕМС, который, в общем-то, прошёл незамеченным международной прессой и без особых дебатов, хотя он самым существенным образом влияет на социально-экономическую ситуацию в странах-членах ЕС. Рассмотрим несколько наиболее противоречивых статей. Во-первых, согласно ст. 9.3 стороны договора *окончательно и безоговорочно* обязуются платить по первому требованию любую назначенную сумму в течение 7 дней¹⁷⁵. Если где-либо изберётся новый парламент, который будет выступать против трансферов в данный фонд, то он не сможет ничего решить. Во-вторых, согласно ст. 6.d Совет Управляющих может принять решение об *изменении уставного капитала* и адаптировать максимальный объём

173[□]Крацев, И. Политическая логика дезинтеграции: семь уроков распада Советского союза // Интернет-журнал «Хвиля». – 03.11.12. – URL: [<http://hvylya.net/analytics/politicheskaya-logika-dezintegratsii-sem-urokov-raspada-sovetskogo-soyuza-dlya-es.html>] (дата обращения: 23.03.2016)

174[□]ДСКУ – Договор о стабильности, координации и управлении, или Договор об управлении в зоне евро

175[□]Treaty establishing the European Stability Mechanism. – February 2012. – URL: [http://europa.eu/rapid/press-release_DOC-12-3_en.htm] (дата обращения: 18.03.2016)

кредитования в ЕСМ, согласно ст. 10. В-третьих, ст. 32.2.¹⁷⁶ постулирует, что ЕСМ должен иметь полный статус юридического лица; он должен иметь *полную юридическую способность быть стороной в судебном разбирательстве*, при том, что, согласно ст. 32.3¹⁷⁷ ЕСМ, его имущество, средства и активы, где бы то ни было и в чем бы то ни было распоряжении, пользуются иммунитетом от любой формы судебного процесса за исключением тех случаев, когда ЕСМ намеренно отказывается от иммунитета при необходимости. То есть, получается, что ЕСМ может начать судебное разбирательство против других, но ему самому не могут быть предъявлены обвинения. В-четвёртых, ст. 32.4¹⁷⁸ гласит, что имущество, финансы и активы ЕСМ обладают иммунитетом от обыска, реквизиции, конфискации, экспроприации или какой-либо иной форме ареста, изъятия или отчуждения путем исполнительных, судебных, административных или законодательных действий. То есть, правительства, администрации и демократические законы стран-членов ЕС практически оказываются бесправны перед лицом могущественного ЕСМ. И в-пятых, согласно ст. 35.1¹⁷⁹, в интересах ЕСМ председатель Совета управляющих, управляющие, директора, их заместители и другие сотрудники пользуются иммунитетом от судебного разбирательства в отношении действий, совершенных ими в своих официальных компетенциях и пользуются неприкосновенностью в отношении своих официальных бумаг и документов. Можно прийти к тревожному заключению, что данный иммунитет снимает ответственность с этих официальных лиц перед гражданами. Неприкосновенность и незыблемость документов (*inviolability*) – тоже достаточно неоднозначная формулировка, которая может расширенно трактоваться как запрет на прочтение «посторонними» лицами.

ЕСМ вводит контроль органов ЕС над бюджетом проблемных государств-членов и строгие санкции за несоблюдение обязательств. Как в Южной Европе, так и странах-донорах звучит критика данного механизма, зачастую по разным причинам. Если в первом случае недовольны требованиями жесткой экономии, бремя которой ложится на средний класс и более бедные слои населения, в то время как крупный бизнес зачастую выходит сухим из воды, то во втором, особенно в Германии, налогоплательщикам кажется, что они кормят «ленивых греков», а политики озабочены передачей решений о субсидировании третьих стран на наднациональный уровень, которые является недостаточно подконтрольным. По инициативе вышеупомянутого В. Ханкеля, около 37000 германских политиков, служащих и представителей общественности подали иск в Конституционный

---

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Ibid.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Ibid.

Суд ФРГ¹⁸⁰, выразив сомнение в легитимности фонда и указав на недоработки в плане. Суд отчасти сгладил противоречия, отметив, что каждое решение о выделении транша какой-либо стране должно быть одобрено Бундестагом и т.п. Однако, главная причина недовольства – сам факт спонсорства – не была разрешена.

Описывая изъяны ЕСМ, голландский исследователь Р. де Рюйтер делает вывод, что ЕС мешает укреплению экономики многих государств-членов, а единая валюта, по большому счёту, является инструментом в руках крупных банкиров. Эксперт находит ненормальным то, что граждане должны отчислять сотни млрд. евро фондам, предназначенным для спасения евро, при том, что национальные парламенты загоняются в петлю. Р. де Рюйтер даже окрестил ратификацию ЕСМ одновременным переворотом в 17 государствах, утверждающим экономическое правительство Комиссии¹⁸¹.

Что касается фискального пакта, то важность его трудно переоценить, т.к. с его соблюдением увязывается возможность получить от ЕС антикризисную финансовую поддержку. Здесь позволим себе небольшое лирическое отступление. Это правда, что в кризисных ситуациях важные решения должны приниматься быстро и за закрытыми дверями (*in camera*), но важные обязательства, которые были приняты, такие как соблюдение строгих бюджетных условий, налагаемых фискальным пактом, касались на момент принятия не только текущих, но и грядущих правительств. По факту, ДСКУ – это международный договор и как таковой может быть изменён только единодушным согласием всех двадцати пяти подписавшихся, а это практически непреодолимое препятствие.

Кризис еврозоны подтолкнул к развитию такого модуса управления в ЕС, как исполнительный федерализм. Эта модель управления «жертвует» демократией ради валютной интеграции и защиты национальной автономии (по крайней мере, стран-кредиторов). Общие рамки политики и процедуры наблюдения остаются под контролем национальных правительств. Это имеет три важных последствия. Во-первых, это означает, что эти процессы действуют вне эффективного парламентского контроля. Всё, что ДСКУ обеспечивает в плане парламентского контроля – это отчёт президента евросаммита перед ЕП после каждого такого саммита. Кроме того, он призывает бюджетные комитеты парламентов европейских стран участвовать в регулярных обменах мнениями между друг

180[□] Кавешников, Н. Европейский стабилизационный механизм не станет «пособием по безработице» для кризисных стран еврозоны // Интернет-сайт Университета МГИМО, раздел «Говорят эксперты». – 20.09.2012. – URL: [<http://old.mgimo.ru/news/experts/document228238.phtml>] (дата обращения: 23.03.2016)

181[□] Де Рюйтер, Рудо. ЕСМ – переворот в 17 странах! // Интернет-журнал «Court Fool». – URL: [http://www.courtfool.info/ru_ESM_a_coup_d_etat_in_17_countries.htm#right-column] (дата обращения: 20.03.2016)

с другом. Нигде, однако, парламенты не наделены какими-либо существенными полномочиями по пересмотру или внесению изменений в договоры правительств. То есть, ни один парламент не сможет пересмотреть такие соглашения на национальном уровне, так как это он может обратиться только к одному правительству, а это правительство может прикрыться коллективной динамикой процесса принятия решений в Совете. Вторым выводом касательно усиления исполнительной ветви власти заключается в том, что такой модус принятия решений в основном развивается в соответствии с логикой международной власти (права?), т.е. он не подлежит процедурным принципам, которые обеспечивают прозрачность, равенство государств-членов и их право на самоуправление. Другими словами, в рамках исполнительного федерализма именно государства-кредиторы «командуют парадом», оставляя должникам простой выбор подчинения или выхода (в лучшем случае).

Конечно, автор отдаёт себе отчёт в том, что существуют и позитивные оценки ЕСМ и единой европейской валюты, которые подтверждаются разными фактами. В острую фазу кризиса ЕСМ, благодаря взносам стран еврозоны и их финансовым гарантиям, мог дешево занимать деньги на финансовом рынке и недорого кредитовать проблемные страны еврозоны. Однако, это антикризисное управление, возможно, эффективное в тот определенный момент времени, - это лишь верхушка айсберга; ведь у кризиса были предпосылки, глубинные причины, в том числе связанные с определенной идеологией и философией правящих политических и экономических элит, а также их безответственностью. Методы выхода из кризиса были крайне недемократичными и не оставили место для весомого обсуждения альтернатив. Если копать глубже и анализировать само введение евро, то можно тоже обнаружить множество ошибок и односторонности (в чьих это было интересах на самом деле?). Спасение евро ценой демократии является тёмной, авторитарной стороной европейского проекта, при том, что эффективность единой валюты и то, что она приносит благо гражданам – под большим вопросом. Может получиться, как в русской сказке – битый небитого везёт.

Дж. Маджоне, в своей статье утверждая, что кризис может быть скрытым благословением и помочь ЕС усовершенствоваться, однако же, отмечает следующий момент. В контексте антикризисной политики и многочисленных предложений реформ, поражает то, что все они подтверждают приверженность *status quo*, включая догму монетарного союза как части *acquis communautaire*. Это подразумевает обязанность всех стран-членов, которые пока ещё не стали частью «Евролэнда» (или которым ещё не дали формальный опт-аут), принять единую валюту, как скоро они удовлетворят Маастрихтский критерий – несмотря на то, что всё большее количество авторитетных

экспертов, даже некоторые лидеры ЕС, признают, что ЭВС, в таком виде, в каком он был заложен в Маастрихте, был ошибкой, даже фатальной ошибкой, согласно Нобелевскому лауреату Полу Кругману¹⁸². То есть становится ясно, что элиты непреклонно стоят на евро и будут и дальше проводить политику его сохранения и укрепления, вопреки здравому смыслу и, как уже говорилось, ценой демократии. Элиты (по крайней мере, их значительная часть) уже, кажется, решили окончательно и бесповоротно, что валютный союз – это «сообщество судьбы», и если «евро потерпит крах, то и вся Европа вместе с ним»¹⁸³. Политический итог кризиса – это усиление элит государств-доноров, а также еврократии, технократических элит европейского проекта. Поскольку национальные правительства не могут заниматься мониторингом экономических и финансовых политик друг друга, они делегируют эти задачи технократическим властям – ЕК и ЕЦБ.

§ 3. Возможные сценарии будущего Единой Европы: потенциальное развитие отношений элит и европейских граждан

В данном заключительном параграфе будет представлен основной аналитический продукт данной работы – три сценария будущего развития европейской интеграции и место элит и граждан в этих сценариях. Первый, более «народный», благоприятный с точки зрения плюрализма и демократии сценарий назван нами «Иммануил Кант», второй, не предполагающий кардинальных изменений в европейской политике, получил заголовок «турбулентный status quo», а третий, наиболее элитистский, даже деспотический сценарий, озаглавлен как «Джордж Оруэлл» (или СССР 2.0¹⁸⁴). То есть, сценарии отличаются друг от друга в зависимости от степени эмансипированности элит и граждан и состояния прав и свобод человека и гражданина в ЕС. Наиболее благоприятным для европейского континента и для отношений Россия-ЕС является первый сценарий. Разберём все три сценария по порядку.

а) Сценарий «Иммануил Кант» предполагает трансформацию ЕС в свободную лигу демократических государств (Europe à la carte или союз клубов). Этот сценарий находится за пределами однолинейного мышления и тотального оптимизма. Важно не заикливаться на ЕС и понимать, что есть много других форм европейского сотрудничества внутри ЕС и за его пределами, например, Бенилюкс, Северный Совет, Европейское космическое

---

¹⁸²Majone, Giandomenico. Rethinking European integration after the debt crisis // London's Global University. The European Institute. Working paper №3/2012. – June 2012.

¹⁸³'If the Euro Fails, Europe Fails': Merkel Says EU Must Be Bound Closer Together // Информационно-аналитический журнал "Spiegel", сетевое издание. – 07.09.2011. – URL: [<http://www.spiegel.de/international/germany/if-the-euro-fails-europe-fails-merkel-says-eu-must-be-bound-closer-together-a-784953.html>] (дата обращения: 23.03.2016)

¹⁸⁴При всём уважении автора данной работы к народам и истории СССР, а также мировому человеческому, научному и культурному вкладу СССР, данное сравнение имеет негативный оттенок тирании и тоталитаризма.

агентство и т.п. Было бы неправильно сводить историю европейского послевоенной интеграции лишь к одному подходу и настаивать, что ЕС – это главный, если не единственный, форум для тесного сотрудничества народов Европы. В сложных обществах умножение добровольных ассоциаций, соревнующихся и сотрудничающих друг с другом, не обязательно является элементом слабости – напротив, это может сигнализировать о позитивном развитии, способствующем благосостоянию. Однолинейное восприятие европейской интеграции отрицает множественность институциональных альтернатив, которые были доступны в прошлом и могут встать на повестку дня в ближайшем будущем: от лиг городов до региональных ассоциаций и транснациональных функциональных сетей. В этом сценарии возможен аккуратный отказ от евро и возвращение к национальным валютам (по крайней мере, всенародное рассмотрение такой альтернативы), т.к. нет логической, политической или экономической причины, почему дезинтеграция валютного союза, в его настоящей далеко не совершенной форме, должно повлечь за собой крах всей Европы. Важно понимать, что государственные амбиции непродуктивны для такой своеобразной *sui generis* политики, как ЕС. *В базовых рамках таможенного союза и общего рынка товаров – степень интеграции, которую поддерживает большинство европейцев – сформировались бы различные, зачастую пересекающиеся клубы, согласно предпочтениям и нуждам их членов.* Каждое новое обязательство или инициатива участников такого клуба лучшим образом бы могли сочетаться с материальными и нормативными ресурсами. Такую модель следует отличать с моделью «Европы разных скоростей», которая подразумевает единые жесткие рамки общих политик и параметров, к которым рано или поздно должны прийти все участники, и это лишь вопрос времени. «Европа по выбору», в свою очередь, означает, что общие европейские политики существуют только в тех областях, где у стран-участников есть конкретные общие интересы и никак иначе, и под этими политиками будут надежные материальные и нормативные ресурсы (реалистичность, прагматизм, целесообразность, легитимность – отказ от принципов «fait accompli» и «wishful thinking»). Ассоциации независимых государств (альянсы, лиги, конфедерации), как правило, добровольны, и их члены эксклюзивно пользуются определенными преимуществами, производимыми такой ассоциацией, т.е. под сценарий свободной лиги с различными опциями сотрудничества подходит экономическая теория клубов. Эта модель вдохновлена плюралистической философией, согласно которой разнообразие в предпочтениях должно реализовываться соответствующим разнообразием институциональных механизмов. Это и есть «интеграция по меню (т.е. по выбору)» и «вариативная геометрия». Примеры таких модусов сотрудничества – Шенгенское соглашение, «Большая пятёрка»

(межправительственное сотрудничество крупных стран-членов ЕС Великобритании, Франции, Германии, Италии и Испании, которое позволяет обойти затяжные процедуры Совета Министров) и т.п.

В прошлом под модель клубов попадала Священная Римская империя Германской нации, выполнявшая ряд полезных задач. В рамках СРИ существовали т.н. «имперские округа» - ассоциации или клубы, оперирующие между суверенными государствами и империей – которые служили посредническим уровнем выработки политики по ряду вопросов, включая оборону.

Данный сценарий также предполагает качественное улучшение отношений с Россией, т.к. не будет единой жёсткой общеевропейской внешней политики и политики безопасности, а также наиболее вероятно отмена виз с отдельными странами ЕС или «лиги европейских государств». Идеология европеизма также претерпевает изменения. В частности, концепция «Единой Европы» теперь включает и Россию («Europe is bigger than you think»), и международное сотрудничество развивается более плодотворно и равноправно.

Как видно из заголовка, идеи И. Канта имеют непосредственное отношение к сценарию о лиге свободных демократических государств. Вкратце освежим положения краеугольного трактата философа «О вечном мире» (1795 г.). Последний состоит из двух разделов, в первом содержится шесть предварительных предпосылок для мира, которые должны быть реализованы немедленно, а во втором можно найти окончательные, полные условия для продолжительного мира. Объединяющая идея шести первых предпосылок – это принцип суверенитета государств-наций. В свою очередь, среди трёх окончательных условий мы находим: республиканский (демократический строй) с конституцией, федерация свободных государств в мировом масштабе (закон наций), всемирная гостеприимность (закон мирового гражданства). Таким образом, Кант, в первую очередь, обращает внимание на внутреннее устройство государств как на главную предпосылку вечного мира и необходимость такого государственного режима, который был бы основан на принципах разума, свободы, правового государства, равенства. То есть, именно демократическое устройство и правовое государство – это фундамент для мира, а не какой-то наднациональный сверхцентрализованный центр силы, новое мировое или европейское супергосударство. Кант объяснял важность демократического устройства для мира тем, что, когда граждане могут участвовать в выработке политических решений, в том числе по вопросам войны, они чисто по рациональным соображениям будут настаивать на мире, т.к. война – совсем не в их прагматических интересах. Пацифист и европеист В. Гюго говорил, что именно политические элиты (в его случае – деспотические

монархи) ответственны за войны, а не народы. Поэтому как минимум странно то, что именно народы Европы и национальные идентичности так демонизируются в европейском дискурсе в настоящий момент, нации обвиняются в развязывании двух мировых войн, тогда как это, в основном, была вина правителей, бизнеса и пропаганды, которая могла действительно разжечь межнациональную рознь на более широком общественном уровне. Однако, вернёмся к Канту. Он также предполагал, что в дополнение к внутреннему демократическому устройству государств такие нации с конституцией сформируют федерацию или лигу свободных государств, лигу мира. Такая лига мира не должна быть (сверх)государством, состоящим из наций, это было противоречило бы самой идее¹⁸⁵. Кант в трактате «О вечном мире» выступал против амальгамирования (слияния) государств. Он призывал учредить международный суд, который бы регулировал отношения между государствами на основе международного права, верховенства закона. Также стоит отметить, что Кант рассматривал такой формат для мира в целом, т.е. супранациональная Европа не может быть суррогатным решением проблемы. Первым шагом единой Европы к этому сценарию может стать расширение своих этических и юридических обязательств и гарантий перед гражданами, создание условий для осуществления прав человека.

б) Второй сценарий – турбулентный status-quo. Продолжается политика в русле модели «Европы разных скоростей», однако, де-факто всё большее стремление отдельных правительств и политиков к модели «Европа по меню». Происходит соперничество этих двух моделей. Что касается экономической ситуации в ЕС, то евро сохраняется, ряд существующих проблем и изъянов ЭВС «замораживается», в то время, как предпринимаются попытки более-менее нейтральных реформ (например, укрепление банковского союза). Возможна доработка свободного движения услуг, развитие энергетического союза, однако, главное для элит – это уход от концептуальных, спорных вопросов, предпринимаются попытки усилить процедурную демократию в ЕС. В данном сценарии происходит усиление мер безопасности и углубление интеграции в пространстве свободы, безопасности и правосудия, но не настолько, чтобы можно было говорить о засилье полицейского государства. Да, возможны элементы полицейского государства, однако, всё возрастающая осведомленность, высокое самосознание и активность граждан будут стоять на страже прав и свобод человека и гражданина. В развитии ЕС ставится акцент на позитивно оцениваемых вопросах, от решения которых, безусловно, все будут в выигрыше: например, повышение конкурентоспособности, развитие цифрового и научного союзе, политики устойчивого развития. Что касается внешней политики,

---

185[□] Kant, Immanuel. *Perpetual Peace: A Philosophical Sketch*. – URL: [<https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/kant/kant1.htm>] (дата обращения: 05.02.2016)

усиливается сотрудничество с АТР, а также происходит новый виток сближения с США в связи запуском ТТИП, несмотря на сопротивление многих граждан и экспертов. Острая миграционная ситуация несколько затухает, страны-члены ЕС принимают более жесткую политику в плане границ в ответ на недовольство большей части населения и объективные соображения разума и безопасности, однако, уровень безопасности в обществе значительно падает, нарастает поляризация и социальные проблемы. Данный сценарий предполагает сложные политические отношения с Россией, однако, возможно возобновление и оживление гуманитарных и экономических контактов.

в) Третий сценарий под названием «Джордж Оруэлл» предполагает экспансию полицейских функций ЕС, развитие полицейского государства, контроль за свободой слова (за ширмой политкорректности), введение контроля за толерантностью, ксенофобией, расизмом и радикализмом (а точнее, тем, что под этим подразумевается – что в широком смысле может включать любые формы несогласия, протеста и проч.). В данном сценарии продолжают социальные эксперименты, государственный контроль всё больше распространяется на частную жизнь граждан, образование и воспитание детей. Подконтрольные СМИ работают на создание «комфортного» восприятия. Поляризация и дифференциация общества продолжают, остро стоит проблема мигрантов и их социализации. В данном сценарии, возможно обострение отношений с Россией, а также новые военные операции за пределами ЕС, усиление компонента великодержавности в европейской внешней политике, а также неокOLONIALИЗМА. Данный сценарий исходит из того, что элиты получают больше власти и контроля над обществом и что свободы граждан урезаются, и всё это – признаки авто- или тоталитаризма. В 1990-ые гг. и по сей день нередко можно встретить сравнение ЕС с СССР. Мрачная параллель между СССР и ЕС привлекается критиками в разных контекстах – так было в случае включения стран Балтии в состав ЕС, в ситуации вокруг Евроконституции; это сравнение довольно популярно в Великобритании, не в последнюю очередь благодаря деятельности бывшего советского диссидента В. Буковского, проживающего сейчас там. Буковский неоднократно выступал с критикой ЕС, в том числе с трибун Европейского парламента. В одном из своих интервью приводит следующие, по его мнению, общие негативные характеристики ЕС и СССР: это громоздкая структура, идеологизированность политики, её директивность и фокус на планировании, стремление обеих политий к расширению, упразднение народов, нисходящая коррупция. Цель и ЕС, и СССР – создать новую историческую общность (организм), а также новый тип людей («советский человек», «европеец») и распространить свои модели в мировом масштабе. Буковский считает, что многие страны вступают в ЕС не добровольно, а под давлением, чуть ли шантажом (приводит пример, что

Швейцарию заставили организовать целых пять референдумов)¹⁸⁶. Автор данной работы согласна с Буковским в том, что ЕС в его настоящем виде и задуманном отцами-основателями дизайне просто не может быть демократизирован. Он несовместим с демократией. Буковский делает акцент на том, что хоть ЕС и более «мягкая» версия СССР и там, например, нет ГУЛАГов и пр., тенденция такова, что европейское полицейское государство расширяется и вполне возможно, что Европол скоро станет прототипом КГБ и даже его «превзойдёт» по своим полномочиям. Новые тяжёлые преступления вводятся в оборот, например, расизм, ксенофобия – то есть, те, кто против неподконтрольной миграции из стран Третьего мира или углубления европейской интеграции, могут в данном сценарии быть арестованы как расисты, ксенофобы, радикалы и т.п. Данный тревожный элемент третьего сценария в ограниченном виде вполне может «перекочевать» во второй. Буковский также говорит о политической корректности как об инструменте деспотической идеологии и контроля, а также об усилении полномочий исполнительной ветви власти, драйвером чего является Брюссель. Частично этот сценарий уже реализовывается, и только кардинальная трансформация ЕС в свободную лигу государств и сотрудничающих клубов по интересам может предотвратить диктатуру.

186[□] Former Soviet dissident warns of EU dictatorship. – 27.02.2006. – URL: [<http://www.brusselsjournal.com/node/865>] (дата обращения: 25.03.2016)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня единая Европа переживает сложный период и, возможно, стоит на грани экзистенциального кризиса. В такое время целесообразно обратить свой взор на лидеров общества, властвующие элиты, т.к. те, кто занимает стратегические позиции по принятию решений, всегда несут ответственность как за сам кризис, так и за пути выхода из него. Такая качественная проверка обнажает изъяны и ошибки элит, а также противоречия и слабые стороны самой политической системы затрагиваемого общества. Кризисная ситуация заставляет всех задуматься, что происходит на самом деле и как мы к этому пришли.

Элиты Европейского союза – это собирательный термин для целого ряда категорий элит: политических, экономических, бюрократических и пр., способных влиять на политику и жизнь общества не только в региональном, но и глобальном масштабе, т.к. исторически являются частью «элиты элит» - суперкласса. Европа – это модель мира, плацдарм глобализации, и поэтому понимание европейских тенденций и проблем может помочь понять весь мир.

В данной диссертации было доказано, что Европейский союз отличается сильным элитистским характером, который до сих пор остаётся недостаточно оценённым. Этот проект, инициированный элитами, с самого начала имел долгоиграющие цели и стратегии по созданию наднационального государства-региона и не предполагал концептуального, осознанного участия граждан в выработке важных решений относительно природы, целей и путей развития Европы. Политические элиты выступали субъектом политики, а общество – объектом, причём за этим объектом постоянно ведётся пристальное наблюдение, чтобы не вызывать сильного неприятия, протестов, шоков и беспорядков продвигаемой повестке дня. Также, в ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что ЕС – проект для элит, наиболее отвечающий интересам самых привилегированных групп европейского общества – крупного бизнеса, финансового капитала, крупных фермеров, основной массы политиков, а также, особенно, новых бюрократических элит ЕС, качество жизни и самооценку которых напрямую зависят от прогресса интеграции. Социальный компонент Европы, наиболее предпочтительный для граждан, оказывается слабее великодержавного как на практике, так и идеологическом уровне. И наконец, слабость «легитимности на входе» и укрепление исполнительного («антикризисного») модуса управления свидетельствуют об «управлении элитами» (government by the elites). Несмотря на внешние реформы по увеличению прозрачности процесса принятия решений и попытку придать европейским выборам элементов

обязательности и соревновательности, реальной конкуренции повесток дня и альтернативных проектов сотрудничества в единой Европе нет, и поэтому интерес граждан участвовать в процедурной демократии угасает.

В ходе исследования было сделано следующее:

- разобрана концепция «элит», изучена её трансформация и различные наполнения. С целью наиболее точного анализа элит ЕС как факта социальной реальности был выбран функциональный подход к трактовке концепции, с опорой на следующее определение: элита — это те люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж. Обратившись к теоретическому осмыслению демократического дефицита в ЕС, нам удалось выяснить, что этот феномен – частный пример общего спада доверия граждан к меритократии элит, в т.ч. на национальном уровне, кризис самой западной политической культуры, а также последствия глобализации (эффект «смирительной рубашки» глобализации Д. Родрика). Также произведена классификация теорий элит, благодаря чему стала возможной кристаллизация идеологического фундамента диссертации (лево-либеральный подход Ч.Р. Миллса). И, наконец, в Главе 1 были выявлены и объяснены категории элит, имеющие наибольший вес в процессе становления и развития европейской интеграции. Политические элиты выступали как в качестве ускорителей, так и тормозов интеграционного процесса, экономические и бюрократические элиты, в свою очередь, последовательно содействовали объединению. Вследствие периодической разнонаправленности сил, скорость и направление интеграции иногда противоречивы и приводят к проблематичным результатам.
- сформулированы особенности теоретического и методологического исследования элит ЕС в данной работе; были раскрыты особенности метода социологического анализа элит, который используется в данной работе, а также преимущества социологической парадигмы в сравнении с основными теориями интеграции. Социологический подход имеет следующий потенциал: во-первых, он избегает смешивания функциональных толкований с причинными (не отождествляет причину и функцию тех или иных процессов/институтов/пр.); во-вторых, фокусируется не только о «системах» или «национальных правительствах», но также на различных группах акторов и их многочисленных интересах. Акторы интеграции трактуются расширенно, т.е. помимо правительств и политических элит, экономические, бюрократические, профессиональные и интеллектуальные элиты также признаются влиятельными группами и подлежат анализу. В-третьих, социологический подход фокусируется, в отличие от традиционных теорий интеграции, на роли граждан и их интересах, которые могут отличаться от

интересов элит и между собой в национальном плане. В-четвёртых, социологический подход систематически рассматривает роль идей и ценностей в процессе интеграции, как в их позитивной функции в качестве мотивирующих сил, так и в их функции придания легитимности, когда элиты используют ценности для камуфляжа.

- проведён анализ роли отцов-основателей, в ходе которого обнаружился глубокий отпечаток их личностных характеристик, видений и идеологий на развитии и современном состоянии европейского проекта; У «отцов-основателей» можно найти много общих характеристик, особенно это касается Аденауэра, Дегаспери и Шумана. Они были людьми одной эпохи, пережили ужасы фашизма, были практикующими католиками, а также яркими анти-коммунистами; в общих чертах являясь приверженцами демократии, они все демонстрировали существенные автократические тенденции на своих государственных постах и в характере. Черты, которые они заложили в европейский проект, присутствуют в нём по сей день – это автократизм, ценность иерархии и институтов, а также элитизм и технократизм. Стратегия убеждения и стратегия «незаметной интеграции»¹⁸⁷, заложенные Ж. Монне и другими отцами-основателями, всегда применялись в процессе интеграции и чрезвычайно актуальны по сей день.
- было оценено своеобразие европейских элит в контексте европейской интеграции, проанализированы конкретные интересы политических, экономических и бюрократических элит в процессе интеграции и их практическая реализация;
- оценена политическая конгруэнтность между элитами и не-элитами, подтвердилась гипотеза о диссонансе «Европы элит» и «Европы граждан». Наиболее яркое проявление этого раскола – то, какое будущее эти две категории хотят для Европы. Если первые являются сторонниками Европы великодержавной, мессианской и протекционистской, граждане более настроены в пользу Европы социальной и этичной. Единая европейская армия и полиция (элементы полицейского государства) в гораздо большей степени приветствуются элитами, нежели гражданами.
- в Главе 3 элитистские характеристики ЕС проиллюстрированы конкретными кейсами, а именно примерами межправительственных соглашений и их ратификационных кризисов, а также макроэкономической политики ЕС (противоречия введения евро и мер строгой экономии);
- изучены стратегии и тактики элит, связанные с «политическим маркетингом» европейской интеграции. Стержень этого маркетинга – стратегия убеждения, и она состоит из трёх направлений деятельности ЕС: устойчивые информационные и PR-

---

187[□]Англ. термин «integration by stealth».

кампании; мониторинг мнения европейских граждан посредством регулярных, ежегодных исследований Евробарометра; специфические информационные и публичные кампании накануне принятия/предложения важных решений. Мониторинг общественного мнения – это центральный элемент отношений ЕС с гражданами. Ещё одной важной стратегией ЕС по обеспечению согласия граждан является изобретение мифов об интеграции. Политические элиты, как правило, непрерывно воспроизводят эти мифы, стараясь таким способом легитимировать свои действия (примеры таких мифов – «европейская интеграция – необратимый процесс», «европейская интеграция – ключевой фактор мира как состояния не-войны в Европе», «если евро потерпит крах, то вместе с ним вся Европа», «Европа – это ЕС»).

- разработаны три сценария будущего единой Европы, исходя из соотношений компонентов элитарности и демократии; в каждом сценарии также упоминаются перспективы отношений Россия-ЕС. Наиболее благоприятный с точки зрения демократии сценарий – «Иммануил Кант» – предполагает следующее: в базовых рамках таможенного союза и общего рынка товаров – степень интеграции, которую поддерживает большинство европейцев – сформировались бы различные, зачастую пересекающиеся клубы, согласно предпочтениям и нуждам их членов. Таким образом, эффективность и плюрализм могут хорошо сочетаться.

Теоретические выводы: элитологическая парадигма, которая вошла в широкое употребление в политологии, может успешно применяться в европейских исследованиях, которые до сих пор обходили стороной тематику элит и лидерства. Продуктивно рассмотрение политической системы ЕС, её особенностей и характеристик сквозь призму дихотомии «элиты-массы».

Перспективы разработки данной тематики – инкорпорация тематики европейской интеграции в элитологию, более системное изучение элит ЕС и европейской политической системы с помощью методологии теорий элит.

В заключении всего исследования, хотелось бы поставить некоторые акценты на столько затронувшую автора работы проблему. Концепция ЕС как сообщества ценностей или как политики, предназначенной для обеспечения типично «европейского образа жизни», продвигаемая элитами в настоящее время, не предлагает перспективных путей выхода из кризисов и многочисленных противоречий. В плане культуры и религии, внутренняя дифференциация ЕС преобладает над общностью, концепция «европейского образа жизни» является размытой, и этого вряд ли достаточно, чтобы построить политическое сообщество. У ЕС есть будущее, если он сместит акцент с мессианства, ценностей и чрезмерных экономических и политических амбиций на этические и

юридические обязательства и будет стремиться обеспечивать максимальные возможности для осуществления прав человека. Главная задача «здорового» политического сообщества – это поиск, утверждение и сохранение интересов своих граждан, содействие счастью общества и всех его членов и даже тех, кто находится за его пределами (как минимум, по принципу «не навреди»). Демократия как практика неоднократно дискредитировала себя, но сама идея выбора и свободы, лежащая в основе данной концепции, имеет колоссальную ценность. Европейский проект недемократичен по наследству, с самого «рождения», и так было заложено его «архитекторами». Изменить это может только кардинальная трансформация европейского сотрудничества в лигу свободных суверенных государств, объединяющихся в клубы по интересам в приемлемых для всех общих рамках, что соответствует теоретическим концепциям «вариативной геометрии» или «Европы по выбору». Наиболее вероятно, что такой сценарий обеспечит плюрализм, права и свободы граждан, а также будет способствовать гармонизации их отношений с элитами. В конечном итоге, обществу нужны мудрые правители (над которыми бы стояли святые и философы), лидеры, элиты (как лучшие представители, в аксиологическом значении данного термина), а также добросовестные управленцы, ведь политика – не дело каждого, однако, пока «что есть» и «что должно быть» не приблизятся друг к другу, выбор между деспотией, какой бы просвещённой она не называлась, и народовластием должен быть сделан в сторону последнего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - The Commission's contribution to the period of reflection and beyond - Plan-D for Democracy, Dialogue and Debate /* COM/2005/0494 final */ URL: [<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52005DC0494>] (дата обращения: 10.04.2016)
  2. Barroso, Jose Manuel. State of the Union 2012 Address. – URL: [http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-12-596_en.htm]
  3. Eurobarometer 63. Public opinion in the European Union. – September 2005. – URL: [http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb63/eb63_en.pdf] (дата обращения: 10.04.2016)
  4. Eurobarometer Surveys. Top Decision Makers Survey. Summary report. – URL: [http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/top/top_en.htm#4]
  5. EU budget for 2015. – URL: [http://ec.europa.eu/budget/annual/index_en.cfm?year=2015] (дата обращения: 10.04.2016)
  6. Juncker, Jean Claude. Speech “State of the Union 2015: Time for Honesty, Unity and Solidarity”. – URL: [http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-15-5614_en.htm]
  7. Lord Acton. Letter to Archbishop Mandel Creighton (Apr. 5 1987). – URL: [<http://history.hanover.edu/courses/excerpts/165acton.html>] (дата обращения: 01.05.2016)
  8. Treaty establishing the European Stability Mechanism. – February 2012. – URL: [http://europa.eu/rapid/press-release_DOC-12-3_en.htm] (дата обращения: 10.04.2016)
  9. Treaty on European Union – Maastricht Treaty. – URL: [http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_on_european_union/treaty_on_european_union_en.pdf] (дата обращения: 10.04.2016)
  10. Treaty of Nice. – URL: [<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12001C/TXT>] (дата обращения: 10.04.2016)
  11. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. – URL: [<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2007:306:FULL&from=EN>] (дата обращения: 10.04.2016)
  12. Treaty establishing a Constitution for Europe. – URL: [http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_establishing_a_constitution_for_europe/treaty_establishing_a_constitution_for_europe_en.pdf] (дата обращения: 10.04.2016)
  13. Treaty on stability, coordination and governance in the economic and monetary union. – URL: [<http://www.consilium.europa.eu/en/workarea/downloadasset.aspx?id=27066>] (дата обращения: 10.04.2016)
  14. Д е к л а р а ц и я Ш у м а н а . 9 м а я 1 9 5 0 . – URL: [http://www.unn.ru/books/met_files/History_EU.pdf]
  15. Монне, Жан. Реальность и политика // Пер. Божович В. – Московская школа политических исследований. – 2001.
- Исследования и монографии**
16. Ашин Г., Понеделков А., Игнатов В., Старостин А. Основы политической элитологии. – М.: «Издательство ПРИОР». – 1999.
  17. Васильченко, А. «Евросоюз» Гитлера. – М: Алгоритм. – 2015.

18. Вебер М. Политические работы, 1895—1919. - М.: Праксис. – 2003.
19. Громогласова Е. Теория и практика политического управления в Европейском Союзе. – М.: ИМЭМО РАН. – 2009.
20. Даль, Р. Демократия и её критики. / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2003.
21. Крастев, И. Управление недоверием. – М.: Изд-во «Европа». – 2014.
22. Кузьмин, Ю. Общая ассамблея Европейского сообщества угля и стали и развитие европейской интеграции (1952-1958 гг.). – СПб: Изд-во С-Петербур. ун-та. – 2002.
23. Леви Д. Современное лоббирование в Европейском Союзе: в поисках общих ценностей и точек соприкосновения. – СПб: Издательство Сезам. – 2009.
24. М а к и а в е л л и , Н . Г о с у д а р ь . – U R L : [http://libclub.net/M/MakiaveliNikolo/MakiaveliNikolo-104-18.htm] (дата обращения: 10.04.2016)
25. Роткопф, Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. – М: АСТ. – 2010 г.
26. Утченко, С. Политические учения Древнего Рима. – М: Наука. – 1977. – URL: [http://sno.pro1.ru/lib/utchenko_politicheskie_ucheniya_drevnego_rima/index.htm]
27. Booker, Christopher and North, Richard. The great deception: the secret history of the European Union. – Continuum International Publishing Group Ltd.; Reprint edition. – 2003.
28. Bohle, Dorothee and Greskovits, Bela. Capitalist Diversity of Europe’s Periphery. - Capitalist Diversity of Europe’s Periphery. – 2012.
29. Dinan, Desmond. Ever Closer Union? An Introduction to European Integration. – Palgrave Macmillan. – 1999.
30. European Identity. Edited by Jeffrey T. Checkel and Peter J.Katzenstein. – New York: Cambridge University Press. – 2009.
31. Fulbrook, Mary. Interpretations of the Two Germanies. Edited by Roy Porter. - Palgrave Macmillan. – 2000.
32. Gallagher, Tom. Europe’s path to crisis: disintegration via monetary union. – Manchester University Press. – 2014.
33. Georgakakis, D., Rowell, J. Field of Eurocracy. Mapping EU actors and professionals. – Palgrave Macmillan UK. – 2013. – URL : [http://www.palgrave.com/gp/book/9781137294692#aboutBook] (дата обращения: 10.04.2016)
34. Gillingham, John. Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945-1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community. – Cambridge University Press. – 2004.
35. Haller, Max. European Integration as an Elite Process: The Failure of a Dream? (Routledge Advances in Sociology). – Taylor and Francis. Kindle Edition. – 2008.
36. Hellström, Anders. Bringing Europe down to Earth. – Department of Political Science, Lund University. – 2006. – URL: [lup.lub.lu.se/record/25500/file/26664.pdf] (дата обращения: 10.04.2016)
37. Kant, Immanuel. Perpetual Peace: A Philosophical Sketch. – URL: [https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/kant/kant1.htm] (дата обращения: 10.04.2016)
38. Keulman, Kenneth and Koós, Agnes Katalin. European Identity: Its Feasibility and Desirability. – Plymouth, Lexington Books. – 2014.
39. Larres, Klaus. A Companion to Europe since 1945. – Blackwell Publishing Ltd. – 2009. – U R L : [h t t p : / / w w w . e - reading.club/bookreader.php/136731/A_companion_to_Europe_since_1945.pdf]
40. Neal, Larry. The Economics of Europe and the European Union. Cambridge University Press: Cambridge. – 2007.

41. Michalowitz, Irina. EU Lobbying. Principals, Agents and Targets: Strategic interest intermediation in EU policy-making. – Munster: LIT Verlag. – 2004.
  42. Milward, Alan. The European Rescue of the Nation State. - The European Rescue of the Nation State. – 1999.
  43. Parsons, Wayne, Giorgi, Lisa, von Homeyer, Ingmar et al. Democracy in the European Union: towards the emergence of a public sphere. – Routledge. – 2006.
  44. Princen, Sebastian and Lelieveldt, Herman. The politics of the European Union (Cambridge Textbooks in Comparative Politics). – Cambridge University Press. – 2011.
  45. Shore, Cris. Building Europe: the cultural politics of European integration. – Routledge. – 2000.
  46. Siedentop, Larry. Democracy in Europe. – Penguin; New Ed edition. – 2001.
  47. The Europe of Elites A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites. Edited by Heinrich Best, Gyorgy Lengyel, and Luca Verzichelli. – Oxford University Press, Oxford. – 2012. – URL: [www.oapen.org/download?type=document&docid=453477] (дата обращения: 10.04.2016)
- Статьи**
48. Ашин, Г. Элита. История термина и его применение // НП ЦДО «Элитариум». – URL: [http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatie-termin-pareto-jelitarnyj-vlast-obshhestvo/] (дата обращения: 10.04.2016)
  49. Ашин, Г. Элиты и демократия // Гражданское общество и правовое государство. – URL: [http://ecsocman.hse.ru/data/121/784/1231/ons5-96_-_0059-70.pdf] (дата обращения: 10.04.2016)
  50. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 1999. — С.125-166. – URL: [http://bourdieu.name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja] (дата обращения: 10.04.2016)
  51. Буторина, О. Причины и последствия кризиса в зоне евро // «Вопросы экономики», № 12, 2012.
  52. Делягин, М. Прощай, унылая Европа! // Интернет-сайт информационно-аналитического проекта «Однако». – URL: [http://www.odnako.org/almanac/material/proshchay-unilaya-evropa/]
  53. Де Рюйтер, Рудо. ЕСМ – переворот в 17 странах! // Интернет-журнал «Court Fool». – URL: [http://www.courtfool.info/ru_ESM_a_coup_d_etat_in_17_countries.htm#right-column]
  54. Дугин, А. Провал Европейской конституции. Шанс для России // Издание Правительства РФ «Российская газета», сетевое издание. – 16.06.2005. – URL: [http://rg.ru/2005/06/16/evrokonstitucia.html]
  55. Захаров, П. Причины и ключевые особенности европейского долгового кризиса // Доклады РИСИ. Проблемы национальной стратегии № 6 (15). – 2012.
  56. Кавешников, Н. Европейский стабилизационный механизм не станет «пособием по безработице» для кризисных стран еврозоны // Интернет-сайт Университета МГИМО, раздел «Говорят эксперты». – 20.09.2012. – URL: [http://old.mgimo.ru/news/experts/document228238.phtml]
  57. Криворученко, В., Мацуев А., Плотников А., Сыздыкова Ж. Элита: к вопросу о понятии // Знание, понимание, умение. 2012. №3. – URL: [http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/3/Krivoruchenko_Matsuev_Plotnikov_Syzdykova-Elite-Question-Concept/] (дата обращения: 10.04.2016)

58. Крастев, И. Политическая логика дезинтеграции: семь уроков распада Советского союза // Интернет-журнал «Хвиля». – 03.11.12. – URL: [http://hvylya.net/analytics/politicheskaya-logika-dezintegratsii-sem-urokov-raspada-sovetskogo-soyuza-dlya-es.html]
59. Ксенофонов, К. Итоги выборов в Европарламент. Что стоит за успехом правых и евроскептиков? // Информационно-аналитический журнал «Спутник и погром», сетевое издание. – Июнь 2014. – URL: [http://sputnikipogrom.com/europe/13531/right-on/#.VvJIBfmLTIU] (дата обращения: 10.04.2016)
60. Кулеба, Д. Проблемы роста европейской демократии // Газета «Зеркало недели. Украина», сетевое издание. – URL: [http://gazeta.zn.ua/international/problems-rosta-evropeyskoj-demokratii-.html] (дата обращения: 10.04.2016)
61. Лайтман, М. Необходимость духовного лидерства в Европе. – 08.11.2015. – URL: [http://www.laitman.ru/crisis/169410.html]
62. Лимонов, Э. Процесс пошёл, процесс самоуничтожения Запада // Ежедневная газета «Известия», сетевое издание. – 11.09.2015. – URL: [http://izvestia.ru/news/591375?intref=relap]
63. Максимычев, И. Провал Европейской конституции и его последствия // Интернет-газета «Столетие». – 09.06.2005. – URL: [http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/proval_evropesko_konstitucii_i_ego_posledstviya.htm]
64. Милс Р. Политическая элита. – URL: [http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/dca2ae9f-5666-4564-8db9-ebfb341bcd5b/%5BCIVSal1011_10-11%5D_%5BTS_65%5D.html] (дата обращения: 10.04.2016)
65. Орловский, А. Мари ле Пен мечтает о возврате Европы наций и развале Евросоюза // Блоговая платформа для социальной журналистики «Cont.ws». – URL: [https://cont.ws/post/247637]
66. Политдруг, Е. Отцы Европы: большое исследование о настоящих основателях ЕС // Интернет-журнал «Славянский базар». – 11.01.2014. – URL: [http://slavbazar.org/forum/thread38701.html]
67. Романова Т.А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2011. Вып. 1
68. Романова Т.А. Другой взгляд на кризис в зоне евро: о политико-правовом регулировании современной интеграции // Международная жизнь. 2012. No 12.
69. Рыжков, В. Дом, который построил Жак // Ежедневная газета «Известия», сетевое издание. – 10.11.2002. – URL: [http://izvestia.ru/news/269456#ixzz43kdA0f5J] (дата обращения: 10.04.2016)
70. Самсонова, Т. Выборы прошли, а в Европе продолжают нервничать // Российское сетевое издание «Slon.ru». – Май 2014. – URL: [http://slon.ru/world/vybory_proshli_v_evrope_prodolzhayut_nervnichat-1104063.xhtml] (дата обращения: 10.04.2016)
71. Стрежнева, М. Теории европейской интеграции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. – URL: [http://fmp.msu.ru/attachments/article/268/STREZHNEVA_1_2009.pdf] (дата обращения: 10.04.2016)
72. Стрелков А. «Демократический дефицит» после Лиссабонского договора // сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». – URL: [http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/demokraticeskij_deficit_pos...] (дата обращения: 10.04.2016)

73. Тищенко Г., Воробьева Л., Калиткин В. и др. ЕС: испытание кризисом // Доклад РИСИ. Проблемы национальной стратегии № 5 (32). – 2015.
74. Элита. История термина. – URL: [<http://oko-planet.su/spravka/spravkamir/170028-elita-istoriya-termina.html>] (дата обращения: 10.04.2016)
75. Явка избирателей на выборах в Европарламент в Латвии не превысила 30% // Сетевое издание «РИА Новости». – 24.05.2014. – URL: [<http://ria.ru/world/20140524/1009202625.html>] (дата обращения: 10.04.2016)
76. Amies, Nick (interviewer). Former EU Mandarin Spills the Beans on Commission Intrigue // Интернет-сайт немецкой международной общественной телерадиокомпании «Deutsche Welle». – 21.09.2007. – URL: [<http://www.dw.com/en/former-eu-mandarin-spills-the-beans-on-commission-intrigue/a-2790009>] (дата обращения: 10.04.2016)
77. Batzoglou, Ferry et al. The ticking Euro bomb: how a good idea became a tragedy // Информационно-аналитический журнал “Spiegel”, сетевое издание. – 05.11.2011. – URL: [<http://www.spiegel.de/international/europe/the-ticking-euro-bomb-how-a-good-idea-became-a-tragedy-a-790138-3.html>]
78. Bello, Walden. Greek mythology: the real story of the European debt crisis // Периодический журнал “Yes!Magazine”, сетевое издание. – 20.07.2010. – URL: [<http://www.yesmagazine.org/new-economy/greek-mythology-the-real-story-of-the-european-debt-crisis>]
79. Croucher, Richard and Upchurch, Martin. Political congruence: a conceptual framework and historical case study // Labor History, 53:2, 205-223. – 2012. – URL: [https://www.academia.edu/1606780/Political_Congruence_a_conceptual_framework_and_historical_case_study]
80. Crum, Ben. Saving the euro at the cost of democracy? // JCMS 2013 Volume 51. Number 4. pp. 614–630
81. Follesdal, Andreas and Hix, Simon. Why there is a Democratic Deficit in the EU: a Response to Majone and Moravcsik // JCMS 2006 Volume 44. Number 3. pp. 533–62
82. Former Soviet dissident warns of EU dictatorship. – 27.02.2006. – URL: [<http://www.brusselsjournal.com/node/865>]
83. Guide to European Parliament salaries. – February 2014. – URL: [<http://www.bbc.com/news/world-europe-11725041>] (дата обращения: 10.04.2016)
84. Hankel, W. Why the euro system is unsustainable // Executive Intelligence Review, issue of August 2005. – URL: [http://www.larouchepub.com/other/interviews/2005/3232_hankel.html]
85. Hannan, Daniel. The case for Europe. One MEP reveals the disturbing contempt for democracy at the heart of the EU // Ежедневная газета “The Daily Mail”, сетевое издание. – 17.08.2002. – URL: [<http://www.dailymail.co.uk/news/article-2188453/The-case-Europe-MEP-Daniel-Hannan-reveals-disturbing-contempt-democracy-heart-EU.html#ixzz45WcmhHWj>]
86. Hannan, D. The EU is an antidote to democratic governments argues President Barosso // Ежедневная газета “The Daily Telegraph”, сетевое издание. – 04.10.2014 – URL: [<http://blogs.telegraph.co.uk/news/danielhannan/100056661/the-eu-is-an-antidote-to-democratic-governments-argues-president-barroso/>] (дата обращения РАНЕЕ)
87. Hooghe, Lisbet. Europe Divided? Elites vs Public Opinion on European Integration // European Union Politics. 2003, Volume 4 (3), pp. 281–304
88. Hooghe, Liesbet and Marks, Gary. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // British Journal of Political Science. 2009, Vol. 39, pp 1-23.

89. 'If the Euro Fails, Europe Fails': Merkel Says EU Must Be Bound Closer Together // Информационно-аналитический журнал "Spiegel", сетевое издание. – 07.09.2011. – URL: [<http://www.spiegel.de/international/germany/if-the-euro-fails-europe-fails-merkel-says-eu-must-be-bound-closer-together-a-784953.html>]
90. Krugman, Paul. The case for cuts was a lie. Why does Britain still believe it? Austerity delusion // Ежедневная газета «The Guardian», сетевое издание. – 29.04.2015. – URL: [<http://www.theguardian.com/business/ng-interactive/2015/apr/29/the-austerity-delusion>]
91. Majone, Giandomenico. Rethinking European integration after the debt crisis // London's Global University. The European Institute. Working paper №3/2012. – June 2012.
92. Martens, Maria. Administrative Integration through the Back Door? The Role and Influence of the European Commission in Transgovernmental Networks within the Environmental Policy Field // Journal of European Integration, 30:5, pp. 635-651. – 2008. – URL: [<http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/07036330802439608>]
93. Rodrick, Dani. The inescapable trilemma of the world economy. – 27.07.2007. – URL: [http://rodrik.typepad.com/dani_rodriks_weblog/2007/06/the-inescapable.html]
94. Schmidt, Vivien A. Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited: Input, Output and 'Throughput' // Political Studies Volume 61, Issue 1, pages 2–22, March 2013
95. The European Union – the New Soviet Union? Transcript of Mr Bukovsky's Brussels Speech. – URL: [<http://wariscrime.com/new/the-european-union-the-new-soviet-union/>] (дата обращения: 10.04.2016)
96. The human cost of austerity: Poor people paying for a crisis they did not cause // Интернет-сайт НПО "Caritas Europe". – URL: [<http://www.caritas.eu/the-human-cost-of-austerity-poor-people-paying-for-a-crisis-they-did-not-cause>]
97. The next steps in the Eurozone crisis will lead to the ESM dictatorship. – 09.03.2014. – URL: [<http://beforeitsnews.com/economics-and-politics/2014/03/the-next-steps-in-the-eurozone-crisis-will-lead-into-the-esm-dictatorship-2462464.html>]
98. Traunor, Ian. European polls herald clash of Europe's titans // Ежедневная газета «The Guardian», Интернет-издание. – URL: [<http://www.theguardian.com/world/2014/may/21/european-commission-eu>] (дата обращения: 10.04.2016)
99. Valero, Jorge. Juncker and Dragi fail to win support for Eurozone reform // Периодическое Интернет-издание "Euractiv". – October 2015. – URL: [<https://www.euractiv.com/section/euro-finance/news/juncker-and-draghi-fail-to-win-support-for-eurozone-reform/>] (дата обращения: 10.04.2016)
100. Waterfield, Bruno. 10,000 European Union officials better paid than David Cameron. // Ежедневная газета "The Daily Telegraph", сетевое издание. – 21 May 2014. – URL: [<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/10847979/10000-European-Union-officials-better-paid-than-David-Cameron.html>]
101. Weiler, J.H.H. A quiet revolution: The European Court of Justice and Its Interlocutors // Comparative Political Studies. January 1994 vol. 26 no. 4 pp. 510-534

Справочные материалы

102. Бюрократия (НФЭ, 2010). – URL: [<http://ponjatija.ru/node/10420>]
103. Взгляд на бюрократию М. Вебера, Р. Мертона, А. Гоулднера. – URL: [<http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-byurokratii.html>]
104. Даунс, Энтони. – Материал из Википедии. – URL: [<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%83%D0%BD%D1%81,%D0%AD%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B8>]

105. Материалы Интернет-сайта «Европа дебатов». – URL: [http://www.debatingeurope.eu/]
106. Монне, Жан. – Материал из Википедии. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B5_%D0%96%D0%B0%D0%BD]
107. Романова Т.А. История и теория европейской интеграции: организация и проведение семинарских занятий. // СПб: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2007.
108. Толковый словарь Ушакова онлайн. – URL: [http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87423]
109. Фракции Европейского парламента. – Справочные материалы сетевого издания «РИА Новости». – URL: [http://ria.ru/cj_mm/20140708/1015142948.html]
110. About the European Commission. – Официальный сайт Европейского Союза. Справочные материалы. – URL: [http://ec.europa.eu/about/index_en.htm]
111. European Civil Service (Directorates-General). – Материал из Википедии. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/European_Civil_Service#Directorates-General]
112. Historical events in the European integration process (1945–2014). – e-Publication by Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). – URL: [http://www.cvce.eu/en/education/unit-content/-/unit/02bb76df-d066-4c08-a58a-d4686a3e68ff/ff4dba1b-7691-48a8-b489-51393c82c951]
113. Race of the future. – Материал из Википедии. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Race_of_the_future#cite_note-2]
114. Salaries for staff, Parliament members and Commissioners. – URL: [http://en.euabc.com/word/814]
- Авторефераты диссертаций**
115. Болдырева, О. Тема диссертации и автореферата по ВАК 07.00.03 на соискание степени к.и.н. «Государственная деятельность и общественно-политические взгляды Жана Монне». – 2006. – URL: [http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-deyatelnost-i-obshchestvenno-politicheskie-vzglyady-zhana-monne-1910-e-1950#ixzz43QF5D0jX]
116. Кавешников, Н. Тема диссертации и автореферата по ВАК 23.00.22 на соискание степени к.п.н. «Трансформация институциональной структуры Европейского союза: 1992-2005 г.» – 2006. – URL: [http://www.dissercat.com/content/transformatsiya-institutsionalnoi-struktury-evropeiskogo-soyuza-1992-2005-gg]
117. Копаев, Е. Тема диссертации и автореферата по ВАК 09.00.11. на соискание степени к.ф.н. «Правящая элита как социальный феномен». – 2010. – URL: [http://www.dissercat.com/content/pravyashchaya-elita-kak-sotsialnyi-fenomen]
- Видео-материалы**
118. Bill Mitchel in Helsinki. The euro crisis and austerity. – URL: [http://www.youtube.com/watch?v=yHEjobYP6mg]
- Рецензии на монографии**
119. Book review: The Europe of Elites. A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites Edited by Heinrich Best, Gyorgy Lengyel, and Luca Verzichelli. – URL: [http://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2013/02/06/the-europe-of-elites-a-study-into-the-europeanness-of-europes-political-and-economic-elites/]
120. Book Review: The Battle for Europe: How an Elite Hijacked a Continent and How we Can Take it Back by Thomas Fazi. – URL: [http://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2014/06/05/book-review-the-battle-for-europe-by-thomas-fazi/]

